

А. И. Власов

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МАНИПУЛЯЦИИ

**/ ИСТОРИЯ
И ПРАКТИКА
СРЕДСТВ
МАССОВОЙ
ИНФОРМАЦИИ
США /**

А.И. Власов

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МАНИПУЛЯЦИИ

**/ ИСТОРИЯ
И ПРАКТИКА
СРЕДСТВ
МАССОВОЙ
ИНФОРМАЦИИ
США /**

**МОСКВА
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ»
1982**

Власов А. И.

В58 Политические манипуляции: История и практика средств массовой информации США. — М.: Междунар. отношения, 1982. — 304 с.

В книге анализируется международная деятельность средств информации США, использующих методы манипулирования умами в интересах монополистических кругов. Серия разоблачений политических махинаций в США в последние годы не ослабила действующий долгие годы механизм обмана, а, наоборот, усилила его. Под видом прославления «американского образа жизни», с помощью ложного тезиса о «советской военной угрозе», путем искажений, полуправды, сенсаций и других приемов американский империализм пытается ослабить бдительность народов, увести их от борьбы за прочный мир, за социальную справедливость на земле.

Для научных и практических работников, занимающихся вопросом международных отношений и идеологической борьбы.

В $\frac{080400000-016}{003(01)-82}$ 20 — 82

ББК 66.4(08)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
ГЛАВА I	
ОСНОВЫ НЕРАВЕНСТВА И НЕСВОБОДЫ . . .	10
Проповедь почтения к собственности	10
От страха перед революцией во	
Франции к «особому предназначению	
Америки»	19
Источник серьезных пороков	31
«...Вниз по склону холма»	41
ГЛАВА II	
КРИЗИС ИДЕЙ	54
Великий Октябрь прорвал кордон	54
Буржуазная печать защищает собствен-	
ность	73
Уловки бессознательного	90
ГЛАВА III	
ТУПИКИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЛЛЮЗИЙ	103
Фальшивые уловки	103
Ненависть и подозрение	119
Кто в ловушке?	134
ГЛАВА IV	
ДВА ПОДХОДА К СРЕДСТВАМ ИНФОРМАЦИИ	143
Возможна ли новая реальность? . . .	143
«Мышление, лишенное морального	
чувства»	158
Экспортный вариант	162
Срочно меняют «образ»	173

ГЛАВА V	
НЕ МОГУТ ДАТЬ ЧЕСТНЫЙ И ОТКРОВЕН- НЫЙ ОТВЕТ	190
Преступная война и средства инфор- мации	190
Существует ли доверие?	203
«Еретики» из «Вашингтон пост»	213
ГЛАВА VI	
В УГОДУ ОПАСНЫМ РЕШЕНИЯМ	236
Печальные итоги 200-летия США	236
Штамп дезинформации	247
В одной упряжке	259
Заключение	292
Примечания	295

Введение

Серия политических скандалов в 70-х годах охватила США. Общественность узнала, как законодатели и правительство страны дезинформировали людей по вопросам внешней и внутренней политики.

Авторы разоблачений теневых сторон, рассказывая о злоупотреблениях, не забывали о восхвалении Соединенных Штатов. На читателя и слушателя обрушивались потоки призывов о «демократизме» и «свободе» Америки.

Какое общество может так смело критиковать свои недостатки?

Но так ли смело и демократично в действительности американское общество?

Дали ли разоблачения надежду на очищение американского общества от коррупции, обмана, злоупотреблений?

Постепенно угар рассеивался, утихали красноречивые законодатели. Наступали будни с их проблемами, и люди стали ощущать, что разоблачения прошли, но они не принесли облегчения ни во внутренних, ни в международных делах Америки. Надежды на лучшее не осуществлялись.

Возникал и другой вопрос. Ведущие органы печати (газеты «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост», журналы «Тайм», «Ньюсуик» и др.) выступали в качестве «разгребателей грязи» на верхних этажах власти, рекламируя себя как независимые политические органы, стоящие над властью имущих.

Факты же показывают, что действия американской печати не изменили, а, пожалуй, еще более усилили зависимость средств информации от силы государственно-монополистического капитала. За конкретными выступлениями газет и журналов стояли интересы определенных групп банков и крупных компаний. Они сводили счеты с политическими противниками, давали своим органам информации разрешение на критику. Но как толь-

ко журналисты в пылу сбора компрометирующих материалов переходили грань дозволенного, сразу же следовал окрик. Дух поиска фактов иссякал.

Критика отдельных теневых сторон политической жизни превозносилась как показатель «демократизма» американских средств информации, как своеобразное успокоительное средство для общественности: печать бдительно наблюдает за политическим процессом в Соединенных Штатах и потому, дескать, нет необходимости в каких-либо реформах.

Читатель сталкивался с очередным приемом дезинформации, искусно сплетенным опытными руками. Подобную практику правомерно характеризовать как манипулирование. Последний термин часто фигурирует в его обыденном понятии как «приемы ручные, ухватка» (словарь В. Даля). В технике он означает операции или контроль с использованием навыков руки и механизмов.

В буржуазной политической литературе манипулирование обрело иной смысл, когда речь заходила о тонком или окольном управлении людьми, формировании благоприятных для правящих кругов пропагандистских установок. Такой подход возник не сегодня. Он формировался по мере восхождения американского общества по ступеням капиталистического развития, распространения культа капиталистической частной собственности. Противоречия, заложенные в «строительном материале», предопределили приемы маскировки и обмана. Разве можно было честно и правдиво совместить антидемократизм и антигуманизм частной собственности с идеями демократии и свободы, совместить такие пороки, воспитанные капитализмом, как индивидуализм и эгоизм, с идеями коллективизма и равенства.

История США, их средств информации позволяет выявить далеко не случайный, а закономерный путь Соединенных Штатов по пути нагнетания и ухищренного использования политического манипулирования, когда идеи свободы и демократии, антиколониализма быстро приносятся в жертву и с помощью различных ухваток окружают «американский образ жизни» красочными стандартами, иллюзорными обещаниями демократии и равенства.

Используемые вначале для обработки внутренней аудитории приемы политического манипулирования берутся на вооружение в борьбе с идеями французской революции, а затем и против Великой Октябрьской со-

циалистической революции. Все средства бросались на то, чтобы вызвать настороженность и подозрительность к другим альтернативам, к подлинным свободе и демократии.

Антикоммунизм, антисоветизм в США с первых их шагов шли рука об руку с грубыми фальсификациями, откровенной ложью. Из аргументации изгонялся здравый смысл, исключалась возможность анализировать международную обстановку. Сами инициаторы антикоммунистической истерии с ее ложной «угрозой коммунизма» попадали в собственные ловушки. Разжигая истерию антикоммунизма, антисоветизма, они создавали обстановку для поспешных и опасных решений, наносящих ущерб Соединенным Штатам, их международному престижу, их экономике, культуре.

Антикоммунизм и антисоветизм сопрягались еще с одним крупным пороком. Всякая фальсификация основывается на преднамеренном искажении и, следовательно, культивирует незнание, и в первую очередь незнание истории и практики Советского Союза, сокрытие правдивой информации, одностороннюю трактовку событий, использование заведомо фальсифицированных данных и слухов. Авторы мифических угроз и их распространители попадали в тяжелое положение, принимали политические решения, наносящие ущерб моральному и политическому состоянию американского общества.

Исторический подход к избранной теме позволяет выявить основные тенденции в становлении и развитии пропагандистского аппарата США. Построенный на основе капиталистической собственности, он полностью подчиняется своим хозяевам. Свойственные капиталистическому обществу потребности в политическом манипулировании становятся уделом не отдельных органов информации, а широкой системы, предназначенной для обработки людей, еще больше усиливая идеологическую монополию власти денег. Это не означает, что среди американских журналистов нет честных людей, выступающих с критикой деятельности правящих кругов и хозяев средств информации. Они есть и будут. И в этом отражается столкновение противоположных классов и групп американского общества, вытекающее из постоянной борьбы, накатывающейся на основы капитализма, борьбы против политического, экономического и идеологического гнета государственно-монополистического капитала.

В целом же пропагандистский аппарат буржуазии всегда отставал и отстает принципы капиталистической частной собственности, что толкает его к политическому манипулированию. Такова природа капитализма, подтвержденная многочисленными историческими и практическими действиями. «Империализм, — отмечал Л. И. Брежнев, — не может рассчитывать на успех, открыто провозглашая свои действительные цели. Он вынужден создавать целую систему идеологических мифов, затуманивающих подлинный смысл его намерений, усыпляющих бдительность народов. Для этого им создана теперь гигантская пропагандистская машина, использующая все современные средства идеологического воздействия»¹.

Идеологические мифы, построенные на фальсификации общественного развития, имеют двуединую задачу. Они создают систему иллюзий об «американском образе жизни», приукрашивают капиталистическую действительность, наделяют ее несвойственными ей качествами. Одновременно эта система идеологических мифов наполняется клеветой на марксистско-ленинскую теорию, на практику развитого социализма.

В пропагандистском арсенале империализма собраны различные коварные приемы — «извращенная информация и тенденциозное освещение фактов, умолчание, полуправда и просто беспардонная ложь»². Их разоблачение, как отмечалось в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», принадлежит к одной из важных задач.

По мере дальнейшего развития и укрепления социализма, роста его политического влияния резко обостряется идеологическая борьба. «Для Запада она не сводится к противоборству идей, — подчеркивал в Отчете ЦК КПСС XXVI съезду партии Л. И. Брежнев. — Он пускает в ход целую систему средств, рассчитанных на подрыв социалистического мира, его разрушение.

Империалисты и их пособники систематически проводят враждебные кампании против социалистических стран. Они чернят и извращают все, что происходит в этих странах. Для них самое главное — отвратить людей от социализма»³. Классовый противник делает выводы из своих поражений, действует все более изощренно и коварно. К числу таких приемов правомерно отнести и политическое манипулирование, которое вбирает в себя

методы утаивания информации, грубого искажения фактов и событий, — всего того, что искажает правду о развитии социализме, его мирной внешней политике.

Выявление процессов политического манипулирования автор представленной книги ведет на основе исторического подхода к практике буржуазных средств информации США, надеясь показать читателю закономерность и сложность данного процесса, его бесперспективность как с точки зрения общечеловеческих норм общения людей, так и стремления людей к миру и мирному сосуществованию государств с различными социально-политическими системами.

ОСНОВЫ НЕРАВЕНСТВА И НЕСВОБОДЫ

Было бы ошибочным искать причины политического манипулирования в каких-то привходящих, случайных и временных факторах. Они зарождались в самом американском обществе по мере развития и укрепления капиталистической частной собственности.

В борьбе против колониального господства возникали передовые для того времени лозунги. Но довольно быстро они обретали характер фантазий, приносились в жертву интересам меньшинства, а свободолюбивые призывы передовых американцев, французской революции оценивались как «угрозы», «вызовы» обществу.

Начинается стремительное движение Соединенных Штатов вниз по склону капиталистической собственности, а печать, превратившись в частную собственность, превозносит американский путь в качестве единственной альтернативы общественного развития.

ПРОПОВЕДЬ ПОЧТЕНИЯ К СОБСТВЕННОСТИ

Декабрь 1620 года. У берегов Массачусетса бросил якорь корабль «Майский цветок». Он высадил пуритан, бежавших из Англии от преследований короля Иакова и его церковников...

От этого дня ведут американские историки отсчет заселения Америки. По иронии судьбы «Майский цветок» не принес с собой мира и спокойствия. Напротив, начался сложный и жестокий процесс завоеваний.

В Новом Свете причудливо уживались элементы

феодализма, монархизма, колониализма, свободного землевладения, рабства. Пестрота общественных отношений, присущая переходу Европы того времени от феодализма к капитализму, проявлялась в поведении поселенцев.

Одна часть решала свои проблемы за счет самовольного захвата земли и поселения на землях коренного населения — индейцев; другая — за счет ввоза рабов и закабаления белых поселенцев. Экспроприация земли у индейцев и бесчеловечное их истребление, ввоз рабов, закабаление части белых поселенцев осенялись рассуждениями о благе новой цивилизации, о превосходстве белого над черным, сильного над слабым, богатого над бедным. Всепоглощающая идея частной собственности скрепляла все эти разнородные элементы. Откроем первый номер газеты «Бостон ньюс-леттер»: «Все лица, у которых украдены товары, все лица, имеющие земли, дома, квартиры, фермы, корабли, товары, подлежащие продаже или сдаче внаем, сбежавших слуг, могут поместить в газете сообщения за розничную плату...»¹.

Появление газет в Новом Свете относится к 1690 году. Бенджамин Харрис 25 сентября 1690 г. в Бостоне основал газету, которая получила звучное название «Общественные события». Ей суждено было выходить всего четыре дня. По приказу английского губернатора газета была запрещена. Позднее, в 1704 году, шотландец Джон Кэмпбелл основал «Бостон ньюс-леттер». Она существовала более длительное время — до революции.

Первые газеты носили сугубо информационный характер, содержали простые объявления и сообщения о местных событиях. В них, как и в обществе первых поселенцев, бьется главная мысль — как укрепиться на новых землях, как закрепить и приумножить собственность.

С первых шагов многие поселенцы-пуритане быстро адаптировались к обстановке. Они действовали, как правские лондонские купцы, имея одну цель — совершить выгодную сделку, выгоднее продать, с меньшими затратами захватить чужие земли. И свою собственность они окружали сводом правил, защищающих их мечту о богатстве. Материальный успех представлялся как знак старательного следования предписаниям бога всеми людьми, а неукоснительное выполнение правил, хорошая работа как спасение, условие райской жизни, становление воли божьей на Земле — как спасение че-

ловека от эпидемии коррупции и рабства, от зла, которое ведет человека к вечным мукам.

Малейшее отступление от правил, малейшее инакомыслие строго наказывались. Виновных обвиняли в колдовстве. Специальная книга «О колдовстве и способах распознавания ведьм», изданная в Новой Англии, служила своеобразным кодексом судебных преследований. В ходе судов над ведьмами в сентябре 1692 года 19 человек было повешено, один предан длительной и тяжелой смерти².

Строгое наказание за отступление от принятых стандартов сопровождалось элементами манипулирования на основе обладания собственностью, полученной различными ухищрениями. Примечательны в этом плане дневники Сэмюэла Сьююлла (1652—1730 гг.), пуританского магистра и дельца Новой Англии (г. Бостон).

Выгодно женившись, он занялся торговлей, земельными спекуляциями, ростовщичеством. Деньги открыли путь к выгодным постам: главного судьи Верховного суда (несмотря на то что он не имел юридического образования), инспектора Гарвардского колледжа, цензора печати, капитана почетной артиллерийской роты, председателя Бостонского городского собрания, члена комитета по церковным, приходским и общественным делам. С. Сьююлл следовал своим правилам, отличным от пуританских заповедей: побольше бывать на людях — это пойдет на пользу; создавать облик «ученого мужа». И пуританский магистр издавал книги по вопросам библейского пророчества, памфлеты против продажи индейцев и негров, что не мешало ему принимать активное участие в судах над ведьмами³.

Виртуозность вокруг пуританских норм поведения нужна была для оправдания любых действий, отвечающих сложившимся правилам в приобретении собственности. Духовным отцом этого направления стал Джонатан Эдвардс (1703—1758 гг.). Американские историки признают, что его работы «дали определенное направление развитию духовной культуры Америки»⁴. Божественному началу в построениях Д. Эдвардса отводилось центральное место. Бог — единственная реальность. Чувства, отношение к окружающему миру — это только тень божественной истины. Что же касается человека, то он осужден на одиночество, так как в мире могут спастись лишь немногие избранники бога, а остальные обречены на вечную гибель. Человек, наделенный сверх-

природной благостью, определял свои действия склонностями к сложившимся комплексам при соблюдении главного — любви к самому себе. К мистицизму и религиозному ханжеству Эдвардса позднее обратятся при разработке прагматических стандартов.

Так, по крупицам, складывался «культ личного успеха». Он предполагал, что все поселенцы Америки должны обладать собственностью. Дело за небольшим — умело приобрести ее и воспользоваться ею. Поражение терпели якобы только те, кто не приобрел сверхприродную благость и недостаточно себя любил.

Процесс колонизации Северной Америки имел одну тайную пружину. Ее сущность, отмечал К. Маркс, состояла в том, что «масса земли остается еще народной собственностью, и потому каждый поселенец может превратить часть ее в свою частную собственность и в свое индивидуальное средство производства, не препятствуя этим позднему поселенцу поступить таким же образом. В этом тайна как процветания колоний, так и разъедающей их язвы, их противодействия водворению капитала»⁵.

Две формы собственности, основанные на труде самих производителей (свободные фермеры и ремесленники) и на эксплуатации чужого труда (рабовладельцы, крупные земельные собственники), порождали различные иллюзии. Возникло убеждение, что свободный труд создает предпосылки для освобождения поселенцев и их собственности. А уверенность в «личном успехе» базировалась на определенных моральных принципах труда.

В 1732 году Б. Франклин начал издавать «Народный календарь». В коротких, ярких фразах он пропагандировал справедливость, трудолюбие и умеренность во имя оздоровления общества. Его деятельность оказывала воздействие на местные органы печати, начинающие выступать против колониального господства, а практика писать понятно и кратко находила своих сторонников.

Заповеди Франклина отражали стремления свободных фермеров и ремесленников к сохранению их частной собственности от надвигающейся угрозы. Они полагались на свой труд и думали проложить путь к свободе и богатству. Заповеди содержали призывы к трудолюбию, бережливости, накопительству: «не теряй ни времени, ни денег, а используй и то и другое наилучшим образом», «усердие — мать удачи», «если хочешь быть богат, то думай о том, чтобы сохранить, так же, как и о

том, чтобы добыть», «одни деньги притягивают другие» и т. п.⁶

Американские идеологи в последующие годы старались использовать заповеди Франклина для пропаганды «культы личного успеха», трансформируя их в условия, которые дают человеку возможность «правильно устроить свою жизнь» и открывают «путь к богатству»⁷. Они делали оговорку, что Франклин не выдвигал идею финансового успеха, однако он якобы «первым соединил вместе правила ведения бизнеса с бережливостью» и оказал влияние «на философию жизни бизнеса» и «на коммерческое сознание Америки». Свое желание защитники капитализма выдавали за взгляды Франклина, чтобы соединить пропаганду идей бизнеса с именем великого просветителя Соединенных Штатов.

Проповедуя индивидуализм, бережливость и накопительство («деньги могут рождают деньги»), Франклин вместе с тем критиковал «чрезмерную собственность», предсказывал, что богачи в силу своей алчности могут стать новыми феодалами.

Ставя знак равенства между заповедями Франклина и «культом бизнеса», буржуазные идеологи скрывали один существенный момент, на который обратил внимание К. Маркс. Специфика колонизации Северной Америки состояла в том, что Старый Свет выбрасывал в Америку не только наемных рабочих и разорившихся фермеров Европы, но и жаждущий эксплуатации капитал. Под воздействием английской хлопчатобумажной промышленности, которая ввела рабство детей, рабское хозяйство Соединенных Штатов превращалось из «более или менее патриархального... в коммерческую систему эксплуатации»⁸.

Английский капитал ограничивал развитие колоний, препятствовал превращению фермера или ремесленника в независимого работника, ведущего самостоятельно хозяйство. У последних складывалось представление, что только колониальные власти мешают реализации их стремления к обладанию частной собственностью.

Борьба слабых еще средств информации против колониального господства облекалась в лозунги, требующие предоставления права поселенцам осуждать жестокость и несправедливость английских властей в «поддержании и разъяснении величественных принципов свободы и разоблачения коварства тех, кто жаждет очернить или вовсе уничтожить их»⁹. Призыв борцов против колони-

ального господства — «объединение или смерть» находил горячих сторонников среди поселенцев Нового Света.

Колониальные власти принимали строгие меры по ограничению развития печати. В числе законов, защищающих колониальное правление и превращение колоний в сырьевой придаток Англии, был закон о Гербовом сборе (1765 г.), по которому облагались налогом и периодические издания. Поэтому в колониях к 1775 году насчитывалось всего 37 небольших по формату и объему газет¹⁰.

В 1748 году Сэмюэл Адамс создает еженедельный политический журнал «Паблик адвертайзер», призванный вызвать общественный интерес к политическим мероприятиям. В условиях гонений на идеи освобождения С. Адамс наряду с политическими памфлетами стал помещать и анонимные письма.

Вместе с печатным словом возникают и другие формы борьбы. Тот же Адамс в 1765 году создает в Бостоне подпольное общество «Сыны Свободы». В одной из первых деклараций идея свободы печати сопрягалась с требованием конституции. «Мы свободны, — говорилось в прокламации, — как и наша печать, как и наша конституция, которую мы должны получить. Она должна предоставить свободу правде, благородным чувствам, свободу от всего безнравственного, высокомерного и оскорбительного».

В обоснование свободы звучали идеи, близкие положениям просветителей, особенно Джона Локка. По признанию некоторых историков многие американцы в XVIII веке рассматривали идеи Д. Локка как определенный кодекс политического поведения. Правда, спустя 50 лет другие авторы заявят, что еще задолго до Локка и «Общественного договора» Руссо американцы начали «эксперимент самоуправления»¹¹. В стремлении прославить «американский путь» и «американскую мечту» такие разноречивые оценки исторических фактов будут встречаться еще довольно часто.

Но вернемся к Локку.

В основном в политической литературе по вопросам американской идеологии можно встретить ссылки на работы Локка — «Опыт о человеческом разуме» и «Два трактата о государственном правлении».

Что же привлекало в них внимание американцев?

Многим импонировало выступление Локка против

теории врожденных идей. Опровергая существование врожденных идей и принципов, Локк выводил все знания из опыта, внутреннего и внешнего. Он считал наиболее важным источником первое впечатление, полученное от сущности объектов путем рефлексии. Средневековой церковной морали противопоставлялась философия чувств, обращенная к потребностям и наслаждениям человека.

В философии и политике Локк был недостаточно смелым и решительным. «Локк, — писал Ф. Энгельс в письме К. Шмидту, — был в религии, как и в политике, сыном классового компромисса 1688 года»¹², когда он поддержал создание конституционной монархии в Англии на основе согласия буржуазии и земельной аристократии.

Локк ограничивал разум человека и ратовал за приобщение человека к божественному опыту. Добро выступало в подчинении человека общим законам, коренящимся в божественной воле.

В критике феодальных порядков Локк обращался к «естественному праву», которое он трактовал как «общую гармонию, свойственную человеку», и считал, что действительная мораль должна быть «естественной моралью», действительная религия — «естественной религией», действительное право политики — «естественным правом». Таким образом, «естественное право» выступало как всеобщая и вечная справедливость. «А эта справедливость, — отмечал Ф. Энгельс, — всегда представляет собой лишь идеологизированное, вознесенное на небеса выражение существующих экономических отношений либо с их консервативной, либо с их революционной стороны. Справедливость греков и римлян находила справедливым рабство; справедливость буржуа 1789 г. требовала устранения феодализма, объявленного несправедливым»¹³.

Так же получилось и с идеями Локка на американской почве. Колониальное господство устранялось как несправедливое, а обладание собственностью в сочетании с защитой жизни и свободы объявлялось справедливым, «естественным правом».

В 1774 году в Америку из Англии прибыл Томас Пейн. Его памфлет «Здравый смысл» (опубликован в январе 1776 г.), основанный на идеях Локка, призывал к свержению колониального правления. За три месяца памфлет разошелся огромным для того времени тира-

жом — 120 тыс. экз. Т. Пейн выступил против лояльности английской короне. Он говорил о неизбежности отделения от Англии и призывал решить спор в бою, призывал американцев не подчиняться английским свободам и насилие ответить насилием. Страстный призыв Пейна привлек всеобщее внимание.

Популярность памфлета объяснялась также призывом к защите частной собственности от гнета английской короны. Основное назначение государства Пейн видел в «принципе выгоды», который сводился к личной выгоде и личным интересам. Только взаимной выгоде приписывалась возможность создания внутренней гармонии отдельных личностей и соединения их в единое целое.

Идеи Локка, в частности его положение о том, что высшая функция государства состоит в защите жизни, свободы и собственности, внимательно рассматривались отцами — основателями США при составлении Декларации независимости. Так, Т. Джефферсон внес наряду с другими существенную поправку в форму Локка (жизнь, свобода, собственность). «Все люди, — говорилось в окончательном тексте декларации, — созданы равными. Они наделены создателем определенными неотчуждаемыми правами жизни, свободы и поиска счастья».

После провозглашения независимости США в конституциях южных штатов это положение было изменено. Так, в конституции Канзаса говорилось: «Право собственности имеет наибольшее значение среди любых положений конституции»¹⁴.

Революция в США не уничтожила аристократию. Последняя уступила только внешнюю линию обороны, цитадель же осталась нетронутой. «Более того, революция породила собственную аристократию: нуворишей, которые разбогатели на каперстве, барышничестве и спекуляциях, уже перебравшихся в особняки сбежавших тори, не замедлили усвоить их обычаи и мысли»¹⁵. Данный вывод американского историка Джона Миллера объясняет и последующие события.

Пробирающаяся к власти буржуазия выдвигает лозунг исключительности Соединенных Штатов, которым надлежит стать «новыми Афинами». В печати, в книгах, учебниках, выходящих после принятия Декларации независимости, все чаще и чаще звучат националистические нотки. Революционный порыв шел на убыль, а

проповедники, журналисты, новые аристократы на все лады воспевали величие Америки.

В порыве националистических призывов не забывалось главное — защита частной собственности. С ней и соединялась «американская мечта», которая не раскрывала, а, напротив, создавала новые иллюзии на пути людей к свободной творческой деятельности, в практическом переустройстве мира, ограничивала их рамками действия и чувств в пределах капиталистической частной собственности. Тем самым она консервировала и поддерживала духовный климат, свойственный извращенному сознанию. В частности, обращение, вернее, обострение чувств любыми способами, дабы избежать неприятных последствий для частной собственности и свободного предпринимательства, становилось главным моментом в манипулировании.

Превращение частной собственности в капиталистическую сопровождается беспощадным вандализмом и подавлением. Зарождающаяся буржуазия в результате промышленного переворота на Севере США сводила понятие свободы, охрану ее частной собственности к свободе купли и продажи, к свободе торговли, жестокой эксплуатации. Крупная торговая буржуазия, банкиры, земельные спекулянты, крупные плантаторы Юга выступали за ограничения буржуазно-демократических свобод, провозглашенных Декларацией независимости.

Специфика подъема американского капитализма предопределила и некоторые особенности в реализации «американской мечты». Американский капитализм развивался вглубь, то есть росли и обострялись его основные противоречия между трудом и капиталом, и вширь, то есть распространялась его власть на новые территории, особенно на Запад, где существовал огромный фонд национальных земель, захваченных у индейцев и недоступных для мелких производителей-фермеров. Это создавало предпосылки к тому, что острые столкновения между трудом и капиталом не выливались в законченные организационные формы, и, с другой стороны, движение вширь тормозило развитие капитализма вглубь¹⁶.

Неравномерность в области экономической отражалась и на формировании идеологических форм, и в первую очередь на неравномерности идеологического развития, существовании рядом с лозунгами свободы и независимости, имеющими антиколониальный характер, идей рабства, проповеди насилия, унижения человечес-

кого достоинства. Кроме того, относительная легкость подъема буржуазных производственных отношений, в результате притока квалифицированных рабочих и переноса буржуазных производственных отношений, сложившихся в Европе, создавала иллюзию об уникальности американского пути, на которой вырастали идеи «превосходства Соединенных Штатов».

ОТ СТРАХА ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИЕЙ ВО ФРАНЦИИ К «ОСОБОМУ ПРЕДНАЧЕРТАНИЮ АМЕРИКИ»

Отношение правящего класса США к французской революции можно считать определенным рубежом в изменении позиции американской буржуазии: события во Франции воспринимались ею как угрозы для США, и на этой основе формировалась иллюзия о превосходстве Америки.

Революция во Франции вызвала симпатии передовых сил Америки. Президенту Вашингтону были направлены в дар ключи от взятой восставшими Бастилии. Пейн выступил в защиту французской революции. Его памфлет «Права человека» получил высокую оценку Джефферсона.

Между тем сторонники крупной торговой буржуазии, банкиров, крупных плантаторов с одобрением восприняли реакцию английской буржуазии на французскую революцию. В статьях, проповедях, выступлениях они формировали «образ революционного заговора» против иностранных государств. В Америке издаются работы английского иезуита Аббе Баруэля, который утверждал, что каждый шаг французской революции направляется секретным обществом, которое намерено свергнуть законные правительства.

Клевета на французскую революцию профессора Эдинбургского университета, секретаря Королевского общества Эдинбурга Дж. Робинсона нашла своих сторонников и в Америке. 9 мая 1798 г. Дж. Морзе в проповеди, прочитанной в Бостоне, привлек внимание к опубликованной работе Робинсона «Корни заговора». Ссылки на Робинсона можно встретить в лекции, прочитанной 19 июня 1798 г. профессором богословия Гарвардского университета Д. Таппаном.

Чем же привлек внимание некоторых американцев Робинсон?

Лживыми посланками, призванными внушить страх перед идеями свободы, равенства и братства. Рисуя французскую революцию как заговор, Робинсон представлял революцию как угрозу всему миру, дабы выбросить призыв: «Враг действует среди нас».

Среди объектов «угроз» со стороны революционеров на первом месте стояла частная собственность. Французская революция, утверждал Робинсон, намерена «отменить закон, который защищает собственность, накопленную в течение длительного и успешного развития промышленности, и предотвратить в будущем такое накопление». Одним росчерком пера собственность мелкого и крупного собственника были уравнены и тем самым «угроза» как бы приобретала общий характер.

Далее следовали фальсификации иного характера. Английских буржуа, так же как и поднимающихся к власти промышленников и финансистов США, страшили лозунги Свободы и Равенства, неотъемлемых прав человека, провозглашенные французской революцией. Теперь идеи Свободы и Равенства представляли как стремление «вырвать с корнем все религии и принятую мораль и даже порвать узы семейной жизни, разрушить почтение к супружеской клятве, освободить родителей от обязанностей по воспитанию детей»¹⁷. Утверждали, что секретное общество, действующее в Америке, планирует «подорвать американскую религию и правительство». Тот же Таппан в своей проповеди создавал иллюзию заговора внутри США. Члены секретного общества, заявлял он, «намерены овладеть» образованием, церковными делами, профессорскими креслами и кафедрами. Они хотят каждое произведение искусства строить на основе собственного мнения, распространять свое влияние на молодежь путем помощи молодым писателям, поставить под свой контроль деятельность различных обществ, продавцов книг, почтмейстеров, журналистов, редакторов газет и других периодических изданий, продвигать идеи братства во все официальные учреждения, в литературу, гражданские и религиозные институты, разрушить понятия чести, восстать против самого святого — дохода и прибыли.

Авторов подобных проповедей нисколько не смущали принципы Декларации независимости США, ее идеи справедливости, чести, свободы: Декларация была забы-

та. Оказывается, американская свобода имеет одну форму — борьбу против революционной Франции. И не случайно сторонник Гамильтона Фишер Эймс (юрист из Массачусетса) одобрил подавление восстания фермерской бедноты под руководством Шейса (1786—1787 гг.) и призвал к борьбе за «американскую свободу против подрывной деятельности якобинцев».

Манипулируя «угрозами» со стороны революционеров, сторонники буржуазии переносили их на своих противников внутри США в лице Джефферсона. Они уверяли, что если Джефферсон, который с симпатией относился к французской революции, станет президентом, «то церковь и Библия будут сожжены».

Борьба между сторонниками Гамильтона и Джефферсона о путях дальнейшего развития США, об отношении к французской революции свидетельствовала об обострении политической и идеологической борьбы в господствующем классе, об усилении идеологической неоднородности американского общества.

Политическая полемика двух газет — «Газетт оф Юнайтед Стейтс» (сторонников Гамильтона) и «Нейшнл газетт» (сторонников Джефферсона) — отражала некоторые общие тенденции.

После принятия Декларации независимости поднимающаяся буржуазия и крупные землевладельцы начинают погоню за прибылью, выборными местами в новом правительственном аппарате. Изучая английский опыт, они начинают вкладывать средства в органы печати как в доходные предприятия и формирования выгодного им общественного мнения. Дух коммерции сочетался с политическими целями борющихся групп.

Первыми на путь создания угодной им газеты стали сторонники Гамильтона, выступавшие в 1789 году за заимствование политического и идеологического опыта Англии. С первых своих шагов «Газетт оф Юнайтед Стейтс» представляла Гамильтона как «первого и верного, любимого сына Америки». Авторы статей ратовали за торговлю с Англией, за развитие частного предпринимательства, создание банков. Этому подчинялась и начатая в «Газетт оф Юнайтед Стейтс» публикация отчетов о событиях, происходящих в правительстве, конгрессе.

Представители крупной торговой буржуазии и плантаторов старались использовать идеи Декларации независимости в защиту своих интересов, для ограничения

влияния идей французской революции. Сторонник федералистов Дж. Адамс, будучи президентом США, провел в 1798 году законы о чужестранцах и мятеже. Законы предусматривали тюремное заключение или штрафы за критику правительства, ограничивали эмиграцию из Франции. На основе «закона о мятеже» 15 редакторов и издателей газет, главным образом сторонников антифедералистов, были преданы суду. Эти законы были отменены во время президентства Т. Джефферсона (1801—1809 гг.).

В своих органах печати, особенно в «Газетт оф Юнайтед Стейтс», федералисты прибегали к слухам, фальшивым сообщениям. Своих противников они представляли «врагами религии», «марионетками Франции... преступления которых против государства непростибельны».

Крупная американская буржуазия быстро осваивала прием давления на неугодные газеты. Создание первых банков США совпадает с изданием газет-объявлений. На рубеже 1784—1785 годов появились такие печатные органы, как «Пенсильвания пакет энд дейли эдветайзэ», «Соус-Каролина газетт энд дженерал эдветайзе», «Нью-Йорк дейли эдветайзе», которые активно включились в пропаганду культа капиталистической частной собственности. Эгоизм личных интересов выставлялся как стержень экономической и политической системы Америки. Он соединялся с «божественным правом справедливости».

Сторонники Джефферсона вынуждены были также прибегнуть к силе печати. Их орган «Нейшнл газетт», основанный в 1791 году, разоблачал политику Гамильтона как действия «монархистов, антидемократов, англоманов». Обличительный дух статей Джефферсона, его сторонников оказывал влияние на развитие американской журналистики. Это было страстным разоблачением противников, чему служили такие новые формы обращения к читателям, как политическая статья, политический фельетон с анализом конкретных фактов, публикация информации о ремесленниках, фермерах и т. д. Однако и они не удержались от таких же приемов, которые использовали их противники. В частности, в ответ на публикацию личного письма Джефферсона Филиппу Маццеи, в котором резко осуждались сторонники английской короны в США, республиканская печать обратилась к делу спекулянта государственными бумагами

Рейнольдса, дабы поведать читателям о теневых сторонах жизни лидера федералистов Гамильтона и его участи в спекуляциях солдатскими сертификатами.

Общая закономерность идеологического процесса проявлялась в разделении духовного и материального производства. В условиях Соединенных Штатов, где промышленный переворот на Севере сопровождался колонизацией фермерами Западных земель, сохранением рабства на Юге, существовали условия для разработки буржуазными идеологами и широкого распространения различных абстрактных, спекулятивных представлений о самом капитализме и о месте и роли Соединенных Штатов. Облаченные в высокопарные слова и выражения о свободе, равенстве, они насаждались в различных группах населения, которые, не обладая иными средствами духовного производства, воспринимали их как собственные.

В Соединенных Штатах насчитывалась и значительная масса мелкой буржуазии (в лице городских и сельских ремесленников, мелких фермеров и плантаторов). Образная характеристика К. Маркса в «18 брюмера Луи Бонапарта» о мелком собственнике содержит важную закономерность: «Они не могут представлять себя, их должны представлять другие. Их представитель должен вместе с тем являться их господином, авторитетом, стоящим над ними, неограниченной правительственной властью, защищающей их от других классов и ниспосылающей им свыше дождь и солнечный свет»¹⁸.

Буржуазия выдавала свой частный интерес за всеобщий. На этой же основе выдвигалась идея «превосходства Америки», под покровом которого осуществлялась идеологическая обработка населения, воспитывались идеи гордости и величия США, строились агрессивные внешнеполитические доктрины захвата чужих территорий, оправдывались истребление индейцев и агрессия против южных соседей.

Еще на заре создания Соединенных Штатов выступление нового государства против колониального господства, монархии воспринималось как величайшее историческое действие. Пейн в обращении «К населению Америки» (март 1778 г.) писал: «Я не могу не удивляться хвалебным ссылкам на древние истории и деяния... Мудрость государств Греции и Рима, их гражданские формы правления и чувство чести часто приводятся в качестве блестящих примеров, достойных подражания...

Если бы туман античности прояснился, а люди и явления стали бы видны такими, какими они были в действительности, то более чем вероятно, что эти люди скорее восхищались бы нами, нежели мы ими... Я не намерен уступать пальму первенства Соединенных Штатов каким бы то ни было грекам или римлянам. Во времена опасности мы были равны самым храбрым, а в создании гражданских форм правления превзошли самых мудрых»¹⁹.

Прославление американского пути, американских стандартов, которым якобы должны следовать другие народы, становилось главным стержнем в пропагандистской обработке. В качестве доказательств использовались впечатления свидетелей и очевидцев из числа иностранцев, побывавших в США. Наиболее часто в XIX веке и в последующее время цитировались высказывания на этот счет французского юриста Алексиса де Токвиля, книга которого «Демократия в Америке» вышла далеко за рамки записок путешественника.

В 1831 году Токвиль, тогда молодой юрист из Франции, проделал по Америке более 7 тыс. миль, встречаясь с государственными деятелями, французскими и американскими поселенцами. Ему предоставили американские материалы по истории образования Соединенных Штатов. В итоге появилась его книга об Америке.

В течение последующих 25 лет она была переведена на английский, немецкий, испанский, датский, русский языки. Американские историки и пропагандисты часто ссылаются на нее, чтобы доказать уникальность американского пути.

Что же привлекло внимание в книге «Демократия в Америке»?

Прежде чем ответить на этот вопрос, следует хотя бы коротко познакомиться с самим автором.

Итак, молодой французский юрист направляется в Соединенные Штаты. Судя по его собственным замечкам, он страшился французской революции. Ее идеи и лозунги вызвали у него чувство «почти религиозного ужаса». В период июньской монархии Токвиль становится министром иностранных дел.

В своих записках об Америке Токвиль писал, что интеллектуально он склонялся в пользу демократических институтов, «а по инстинкту — в сторону аристократии» и поэтому «презирал толпу». Он так определил свои взгляды: «страстная любовь к свободе, закону и уваже-

нию прав, но не к демократии»²⁰. Такие двойственные характеристики свойственны Токвилю. Они проявлялись и в его политических взглядах, в оценках истории Америки.

А. Герцен во время пребывания в Париже (1847 г.) случайно встретился с Токвилем. По дороге в церковь Мадлен Герцена и Анненкова остановил патруль Национальной гвардии. Первый встретившийся человек, вспоминал Герцен, был представитель народа, с глупой воронкой в петлице (нагрудный знак депутата Учредительного собрания): «Это был Токвиль, писавший об Америке». И далее: «Я обратился к нему и рассказал, в чем дело; шутить было нечего, они без всякого суда держали людей в тюрьме, бросали в Тюильрийские подвалы, расстреливали. Токвиль даже не спросил, кто мы; он весьма учтиво раскланялся и отпустил нижеследующую пошлость: «Законодательная власть не имеет никакого права вступать в распоряжения исполнительной». Как же ему было не быть министром при Бонапарте?»²¹.

Политической непоследовательности у Токвиля было предостаточно. И, видимо, не случайно его книга «Демократия в Америке» наполнялась противоречивыми положениями.

Уже первые страницы давали американцам достаточный простор для исторических манипуляций. Америка в период открытия ее европейцами «представляла собой совершенную пустыню».

Как же быть с индейцами — первыми жителями Америки?

Индейцы, оказывается, сами виноваты в своем истреблении. «Их непобедимые предрассудки, неукротимые страсти, пороки», «их дикие добродетели привели их к неизбежному истреблению»²².

Во II томе своей книги Токвиль признает насильственный характер переселения индейцев, отмечает, что рабство «в результате страстей и пороков европейцев» угнетает негров. Но тут же делает оговорку: все американцы «обходятся с индейцами как народом независимым», а «рабство мало-помалу уступает просвещению и опытности».

В стремлении приукрасить американскую демократию Токвиль в IV томе книги, завершенной в 1840 году, через пять лет после поездки в Англию, утверждал, что черные рабы пользуются в Соединенных Штатах снос-

ным материальным благосостоянием, хотя и оговорился, что рабы испытывают страшные бедствия и постоянно подвергаются жестоким наказаниям.

Привлекало американцев и его заявление о том, что в Америке сложилось «равенство общественных положений» и что подобного примера (равенства по состояниям и по образованию, отсутствию аристократии, небольшое количество богатых) «нельзя встретить ни в одном обществе, как в древности, так и в настоящее время». Поэтому Токвиль оправдывал стремление США к политическому господству в мире²³.

На основе «равенства общественных положений» были выстроены и последующие выводы, прославляющие американскую политическую систему: «Господствующая власть в Америке принадлежит народу», в «Соединенных Штатах управляет народ», «Соединенные Штаты — пример демократической республики».

Позднее сами американские авторы не согласятся с некоторыми из этих положений, в частности об отсутствии в 30—40-х годах XIX в. в Соединенных Штатах аристократии. Они признают, что в США существовала аристократия денег, которая усиливала свои позиции в американском обществе, и что американское общество уже в то время носило классовый характер.

Вместе с тем найдутся историки и политологи, которые вернутся к идеям Токвиля в 80-х годах XX в. как к «доказательству жизненности» концепции французского юриста в наши дни, чтобы представить капитализм как общество «социального равенства и политической свободы». В частности, французский автор Р. Арон заявит, что ему импонирует, как «Токвиль перескочил через век классовой борьбы между пролетариатом и промышленниками, через пролетаризацию среднего класса, через пауперизацию масс. Токвиль видел людей мелкобуржуазного общества, занятых самыми мелкими делами, индифферентных к судьбам своих последователей или к мировым делам»²⁴. Именно эта сторона выводов Токвиля о мелкой буржуазии, воспитанной капиталистическим обществом, и привлекла современных защитников капиталистической частной собственности.

Утверждения о «демократизме и свободе» американской республики, прозвучавшие в устах иностранца, станут доказательством «вклада Америки» в мировое общественное развитие. Слова Токвиля о том, что «Соединенные Штаты представляют совершенно новый при-

мер демократической республики», весьма импонировали американским пропагандистам.

Токвиль посетил Америку в то время, когда в США спадал интерес к идеям самой американской революции, и в определенной степени он заметил эту тенденцию, вернее, некоторые проявления борьбы с идеями американской революции. По словам Токвиля, «демократы не только не желают революции, но боятся ее». Правящие круги увлекают американцев тезисами материального благосостояния, связывая их с возможностями возвыситься, приобрести богатство, репутацию, власть, а революция представляется как опасность для приобретения имущества. И «большинство граждан, — писал Токвиль, — не видит ясно, что бы они могли выиграть от революции. Между тем каждую минуту они чувствуют, что могли бы потерять через нее». И далее: «Стремление человека к увеличению своего благосостояния противно революционным страстям»²⁵. В таких посылках их автор не видел никакой опасности, напротив, он с радостью отмечал, что господствующие в Европе идеи и «революционные страсти отвергаются демократией в Соединенных Штатах». Тем самым Токвиль, с одной стороны, прославлял «американскую демократию», а с другой — отделял американскую революцию от европейского опыта, в частности от французской революции, что, естественно, находило поклонников и в самих Соединенных Штатах.

Токвиль затронул и некоторые «вопросы нравственности». Если демократия выводилась из «общественного быта» американцев, где автор не видел классовых различий, то проблемы нравственности он строил на иной основе. «Неравенство нравственности, — писал он, — происходит от Бога, и человек не в силах его устранить»²⁶.

Спустя несколько лет после выхода книги Токвиль введет некоторые дополнения и пояснит «неравенство нравственного». Он заметил замкнутость американцев в частных делах в результате стремления к обладанию собственностью, однако снабдил свой вывод апологетической оговоркой. Не видя классов в американском обществе, Токвиль утверждал, что американцы черпают свои верования не «из убеждений классов»; они обращаются только к индивидуальным силам своего рассудка, глубоко замыкаясь в самих себе.

Индивидуализм представлялся как «единственный

двигатель человеческих поступков». Что же касается «общих действий», «труда на общую пользу», то, применяясь к «слабостям человека» (стремление к обладанию собственностью, бережливость, стремление к власти и т. п.), американцы, как считает Токвиль, «управляют страстями», используя принципы, «возбуждающие эти страсти».

Практически речь шла о технике возбуждения страстей, под которую позднее буржуазные идеологи будут подводить «теоретическую базу». Ее смысл сводился к набору манипулятивных положений: в США, мол, нет различия между богатыми и бедными, так как богатые американцы были в свое время бедными и знают их нужды; прочного благосостояния добиться нельзя, не отказываясь от преходящих наслаждений; во имя благосостояния нужно постоянно побеждать самого себя, дабы лучше служить... себе; чувственные наслаждения должны принимать вид воздержания и спокойствия.

Рассуждая о важной роли индивидуализма, Токвиль невольно раскрывал технику обработки американского общественного мнения: никогда невозможно достичь экономического равенства людей; они не будут равны и в духовных способностях; бедных к богатым можно привязать хорошим отношением; чтобы заинтересовать граждан в «общественных интересах», нужно предоставить им решение незначительных дел и не допускать к управлению важнейшими делами государства.

Провозглашая американский индивидуализм, выражая удовлетворение отсутствием в Америке революционных настроений, Токвиль, естественно, пришел к выводу об отсутствии свободы мысли. Он не нашел в Америке ни великих писателей, ни великих историков, ни поэтов, обнаружил лишь небольшое число изобретателей. В Америке мало занимаются философией, так как американцы стремятся к практическим результатам, их обуравает чувство собственности. При этом отсутствие свободы мысли объяснялось не классовыми противоречиями, а «деспотизмом большинства». Автора не смущало противоречие: доказывая существование свободы и демократии, он не находил в США свободы мысли.

Не осталась без внимания и американская журналистика. Токвиль считал, что газеты и журналы в Америке «оказывают такое же разрушительное воздействие, как и во Франции», оговариваясь при этом, что такое положение имеет различные причины. Французский законник

заметил, что американские журналисты «умеют разгорячать страсти людей», защищая «священные материальные интересы». Печатные издания наполнены в основном коммерческими сведениями, остальное — это политические новости или простые анекдоты.

Токвиль критиковал «дух американской журналистики», который заключается в грубых нападках на личность, преследовании людей в их частной жизни, в раскрытии их слабостей и пороков²⁷.

Относя эти недостатки к некоторым издержкам «свободы книгопечатания», Токвиль утверждал, что американцы любят свои журналы, так как считают их своей собственностью. Спустя буквально страницу, он проговорился, что «свобода книгопечатания» — это «привычка верить без рассуждений», так как журналы внушают большому числу людей одинаковые намерения. К числу издержек «свободы книгопечатания» Токвиль относит и «деспотизм большинства», который «проводит границы вокруг мысли». «В этих границах писатель свободен, но горе ему, если он осмелится перейти их. Здесь ему не грозит что-нибудь вроде ауто-дафе, но он подвергается всевозможным оскорблениям и постоянному гонению; политическая карьера для него уже закрыта... Ему отказывают во всем, даже в слове»²⁸.

Кто же мешает свободе мысли и «свободе книгопечатания»?

— Власть денег?

— Класс имущих?

— Нет, — отвечает Токвиль.

Виновато «господство большинства». К нему относились все — богатые и бедные, судьи, члены правительства, капиталисты и рабочие, земельные магнаты, фермеры и рабы.

Не были обойдены и некоторые политические вопросы, в частности отношения между Соединенными Штатами и Россией. Позднее американские историки напишут, ссылаясь на книгу «Демократия в Америке», что добродетельный внешнеполитический курс США имеет глубокие исторические корни²⁹.

Американским историкам импонировали предположения Токвиля, что Соединенные Штаты не могут обогатиться за счет войны. Кроме того, относя Соединенные Штаты и Россию к великим нациям, он представлял американцев в более привлекательном виде, утверждая, что на пути американца препятствия создавала природа,

на пути русского — их создавали люди. Первый боролся с варварством и дикостью, второй — с цивилизацией. Американец победил с помощью плуга, русский — с помощью меча. Ведущий инструмент американца — свобода, русского — рабство³⁰.

Естественно, такой вывод был с удовольствием подхвачен американскими историками. Между тем этот вывод Токвиля станет понятен, когда мы обратимся к его воспоминаниям, написанным уже после заката политической карьеры. Токвиль признает, что он выступал против союза Франции с Россией. Он утверждал, что «Западу угрожает опасность рано или поздно подвергнуться игу».

Откуда? Со стороны России.

Токвиль писал: «Нам необходимо содействовать объединению всех немецких племен, чтобы противопоставить их России», «изменить старые руководящие правила» для того, чтобы «быть в состоянии — когда это окажется нужным — отражать вместе с нами нападения нашего общего врага»³¹.

Антирусские настроения Токвиля, его политические оценки истории Соединенных Штатов и России вполне устраивают в наши дни тех, кто пытается проводить жесткий курс в отношении Советского Союза и с этой целью стремится выискать в истории какие-нибудь зацепки для приукрашивания внешнеполитического курса США, которые мечом и долларом прокладывали себе путь к власти и могуществу.

Все последующие события в Соединенных Штатах свидетельствовали о том, что оценки Токвиля оказались несостоятельными, они вступали в явное противоречие с процессами в идеологической и политической жизни Америки.

Утверждение капиталистических отношений в США проходило в относительно благоприятных условиях. И сам этот факт использовался с достаточной мерой для восхваления американского пути. Он обрастал националистическими лозунгами исключительности американского пути. Поэтому характерно, что в середине XIX века в американской печати утверждается лозунг «особого предназначения Соединенных Штатов». Этот термин появился в одном из номеров журнала «Демократик ревью» в 1845 году в статье журналиста и дипломата Джона Луиса О'Салливана³².

Буржуазные пропагандисты всячески раскрашивали

образ Соединенных Штатов. Американцы представлялись как великая нация, которой предназначено распространить на весь мир свои демократические институты «путем мирного проникновения, если возможно, и путем насильственного захвата, если это потребуется». «Особое предназначение ассоциировалось с утверждением о том, что американцы — избранный богом народ и он имеет божественный мандат для распространения своих благотворных институтов»³³.

Тезисы величия Америки, ее «особого предназначения» содержали помимо имперской окраски «горючий материал» для выступлений против других идей, которые не укладывались в американские стандарты, к объявлению их самой опасной угрозой Соединенным Штатам.

ИСТОЧНИК СЕРЬЕЗНЫХ ПОРОКОВ

Рассуждения о моральном превосходстве американцев над всем человечеством строились на мистической вере колонистов Нового Света в предопределение им роли первооткрывателей, на универсальности идей Декларации независимости, которые, дескать, дают миру единственный рецепт освобождения человека и человечества в целом.

Тезис морального превосходства имел и другую форму проявления, учитывая сложившееся в условиях США сожителство буржуазии с рабовладением. Сбивались слова Б. Франклина о том, что рабство может сделаться источником серьезных пороков американского общества. Рабовладение неотделимо от идеи превосходства белой расы, от насаждения чувства страха, покорности, бесчеловечных методов эксплуатации. Объявления американских газет конца XVIII века выглядят как укор в адрес тех, кто представлял «американский путь» примером для других народов, примером «свободы».

В сентябре 1773 года «Пенсильвания газетт» писала: «Бежал от нижеподписавшегося, проживающего в Аппер-Пеннс-Нек, округ Сейлем, 27 августа сего года слуга-шотландец по имени Джеймс Дик, около 30 лет от роду, ростом около пяти футов восьми дюймов, волосы рыжеватые, цвет лица свежий, смотрит исподлобья, говорит хриплым голосом; во время побега на нем был железный ошейник (так как это уже восьмой его побег)

и темная куртка медвежьей шкуры... Кто поймает упомянутого слугу и обеспечит, чтобы его господин смог вернуть его себе, получит награду в три доллара, которую заплатит Томас Кэри-младший»³⁴.

Рабство сковывало развитие демократических традиций, возникших в борьбе против колониализма, оказывало отрицательное влияние на общественную жизнь Америки. Оно узаконивало жестокость, шовинизм, пренебрежение к личному достоинству негра.

В борьбе против противников рабства использовались самые различные средства — угрозы, убийства, поджоги, шантаж. В 1827 году негритянские активисты обратились к редактору газеты «Нью-Йорк сан» с просьбой опубликовать материал о негритянской организации. Они получили такой ответ: «Солнце светит ярко для белых, но не для черных»³⁵.

Антирабовладельческие газеты, как правило, существовали короткое время, лишь единицы могли сводить концы с концами. В 1831 году Уильям Гаррисон основал в Бостоне антирабовладельческое издание «Либеретор». Плантаторы пытались разгромить редакцию газеты и убить редактора. В 1837 году от рук расистов погиб Р. Лавджой — журналист из штата Иллинойс, а редакция его газеты «Обсервер» разгромлена.

В ходе развернувшегося движения аболиционизма (за отмену рабства) в 1834 году возникает американское Общество борьбы против рабства. Оно приступило к распространению литературы (газет, журналов, листовок), пропагандирующей освобождение негров. Опираясь на Декларацию независимости, их авторы предостерегали, что провозглашенные свободы не могут быть сохранены, пока существует рабство. Они предостерегали также, что рабство может распространиться и на белых труженников.

В южных штатах тон задают печатные органы рабовладельцев и плантаторов: «Теннеси газетт» (1791 г.), «Луизиана газетт» (1804 г.), «Миссисипи газетт» (1800 г.), «Мэмфис эдвокейт» (1827 г.), «Техас газетт» (1829 г.). Они беззастенчиво пользовались подкупом, публиковали ложную информацию, выступали с угрозами физической расправы над противниками рабства. Свойственные сторонникам рабства антигуманные, расистские установки не могли не сказаться на общем моральном состоянии американского общества. Великий английский писатель Чарльз Диккенс в «Американских

заметках» (1842 г.), написанных на основе впечатлений от поездки в Соединенные Штаты, вынес убеждение о том, что американские газеты представляют собой гнусное явление и оказывают пагубное воздействие на моральный уровень американского народа. «...Покуда дурной глаз этой печати, — писал Диккенс, — проникает в каждый дом и она умудряется приложить свою грязную руку к каждому назначению на государственный пост, начиная от поста президента и кончая должностью почтальона; пока непристойная клевета является ее единственным орудием, а сама она остается стандартной литературой для огромной массы людей, читающих одни только газеты, и больше ничего, — до тех пор на всей стране будет лежать этот позор и до тех пор причиняемое ее печатью зло будет сказываться в Республике на всем»³⁶.

Диккенс острее всего почувствовал стандартизацию американской печати, ознакомился с методами клеветы, которые вырастали на отвратительном и беззастенчивом угнетении рабов. Несправедливость, жестокость, сообщение в печати примет сбежавших мужчин и женщин — все эти и другие пороки, культивируемые рабством, при малейшей вспышке гнева превращали человека в жестокого дикаря.

Расисты в своих изданиях оправдывали линчевание, убийства, угрозы ссылками... на Декларацию независимости. Их «довод» состоял в том, что «правительство призвано охранять личность и собственность». Они обвиняли своих противников в «отсутствии патриотизма», «в оскорблении личности и собственности». Южные плантаторы обладали властью не только в своих штатах, но и пробирались в правительственные учреждения, вкладывали свои деньги в капиталистические предприятия Севера. В 1852 году в Нью-Йорке вышла книга сторонника аболиционизма В. Гудвилла «Рабство и борьба против рабства». В ней содержались факты проникновения плантаторов в конгресс, вторжения южных банков во все сферы американской экономики. Из 62 членов сената США и 230 членов палаты представителей тогдашнего состава 30 и 90 членов соответственно были сторонниками рабства³⁷.

Рабство, так же как и уничтожение коренного населения Америки, освящалось рассуждениями о «свободе личности и собственности». К 40-м годам у индейцев было отнято 20 млн. акров земли. К середине XIX века

относятся и отторжение США половины территории Мексики, попытки захвата Кубы и Никарагуа. Провозглашенная в 1823 году президентом США Дж. Монро доктрина оправдывала экспансионистские тенденции Соединенных Штатов, когда под видом «обороны и защиты» американского капитализма военным путем расширились сферы приложения американского доллара.

Развитие американского капитализма «вширь» и «вглубь» сопровождалось не только территориальной, но и идеологической экспансией. На «новые земли» двинулись и газеты, защищающие интересы американского капитала. Новые органы печати содействуют расширению внутреннего американского рынка, совершенствуют механизм духовной обработки населения.

Появляется не только новый тип владельцев газет, но и самих изданий. Противоречия между двумя тенденциями развития американского капитализма «вглубь» и «вширь» выражались в столкновении между передовыми формами промышленности и сельского хозяйства с самыми отсталыми, патриархальными формами хозяйства на Западе. Эта закономерность проявилась и в сфере идеологии, в создании бульварных изданий, паразитирующих на частнособственническом инстинкте и воспитывающих потребительские настроения.

К первой трети XIX века в американском обществе в целом относится этап подъема революционных настроений, когда в ходе острой классовой борьбы пробуждается политическое сознание, воля передовых масс населения. Однако разочарование участников революционного движения, разрыв между идеалами и реальностью, проявившийся после американской революции, экономический кризис 1837—1843 годов, когда значительные массы людей оказались под влиянием тягот и мучений капиталистической эксплуатации, вызвали настроения усталости и упадка.

И, видимо, не случайно в середине 30-х годов возникают «пенсовые газеты». Развитие рекламы и технических средств полиграфии позволяло продавать газеты ниже их себестоимости. За 5 долл. в год стали распространяться скопища анекдотов и сенсационные сообщения.

Обратимся к страницам одной из первых «пенсовых газет» — «Нью-Йорк сан», созданной в 1833 году. Вот как она выглядела:

Первая страница — объявления. Без них нет прибыли.

Названия судов, время отплытия и прибытия кораблей, объявления о купле, продаже, сдаче внаем.

На традиционной колонке «Ирландский капитал» — анекдоты из портовых кабаков. «Удивительные истории» потрясали читателей своей глупостью. Одна из них — «Свистун»: «Парень из Вермонта, работая в одиночестве, привык свистеть. Привычка превратилась в болезнь. Парень свистел за обедом, во сне, свистом отвечал на вопросы друзей. Вылечил «свистуна» его друг. Рецепт прост: как только парень начинал свистеть, он получал затрещину».

25 августа 1835 года «Нью-Йорк сан» поместила сенсационное сообщение — «Небесное открытие»:

В телескоп сотрудники газет рассмотрели Луну и обнаружили «стадо коричневых четвероногих, похожих на бизонов».

Сенсации следовали одна за другой:

На Луне существуют «равнины, бушующие океаны зелени, которые напоминают прерии Северной Америки!».

Через три дня Луна стала обитаемой. Люди, ростом четыре фута, с короткими, отливающими медью волосами, видимо, разговаривали, «жестикულიровали и покачивали головами».

С помощью сенсаций тираж газеты «Нью-Йорк сан» поднялся с 4 тыс. до 20 тыс. экз. Вслед за «Нью-Йорк сан» «пенсовые газеты» появились в сельской местности. В 1850 году число ежедневных газет в стране увеличилось вдвое против 1840 года, а их общий тираж превышал уже 5 млн. экз.

Газета «Нью-Йорк сан» открыла новый метод развлечения. Читателям давали построенное на сенсациях, пусть даже сомнительного свойства, чтиво, которое уведило бы его от ежедневных забот, тягот жизни в мир сказок и грез. На таком фоне было легче внедрять нужные политические стандарты. По мере того как газета богатела, она становилась приверженцем и апологетом капитализма, мастером по части софистики, призванной оправдать дела «позолоченного века». Она выступала в ура-патриотическом духе о необходимости организовать «достаточно прочную» оборону берегов Америки, создать сильный военно-морской флот, громче всех проповедовала «о предначертанном свыше назначении» США.

Наряду с «пенсовыми газетами» начинался процесс создания органов печати иного плана — подчиненных непосредственно крупному капиталу и рассчитанных на обработку элитарных групп. Созданная в 1851 году с помощью группы банкиров газета «Нью-Йорк таймс» рекламировалась как издание, «представляющее все новости дня из всех частей мира» и «оказывающее свое влияние на мораль, промышленность, образование и религию».

«Нью-Йорк таймс» несколько отошла от методов газеты «Нью-Йорк сан», особенно в части развлечений и заголовков к ним. На долю информации отводилась подавляющая часть газетной площади. Читателям стало удобно ориентироваться в газете, появилась возможность уловить основной смысл материалов. Броскими же заголовками редакция стремилась привлечь внимание читателей к факту и существу событий. Но и этот прием нес в себе элементы манипулирования. В погоне за привлекательным заголовком редакторы стали уходить от реального содержания материала. Да и сами материалы содержали порой искаженные факты или просто подделки. Одно искажение порождало другое. Подробности, вынесенные в заголовок и выстроенные в сенсационном духе, приводили к тому, что читатель пробегал глазами заголовок, не читая само сообщение.

Крупные газеты в погоне за тиражами стали прибегать к «приукрашенным новостям». В них практически стиралась грань между правдой и выдумкой. В штате редакций появились специальные переписчики, которые обрабатывали новости, делая их привлекательными, выдавая воображение за правду. Читатель становился зрителем газетного спектакля. Полосы газет превращались в сцену, где вместо актеров действовали репортеры и переписчики, играющие не реальные, а иллюзорные сюжеты. Информация становилась коротким рассказом, где банковский клерк становился владельцем фирмы, бедная героиня — необыкновенной красавицей, безжалостный миллионер — добрым дядюшкой. Такой же прием «приукрашивания» применялся в отношении неблагоприятных для владельцев газет событий. Забастовки, протесты, выступления против несправедливости наделялись самыми нелепыми «эпитетами» с целью вызвать страхи и подозрения читателей.

Было бы неверным представить процесс становления буржуазной прессы и методы ее манипулирования как легкое восхождение по лестнице эскалации обмана. Воз-

никновение промышленности, рост рядов рабочего класса способствовали распространению свободолюбивых идей. Огромную помощь американским борцам за свободу оказали иммигранты — участники революционных битв в Европе. В Америку иммигрировал Фридрих Зорге — участник революции 1848—1849 годов в Германии. Он стал организатором секции I Интернационала в Америке, секретарем Генерального совета I Интернационала. Иосиф Вейдемейер, участник революции в Германии, положил начало пропаганде марксизма в США. Вейдемейер использовал издававшуюся на немецком языке в Нью-Йорке газету «Ди реформ» (1853—1854 гг.). Позднее, в 1857 году, в Нью-Йорке был создан Коммунистический клуб, руководимый Фридрихом Зорге.

К концу XIX века в Соединенных Штатах насчитывалось 1300 тыс. иностранцев, приехавших из Европы, из них 700 тыс. немцев. Вот как биограф Линкольна Карл Сэндберг описывает роль иностранцев в жизни Америки: «Во многих штатах политически они были очень сильны. Многие редакторы и политические лидеры окончили университеты, принимали участие в революциях 1830 и 1848 годов в Германии, некоторые сидели в тюрьмах или бежали от преследований в Америку и считались беженцами или беглыми; они были резко настроены против закона о беглых рабах»³⁸.

Такие исторические личности, как Б. Франклин, Т. Джефферсон, А. Линкольн, старались воспитывать честность, страстность в разоблачении пороков американского общества, в защите обездоленных и угнетенных. Революционные традиции борьбы против колониализма, рабства поддерживались и развивались прогрессивными представителями американской печати, деятелями литературы, политическими публицистами. Они видели, что такие явления, как изгнание индейцев с родных мест, рабство, презрение капитала к человеческому достоинству, рост трестов, иллюзорные страхи и угрозы, оказывали и будут оказывать разрушительное действие на американское общество. Однако их критические выступления стали использоваться буржуазной печатью для очередных манипуляций, для доказательства «свободы» буржуазного общества. Можно сказать, что, если бы в американской печати не было критики в адрес правительства и существующих порядков, ее изобрела бы сама буржуазная печать. Критика в определенных рамках, не затрагивающая устоев капитализма, как

раз служила и служит для ликвидации разрыва между реальностями буржуазного общества и идеальными установками. Вместе с тем она выступала в качестве своеобразного материала, скрепляющего противоречивые идеологические установки, внедряемые буржуазией в американское общество.

Важное значение в развитии партийной прогрессивной публицистики имело сотрудничество К. Маркса (1851—1862 гг.) в буржуазной газете «Нью-Йорк дейли трибюн». Глубоко изучая деятельность европейской и американской печати XIX века, К. Маркс и Ф. Энгельс сформулировали принципы борьбы рабочего класса против духовной монополии капитализма. Оценивая печать как острое оружие, они использовали возможность выступлений на страницах буржуазных газет, не допуская, чтобы общественное мнение складывалось под влиянием только контрреволюционных материалов.

Сотрудничество К. Маркса и Ф. Энгельса в американской газете «Нью-Йорк дейли трибюн» — образец принципиального, классового подхода к актуальным вопросам, образец научной публицистики, поднимающей до глубоких обобщений явлений общественной жизни. Одновременно это был пример принципиальной борьбы против непоследовательности и шатаний представителей либерально-демократической буржуазии, против буржуазных методов и форм пропаганды.

Подчинение печати интересам капитала не всегда носит открытый характер. Газеты строятся на принципе частной собственности, становятся доходным предприятием. Однако факт подкупа газет скрывается анонимностью вложенных средств, подставными лицами, которые оплачивают распространение скандальной критики, различных политических пошлостей, создавая под видом внешней развлекательности мнение, угодное их хозяевам.

Буржуазные редакторы, боясь популярности К. Маркса, силы его идей (достаточно сказать, что даже буржуазные газеты США перепечатывали статьи К. Маркса), применяли к его статьям типичные приемы манипулирования — произвольное обращение с текстом, сокращения и добавления, публикацию некоторых материалов без подписи автора.

Свое отношение к статьям К. Маркса газета «Нью-Йорк дейли трибюн» в передовой статье 7 апреля 1853 г. выразила следующим образом: «Г-н Маркс имеет

свои собственные, весьма определенные взгляды, которые мы в известной части далеко не разделяем, но тот, кто не читает его статей, лишает себя одного из наиболее поучительных источников информации по великим проблемам современной европейской политики».

Деятельность К. Маркса в качестве корреспондента «Нью-Йорк дейли трибюн» дала толчок к активизации демократического движения в Америке накануне гражданской войны, усиливала позиции сторонников запрещения рабства.

В ходе гражданской войны борьбу вели не только противоборствующие силы на полях сражений, но и редакции газет. В статьях К. Маркса, относящихся к гражданской войне в Соединенных Штатах 1861—1865 годов, приводятся методы манипулирования, которыми пользовались южные плантаторы, пытаясь навязать свою волю 20 млн. жителей Севера. Критикуя способы ведения гражданской войны со стороны Севера, попытки вести ее на основе соглашения с южанами, К. Маркс и Ф. Энгельс показали, что только революционные методы войны, освобождение рабов обеспечат победу Севера.

Рабовладельцы Юга и такая газета, как «Нью-Йорк геральд» (1835—1924 гг.), пытались втравить Соединенные Штаты в войну против Англии и помешать движению за возрождение Севера. Они постоянно швыряли своим белым плебейм приманку в виде предстоящих завоеваний внутри и вне границ Соединенных Штатов. Только с помощью обмана и террора удавалось примирять интересы «белых бедняков» с интересами рабовладельцев, давать безопасное направление их беспокойной жажде деятельности и прельщать их перспективой самим когда-нибудь стать рабовладельцами³⁹.

К. Маркс обнаружил еще одно направление манипулятивной пропаганды южан. С 1856 по 1860 год «политические лидеры, юристы, моралисты и теологи рабовладельческой партии старались доказать не столько правомерность рабства негров, сколько то, что цвет кожи не имеет значения для существа дела и что трудящиеся классы всюду созданы для рабства»⁴⁰.

Анализируя обстановку в США периода гражданской войны, К. Маркс подчеркивал, что некоторые политические деятели, выступавшие за компромисс с Югом, использовали высокопарное фразерство, проявляли мелочность духа, показную силу и действительную слабость. А такой орган печати, как «Нью-Йорк геральд» (владе-

лец Беннетт), вел подрывную деятельность. Представитель газеты Айвс втерся в доверие к командующему северян Мак-Клеллану и получил доступ к материалам правительственных совещаний, телеграммам и военным сообщениям, которые становились известными на Юге.

Специальным указанием газеты Севера, выступающие против рабовладения, не распространялись в южных штатах. Редакторы этих изданий подвергались экономическим репрессиям и не получали объявлений. Противники рабства — У. Филлипс, Гаррисон и Дж. Смит подвергались в газетах Юга и их сторонников на Севере насмешкам и нападкам «продажных хулиганов».

Стремлением буржуазных газетчиков к сенсациям, распространению ложной информации наносился ущерб национальным интересам. В мае 1864 года все нью-йоркские газеты получили Обращение к народу, подписанное А. Линкольном. Оно было составлено в мрачных тонах и наводило на мысль о поражении северян. В нем говорилось о решении президента Линкольна призвать в армию 400 тыс. человек. Агентство Ассошиэтед Пресс поспешило передать его другим газетам — «Трибюн», «Таймс», «Уорлд», «Джорнэл оф коммерс». Сообщение вызвало панику на бирже, подскочили цены на золото.

Как выяснилось, это была ложная информация, благоприятная для рабовладельцев. Издание газет, поместивших сообщение, было приостановлено. Официальное заявление указывало, что газетчики стали жертвами мошенника.

Использование слухов, предположений сенсационного характера становилось одним из методов манипулирования.

Гражданская война в Америке, подчеркивал К. Маркс, имела своим следствием самую быструю централизацию капитала. «Таким образом, великая республика перестала быть обетованной землей для эмигрирующих рабочих. Капиталистическое производство развивается там исполинскими шагами, хотя понижение заработной платы и зависимость наемного рабочего еще не достигли европейской нормы»⁴¹.

Централизованный капитал активно вторгается в печать. Число газет стремительно нарастает. В 1860 году насчитывалось 387 ежедневных газет, в 1880 году это число почти утроилось.

«...ВНИЗ ПО СКЛОНУ ХОЛМА»

Томас Джефферсон предвидел, что идеи собственности в Соединенных Штатах станут предметом острой борьбы. Сбывались слова одного из основателей Соединенных Штатов: «Как только закончится война, мы пойдем вниз по склону холма... Он, народ, будет забыт, а поэтому его правами будут пренебрегать».

В 70—90-х годах возникли первые газетные объединения. Характерны политические аспекты этого процесса: владельцы газет определяли линию не одного, а целой группы печатных органов, устанавливали своеобразную цензуру над их содержанием; вторжение капитала вело к нарушению принципов свободы слова и печати, определенных первой поправкой Конституции США. Она гласила, что «конгресс не должен принимать никакого закона... ограничивающего свободу слова и печати...». Несмотря на конституционную гарантию, централизованный капитал устанавливал экономический и политический контроль над многими газетами.

На газетном рынке США появляются имена Дж. Пулитцера, В. Херста, А. Окса, Дж. Скриппса, Р. Маккормика. Они вкладывали средства в газеты, делая их доходным предприятием, обращаясь к сенсациям, человеческим порокам, преступлениям, скандальной хронике. Наряду с литературными обзорами и приложениями они начали публикацию дешевых комиксов, сентиментальных рассказов. Вместе с тем они вносили в газеты и элементы критики отдельных сторон американского общества.

В 1878 году Джозеф Пулитцер купил в Сент-Луисе две газеты, на основе которых стал издавать «Сент-Луис Пост-диспетч». История восхождения Дж. Пулитцера рисуется некоторыми авторами в традиционном духе. Миллионер, в молодые годы перебрал многие профессии — строителя, паромщика, портового грузчика, репортера, полицейского комиссара. Наконец, знакомство с политическими боссами, переход от республиканцев к демократам, выгодная женитьба.

Газета «Пост-диспетч» в Сент-Луисе (тогда четвертом по величине городе Соединенных Штатов) стала своеобразной «лабораторией» новых методов ведения газеты. Она делалась Пулитцером в сенсационном духе, в расчете на преувеличенные эмоциональные реакции читателей. Вынесение на первую страницу заголовков, передовые статьи, подбор соответствующей информа-

ции — все было подчинено тому, чтобы газета была «острой, непочтительной, удивляющей, игривой, шокирующей»⁴².

Первые номера «Пост-диспетч» буквально ошарашивали читателя: списки владельцев публичных домов, фальшивое сообщение о восстании в Афганистане, появление известной певицы Патти в нетрезвом виде во время спектакля. Хотя газете приходилось потом изворачиваться за ложь, она продолжала фабрикацию лживых и беспринципных сенсаций.

На заработанные деньги Пулитцер через пять лет приобретает газету «Нью-Йорк уорлд», принадлежавшую крупному спекулянту Гулду. Тот трижды разорялся, разорял и обворовывал других. Даже на Уолл-стрите получил кличку Вонючка. Гулд откровенно использовал газету для борьбы со своими соперниками по спекуляциям, прикрываясь демагогией о вторжении монополий в американскую жизнь.

В одном из писем новый хозяин «Нью-Йорк уорлд» Пулитцер так охарактеризовал свое кредо: «Газета должна говорить обо всем, что оригинально, отличается от всего другого, драматично, романтично; вызывает нервную дрожь...»⁴³. И его газеты готовились по таким рецептам. Позднее под эти рецепты будут подводить «научную основу». А пока читателя пичкали сенсациями, смакованием личной жизни политических деятелей, куртизанок и миллионеров. Уже первый номер «Нью-Йорк уорлд» был составлен по «новому» рецепту. «Вопль о прощении», «Все для любви женщины», «Жертва его страсти», «Героиня или преступница», «Любовники маленькой Лотты» — таков далеко не полный перечень материалов начального номера газеты.

Начиная «крестовый поход» за симпатиями читателей, Пулитцер отнюдь не забывал о политических вопросах. Отдавая дань времени, газета разделяла призыв к установлению налогов на роскошь, наследственность, высокий доход, требовала реформы гражданской службы, наказания лиц, замешанных в коррупции, подкупе избирателей.

Спекулируя на стремлении американцев к оздоровлению общественной жизни, газета выступала фактически в защиту монополий, но делала это в изощренной форме. «Истинная демократия, — говорилось в передовой статье первого номера «Нью-Йорк уорлд», — базируется на равных правах, уважающих миллионеров и железнодоро-

рожных магнатов, так же как и других людей, предоставляет полные права защищать собственность человека по закону. Истинная демократия не может санкционировать поглощение свободы и собственности коммунизмом».

«Равенство» миллионера и рабочего перед законом отвечало интересам поднимающихся монополий. «Свободная игра на рынке» открывала простор для обладателей капитала. Их деньги быстро притягивали деньги других за счет обмана, эксплуатации. Трудящимся же предлагалась иллюзия «полных прав защищать собственность».

Специфика американского капитализма способствовала развитию этой иллюзии. Перемещение значительной массы рабочего класса на земли Запада, быстрые взлеты новых миллионеров и падение в бездну тех, кто стал жертвой более прожорливого хищника, создавали иллюзию «равных возможностей». Под ее покровом людям, потрясенным оргией частного предпринимательства, предлагалось нечто большее: все, что хорошо для бизнеса, хорошо для нации.

«Нью-Йорк уорлд» быстро делала деньги. В 1890 году Пулитцер получил от ее издания более 1200 тыс. долл. дохода.

В 1895 году В. Херст купил газету «Нью-Йорк Морнинг джорнэл». До этого его отец — владелец рудника — приобрел для организации своей предвыборной кампании в состав сената сан-францисскую газету «Экзэминер». Восхождение этих газет имело те же побудительные причины: развлечение, построенное на сенсациях, обращение к непристойностям, социальной демагогии под видом критики.

Вторжение Херста и Пулитцера на газетные рынки США вызвало к жизни понятие «желтая пресса». В погоне за читательской аудиторией Херст в 1894 году ввел дешевое воскресное приложение — историю в картинках о похождениях мальчика из трущоб под названием «Желтый паренек». Иммигранты, в поисках работы приехавшие в США, еще плохо знающие английский язык, обремененные заботами о хлебе насущном, почувствовали внимание к своей судьбе в лице «Желтого паренька». Тираж приложения только за один год почти удвоился и составил 450 тыс. экз. Вскоре Пулитцер перекупил сотрудников, давших Херсту идею об «улыбающемся мальчишке из трущоб». С тех пор дешевые издания, от-

влекающие внимание читателей сенсациями, шокирующими сообщениями, различными пустяками, получили название «желтая пресса»⁴⁴.

Между газетами Пулитцера и Херста развернулась своеобразная борьба. Каждая из них старалась привлечь на свою сторону читателей. Погоня за прибылями маскировалась рассуждениями о служении народу и обществу. Так же как и Пулитцер, Херст прибегал к тем же приемам возбуждения и потрясения читателей. На страницах газеты Херст демонстрировал свой стопроцентный американизм. Во время революции в Мексике (1911 г.) он ратовал за вторжение США в Мексику «для защиты жизней и собственности американцев». Международная торговля США представлялась как улица с односторонним движением.

Борьба газет Пулитцера и Херста сопровождалась подкупом журналистов, поисками наиболее сенсационных сообщений. Одним из критиков она была определена довольно едко: «соревнование за канализационные трубы».

В это же время (в 1893 г.) газета «Нью-Йорк таймс» попала в руки А. Окса. В отличие от своих конкурентов, Окс строил политику газеты в несколько ином плане. Главное внимание — новостям, статьям, комментирующим внутренние и международные события, ведению книжного обозрения. Респектабельность «Нью-Йорк таймс» стоила денег. И ее владелец повысил ставки за публикацию объявлений. Они были выше, чем в других американских газетах.

Если до реорганизации тираж «Нью-Йорк таймс» далеко отставал от газет Херста и Пулитцера, то через два года он увеличился почти в 10 раз.

Поднимающиеся газеты довольно быстро находят «духовные аргументы» своим приемам и методам, используя идеи Спенсера. Господствующим кругам импонировало утверждение, что в борьбе за существование выживают только люди, самые приспособленные к практике США. Представители бизнеса разделяли утверждения Спенсера, что государство не должно вмешиваться в действия своих граждан, следует игнорировать роль человека как политического и социально живого существа, борьба в обществе протекает так же, как борьба за существование в природе, что капитал — носитель цивилизации. Бизнесменам нравились выводы, которые могли следовать из этой философии. «Успех» объяснялся

элементарными добродетелями. Бедняки находятся в тяжелом положении только потому, что лишены якобы высоких качеств ума и сердца. «Нищета существовала потому, что одни люди слабы и глупы, а другие ленивы и бездарны... Теория, согласно которой действительно выживают самые приспособленные, стала надежным источником самоутешения...»⁴⁵.

«Теоретические выводы» послужили для возникновения новой волны манипулирования, когда положение Декларации независимости США о «поисках счастья» становилось синонимом «права собственности» и, следовательно, права бизнесменов распоряжаться ею по своему усмотрению.

Органы печати буквально захлестнули теории о переходе от лохмотьев к богатству. Рисовались идеалистические картины восхождения по лестнице богатства, где воспевались собственные силы, добродетель, изобретательность, трезвость, аккуратность и умеренность, которыми в действительности многие бизнесмены не обладали.

Оргия «свободного предпринимательства» была неотделима от капиталистической жажды денег. Знатность, высокое положение в обществе, высокие посты покупались за деньги. Владычество денег пронизывало все стороны жизни общества, в котором преобладали нравы, диктуемые жаждой денег.

Страницы газет заполнялись мелодраматическими рассказами о взлетах миллиардеров Рокфеллера, Корнеги, Гарримана, Фиска и др. Читателя убеждали, что бережливость, изобретательность в «честном соревновании» открывают путь к успеху. «Начинайте с малого и вас ждут миллионы».

Одновременно оргия «свободного предпринимательства» сопровождалась насаждением страха перед передовыми силами Америки, выступающими против капиталистического строя с его жаждой наживы.

Участники «долгой стачки» пенсильванских антрацитовых шахт (1874 — 1875 гг.) были обвинены в том, что организовали подпольную террористическую организацию «Молли Магвейрс» (по имени ирландской террористки XVIII в., мстившей английским помещикам за убийство ее мужа); 19 руководителей забастовки были казнены.

Во время Пульмановской забастовки 1894 года буржуазные газеты подняли кампанию против руководите-

ля стачечников Дебса. Протест рабочих против эксплуатации, нечеловеческих условий труда представлялся как «объявление войны» всему американскому обществу. «Бессовестно извращая факты, капиталистическая пресса и агенты железнодорожных компаний, департамента юстиции старались возбудить общественное мнение против бастующих и дискредитировать союз, обвинив его в стремлении сбросить существующее правительство. Все это делалось, чтобы оправдать вмешательство федерального правительства в защиту интересов железнодорожных магнатов». Такие органы печати, как «Чикаго трибюн», «Нью-Йорк трибюн» и др., заполнили страницы подстрекательскими статьями «о тирании Дебса», заговоре анархистов, направленных на сокрушение капитала, «о власти толпы», «о восстании железнодорожников против народа»⁴⁶.

Слово «социализм» в органах печати, в книгах, проповедях, ассоциировалось с «угрозой» богу, личности, собственности, семье. Каких только нелепостей не нагромождалось на пути усвоения истинного содержания научного мировоззрения! «Социализм думает усовершенствовать общество, сохранить пороки личности», «социализм — это энергия разрушения», «социализм — бездумный индивидуализм, атака на религию и семью».

Представители буржуазии боялись марксизма. В апрельском номере издания Христианского союза за 1884 год содержалось знаменательное признание: «„Капитал“ К. Маркса — библия социализма. Эта работа еще не переведена на английский язык, но ее положения появились в публикациях, брошюрах, памфлетах, газетах...». Заметим, что, несмотря на противодействие, «Капитал» в 1887 году был издан в Нью-Йорке.

Примечательно, что по времени усиление борьбы с идеями научного социализма совпадает с расширением тактики манипулирования, когда ложные сенсации, так называемые развлечения, становятся уделом не единичных газет, а целых групп, вводятся в постоянную практику.

9 января 1874 г. газета «Нью-Йорк геральд» под крупным заголовком сообщила: «Из Центрального зоопарка разбежались дикие звери». Нью-Йорк опустел. Родители не пускали детей в школы... Таковы были шалости журналистов для привлечения читателей.

Летом 1899 года все газеты Нью-Йорка поместили тревожные сообщения о больных и погибших в резуль-

тате укусов опасного насекомого. В городе началась паника. Позже выяснилось, что «опасными насекомыми» были обычные москиты, появившиеся в больших количествах в то дождливое лето.

Подобные приемы не были исключением. К сенсациям, построенным на ложных фактах, стали прибегать крупные и мелкие газеты. Сенсационность, построенная на ложном факте, вела к удивлению. «Удивление же, — писал И. М. Сеченов, — родня страху. Им часто начинается и наслаждение, и отвращение, и даже самый страх»⁴⁷. Буржуазные пропагандисты еще не знали выводов физиологов и психологов. К ним они обратятся позднее, но не для отказа от порочных приемов, а, напротив, для применения еще более ухищренных методов. В 80 — 90-х годах будет высказано немало восторженных слов по поводу взлета американских газет, нашедших будто бы верный путь к читателям, польется поток восторгов по поводу «американских свобод».

Почти в одно время, в 90-х годах XIX в., на книжном рынке Америки появились два исследования: англичанина Джемса Брайса «Американская республика» и Д. Дрэпера из Нью-Йоркского университета «Гражданское развитие Америки».

Дж. Брайс полемизировал с некоторыми выводами Токвиля, в частности о «тирании большинства в Америке», о «недостатках в США умственной самостоятельности и свободы мнений», утверждая, что в период Токвиля демократия в США переживала лишь «эпоху юношеской бодрости» и была «упоена сознанием своей безграничной свободы».

Спустя 40 лет после путешествия Токвиля по Америке Брайс совершил три поездки в США: в 1870, 1881-м и в 1883/84 годах и вынес весьма удобное для американской буржуазии заключение — в США «нет разногласий между богатыми и бедными», «нет правящего класса населения», «нет социальных притеснений», а «Уолл-стрит не обладает каким-либо влиянием на политические сферы»⁴⁸.

Для пушей важности — нельзя же все хвалить — были найдены и некоторые издержки. Уолл-стрит оказывает влияние на характер народа. Оно выражается в том, что «спекуляция вошла в плоть и в кровь народа». В жизни американцев возникает определенное однообразие. Некоторые богатые собственники газет находят способ влиять на содержание газет. Недостатки, выз-

ванные практикой капитализма, — стяжательство, спекуляции, стремление к богатству — относились к характеру... самих американских граждан.

По мнению Брайса, заслуживал внимания американский опыт по части формирования общественного мнения, позволяющий читателям «идти по чужим стопам и торопливо усваивать те воззрения, которые, по-видимому, начинают господствовать». Во имя этого американская печать использует новости, «верность которых сомнительна». Но такая практика, по мнению автора, вполне оправдана, так как она «приносит пользу», поскольку «возбуждает умы», ибо сами американцы не в состоянии выработать собственного отношения к явлениям и событиям. Владельцы американских газет ломали голову над аргументацией, как бы оправдать свои методы по управлению людьми, а тут при содействии Брайса все стало предельно ясным, без каких-либо уловок. Сомнительные новости использовать полезно. Практика манипулирования оправданна. Мало того, Брайс излагал и саму технику применения этих методов.

Вначале конструируется «множественность мнения» с помощью «фактов или рассказа», чтобы возбудить в человеческой душе такое чувство, которое само собой изливается из уст, создавая впечатление, что об избранном факте говорят все.

На втором этапе газеты (и вечерние, и утренние) высказывают уже более определенное мнение о событии, снабжая его «ожидаемыми результатами», и тем самым «мнения заурядных граждан начинают сгущаться в твердую массу».

На третьем этапе — в прениях и спорах — отбрасываются ненужные аргументы в пользу одного определенного и неизменного решения.

Четвертый этап — внедрение факта или оценки события, которые выдаются за «сложившееся убеждение» в виде «склонности людей к единодушию» в интересах рядовых граждан. Весь процесс обработки общественного мнения сравнивался с действиями катка по дороге, когда «угловатости придавливаются и дорога становится гладкой и даже приобретает однообразный вид»⁴⁹.

Позднее, как увидит читатель, такие признания будут встречаться не часто. Напротив, философы и историки найдут «научные аргументы», чтобы доказать: «читатель на все смотрит с предвзятой точки зрения», «его собственные воззрения не принадлежат ему самому», он

разделяет их «потому, что так думают его знакомые, его любимые газеты и вожаки его партий».

Пока же Брайс фактически подтвердил, что общественное мнение формируется владельцами газет, выдающими свои взгляды за мнение народа, которому предписывалось руководствоваться чувствами, понятиями, «созданными образованным классом».

В процессе духовного манипулирования, естественно, возникала потребность в «объединительных стимулах». Их находили в некритическом отношении к прошлому Америки. Утверждалось, что «на долю американской республики выпала обязанность исполнить то, от чего уклонился Рим»⁵⁰. Эти слова Дж. Дрэпера повторяли положения об американской исключительности, на основе которой буржуазия старалась пригладить острые углы, ослабить накал внутренней классовой борьбы.

Формирование монополистического капитала сопровождалось разорением мелкой и средней буржуазии города и сельской местности. Под влиянием роста рабочего движения, наступления крупного капитала на буржуазные свободы лица из разорившихся кругов использовали отдельные органы печати, в основном журналы, для разоблачения махинаций монополистов. Их статьи получили поддержку среди некоторых представителей либерально-демократических слоев буржуазии, напуганных ростом монополий.

В конце XIX века на страницах журнала «Атлантик мансли» появилась статья Генри Джорджа «История одной крупной монополии», разоблачающая деятельность компании «Стандард ойл». К этому же времени относится выход книг Генри Адамса «Демократия», Генри Кеннана «Денежные ворота», отражавших антимонополистические настроения в стране.

В 1904 — 1905 годах в американской печати возникло движение «разгребателей грязи», когда журналисты, писатели, общественные деятели выступили с разоблачениями махинаций ведущих трестов. Из статей «Бешеные финансы», «Суд над железными дорогами», «Величайшее злоупотребление» и др. читатели узнали о том, как с помощью подкупа, обмана, спекуляций, грабежа создавались миллиардные состояния. К выступлениям журналистов и писателей присоединились политические деятели: М. Лафоллет — губернатор штата Висконсин, П. Джонс — мэр Миннеаполиса, С. Лоу — мэр Нью-Йорка, Т. Джонсон — мэр Кливленда, воспитанные на

идеях американской революции и увидевшие в действиях монополий угрозу «американским свободам».

Воротилы буржуазной пропаганды использовали различные рычаги давления на «разгребателей грязи». Их журналы лишились объявлений и затем постепенно поглощались крупными газетно-издательскими предприятиями. Так, например, закончил свое существование журнал «Нэнтонс мэгэзин». С другой стороны, ряд изданий, принадлежащих большому бизнесу, в рекламных целях спешили присоединиться к критике. На страницах журнала «Космополитэн», принадлежащего Херсту, появилась серия статей «Предательство сената» — о продажности сената и его связях с крупными корпорациями.

Осуждение махинаций большого бизнеса не вылилось в организованное антимонополистическое движение. В силу оторванности от рабочего движения, непоследовательности критика не поднялась до классовых, политических обобщений. Движение «разгребателей грязи» переросло в буржуазный реформизм, используемый для отвлечения внимания общественности от первопричин пороков капиталистической системы. Оно не приостановило процесса монополизации ни в промышленности, ни в области газетного дела.

К началу XX века создаются крупные газетные империи Херста, Скриппс-Говарда, Паттерсона. К 1910 году в США насчитывалось 13 газетных объединений, которые владели 62 главными газетами страны. Примечательно, что к этому же периоду относится принятие так называемого «Канзасского этического кодекса», или «Этических норм», одобренных ассоциацией американских редакторов в 1910 году⁵¹.

В истории американской журналистики он представляется первым документом, который определил первоначальные этические нормы журналистики. Фактически «Канзасский этический кодекс» отражал принципы, связанные с процессом монополизации американской экономики и печати.

Первая его часть касалась регулирования вопросов рекламы в американской печати. Формирование монополистического капитала сопровождалось концентрацией рекламного дела. К 1890 году на рекламу в печати расходовалось 360 млн. долл. Среди газет существовала сильная конкуренция в борьбе за их получение. Некоторые владельцы корпораций и трестов создавали в этих

целях собственные издания. В погоне за прибылью использовались самые различные способы надувательства покупателей. Руководители монополистических объединений обратили особое внимание на одну особенность рекламы в условиях частной собственности — возможность формирования потребностей, которые превышают доходы потребителей. В погоне за прибылью оправдывались любые способы. Теперь, когда монополии вторглись в печать, они пытались расширять возможности рекламы в печати.

«Этические нормы» открывались определением объявления как «новости бизнеса или профессионального предприятия, которые непосредственно ведут к увеличению их дохода или деловой активности». Следовательно, реклама имела определенную экономическую цель — содействовать интересам капитала. Тем самым сфера рекламы ограничивалась этими рамками и служила одним из средств подчинения газет интересам увеличения прибыли или деловой активности.

Расширились методы рекламы. В этих целях правомерно было использовать не только новости, но и «статьи, репортажи и другие публикации, размеры которых не контролируются редакторами».

«Технические» вопросы — место объявлений в газетах, их оплата были призваны «соединить покупателей и продавцов» и «обеспечить торговую сделку».

Вторая часть кодекса содержала общие принципы деятельности газет, вернее, рекомендации о том, какие методы не должны использовать в своей практике журналисты. Очевидно, два момента были своеобразной подоплекой этих рекомендаций. С одной стороны, оргия частного предпринимательства проникла и в американскую печать. Ложь, обман, спекуляции, мошенничество захлестнули не только ворота бизнеса, но и газеты и другие издания. С другой стороны, движение «разгребателей грязи» приоткрыло завесу над тем, какими жестокими антигуманными средствами создается богатство. Сами факты отдельных разоблачений использовались для доказательства «свободы» буржуазной печати. Формировалось парадоксальное положение, когда нарушение свободы и демократии в условиях капитализма применялось для доказательства защиты принципов «свободы» и «демократии».

Итак, «новости, согласно кодексу, заключаются в беспристрастном сообщении о деятельности ума, людей,

о явлениях, которые не нарушают нормальных чувств просвещенных людей». Само по себе определение уже заключало противоречивые толкования характера новостей. В частности, обвинение того или иного редактора газеты в искажении характера события, позволяло ссылаться на «непросвещенный» характер читателя. Кроме того, дальнейшие разъяснения давали основания отбрасывать новости, которые не укладывались в определенные «моральные чувства». Например, указывалось, что редакторы «должны полностью игнорировать определенные преступления против личной морали, которые восстают против наших общих чувств». На этом основании редакторы буржуазных изданий получали возможность не допускать правдивые сообщения о борьбе классов, о битвах рабочих за свои права, ссылаясь на то, что «они восстают против общих чувств» капиталистов.

«Этические нормы» содержали рекомендации не применять ложь, фальшивые интервью и сообщения. «Репортеры, подчеркивалось в кодексе, не должны становиться детективами, возбуждающими читателей». Последнее можно причислить к реакции на разоблачения махинаций крупных трестов на страницах либерально-буржуазных органов печати во время движения «разгребателей грязи».

Как же должны были действовать журналисты при описании тех или иных преступлений или нарушений?

Кодекс предполагал, что при столкновении «с подозрениями в отношении официальных лиц или членов корпораций репортер должен руководствоваться только фактами в их справедливом освещении».

Если же дело идет о «подозрениях в отношении представителей частных институтов», то также должны приводиться «только факты в их справедливом освещении». В таких случаях «материалы о подозрениях и выводах должны быть ограничены кругом заинтересованных сторон» и вместе с тем публиковать «заявления той части, которая выступает в качестве пострадавшей стороны». Почти судейское определение давало возможность крупным трестам использовать печать для защиты от обвинений в стяжательстве, мошенничестве, обмане.

Журналистам рекомендовалось «никогда не публиковать каких-либо фактов, как бы правдивы они ни были, до предъявления подозреваемому человеку официального обвинения». Данное положение до и после при-

нения «Канзасского этического кодекса», как правило, нарушалось буржуазной прессой, особенно если речь шла о забастовках, демонстрациях рабочих. В ряде случаев буржуазная печать выступала в роли инспирированных самых нелепых обвинений против борцов за права трудящихся.

Кодексу предшествовал еще один документ, который представляется некоторыми буржуазными историками как доказательство свободы буржуазной печати. Это инструкция владельца крупного объединения У. Херста принадлежащим ему газетам.

В коротких фразах приказного тона журналисты получали указания «делать газету точной и правдивой», не публиковать объявлений, которые «подрывают общественное благосостояние»: «Нет места человеку, который искажает правду»; «Честность — форма общего духа»; «Не допускайте преувеличений. Это дешевый и неэффективный способ достижения успеха»; «Делайте газету для лучшей части человечества. Массы читающей публики лучше и образованнее, чем представляют себе газетчики»; «Избегайте грубости и жаргонных выражений»; «Не используйте слов «убийство», «скандал», «развод», «преступление» и других достаточно оскорбительных слов, когда можно рассказать историю без них».

Сравнивая практику газет Херста с его инструкцией, можно прийти к выводу о том, что такие слова, как «правда», «честность», «справедливость», служили у них лишь прикрытием постоянных отступлений и нарушений. Газеты концерна представлялись святыней справедливости, которая была превращена в орудие манипулирования и подчинения одному интересу — интересу монополистического объединения и тех, кто оплачивал объявления, кто направлял и координировал политическую линию, направленную на расширение господства доллара. Слова «правда», «свобода», «честность» имели разное значение, в зависимости от события. Выступление шахтеров в Лудлоу (1913—1914 гг.), забастовки в Пенсильвании оценивались как «подрыв общественного благосостояния». Захваты Гавайских островов, Филиппин, Панамского перешейка, политика «большой дубинки» в Латинской Америке представлялись как «защита национальных интересов». Манипулирование словами «правда», «честь», «справедливость» не знало границ.

КРИЗИС ИДЕЙ

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла миру новую эпоху. Рухнула политическая, экономическая и идеологическая монополия империализма. Если раньше капитализму удавалось держать народы в плену своих идей, доказывать, что принципы капиталистической частной собственности — единственный способ, а советский опыт — лишь исключение, то теперь миллионы людей познали возможность строить жизнь без эксплуатации и угнетения.

На пути интереса людей к опыту Октября буржуазия воздвигала барьеры клеветы и фальсификаций, сопровождая их репрессиями в отношении передовых сил американского общества.

В политике и пропаганде буржуазия берет на вооружение ложный тезис «угрозы коммунизма», одновременно различными уловками старается оторвать людей от реальных событий. Под различные приемы политического манипулирования подводится «научная» база, которая еще больше усиливает разрушительное воздействие буржуазных средств информации США.

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ ПРОРВАЛ КОРДОН

Победа Октября была в штыки воспринята буржуазными средствами информации Соединенных Штатов. Журналисты, историки, политики буквально захлебывались в изобретении нелепых «фактов» и «сообщений».

В 1918—1919 годах газета «Нью-Йорк таймс» не менее 91 раза сообщала о падении Советского правительства, 6 раз — о падении Петрограда, 6 раз — о падении большевиков, 3 раза — о том, что Петроград вот-вот захватят контрреволюционеры, дважды, — что он дотла сожжен.

До небес превозносились «великие победы» белых армий. Общие цифры потерь красных войск и захваченного у них вооружения во много раз превосходили численность всех армий и количество их оружия.

На читателя обрушивались «предсказания» об ожидаемом большевистском вторжении в Европу. «Нью-Йорк таймс» объявила, что вторжение неизбежно. В качестве доказательства следовала ссылка на «вторжение России в Польшу», как ни нелепо, но именно в то время, когда белополяки проникли в глубь России.

Тема «красного террора» дополняла нагнетание страха. 31 октября 1918 г. газета «Нью-Йорк таймс» писала: «10 ноября начнется массовая резня русской буржуазии». Газетные страницы пестрели «фактами» о «национализации женщин в России», ледящими кровь «фактами» о «большевистском терроре».

Приведенные данные содержала небольшая книга «Проверка новостей», мало известных в 1920 году авторов У. Липпмана и Ч. Мерца, которые проанализировали статьи о Советской России в газете «Нью-Йорк таймс» за два года.

Хозяева газеты и ее авторы с готовностью принимали большую часть того, что говорили им в государственном департаменте, в так называемом русском посольстве в Вашингтоне, русском комитете в Париже агенты и сторонники старого режима во всей Европе. «Сообщения» и «факты», поступающие от них, выражали «надежды», которые определялись не тем, что есть, а тем, что им хотелось бы видеть.

Лозунг «красной опасности» раздувался все сильнее по мере наращивания пропаганды в пользу американского вторжения в Россию. Выступления «Нью-Йорк таймс», признали авторы «Проверки новостей», были одним из факторов, способствующим этому вторжению. «Раз уж мы вступили в Россию с определенной целью, — говорилось в передовой статье «Нью-Йорк таймс» 13 декабря 1918 г., — почему бы не осуществить цель, которая состоит в том, чтобы изгнать большевиков из Петрограда и Москвы»¹.

«Нью-Йорк таймс» не была одинокой. Так же действовали и прочие буржуазные органы печати США и других империалистических стран.

Распространение различных страхов о большевистских «заговорах», лжи о «большевистском терроре» напомуало психологический террор в отношении самих американцев. Человек, захваченный различными угрозами и абсурдными утверждениями пропагандистов, становился глухим ко всему остальному. Его уже не занимали реальные факты. Так возникла одержимость, отрешенность от действительных событий, от реальных забот и тревог. И позднее сами буржуазные авторы напишут, что некоторые американцы «враждебно относились к русскому эксперименту» в результате сложившихся у них под влиянием буржуазной пропаганды «фальшивых взглядов в отношении Советского Союза, что не способствовало установлению добрососедских отношений»².

Буржуазные средства информации строили свои манипулятивные действия на ложных обвинениях против большевиков, страхе перед самим словом «советское». В. И. Ленин в работах, статьях, интервью иностранным журналистам, относящимся к 1918—1920 годам, неоднократно возвращался к разоблачению этих методов.

23 августа 1918 г. выступая в Политехническом музее, В. И. Ленин говорил: «В настоящий момент вся буржуазная пресса забавляется тем, что наполняет ложью свои столбцы вроде того, что Совет Народных Комиссаров выехал в Тулу, а что десять дней тому назад его видели в Кронштадте и т. д.; что Москва накануне падения и что советские власти бежали»³.

Распространение лжи сопровождалось репрессиями против выступлений рабочего класса Америки в поддержку Октябрьской революции и всех тех, кто сомневался в действиях США и их партнеров, кто не одобрял участия США в интервенции против Советской России.

4 марта 1919 года В. И. Ленин в Тезисах и докладе о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата на I Конгрессе Коммунистического Интернационала отмечал: «...Кровавые расправы наемных отрядов, вооруженных капиталистами, со стачечниками в свободной и демократической республике Америки, — эти и тысячи подобных фактов показывают ту правду, которую тщетно пытается скрыть буржуазия, именно, что в самых демократических республиках на деле господствуют тер-

пор и диктатура буржуазии, проявляющиеся открыто всякий раз, когда эксплуататорам начинает казаться, что власть капитала колеблется»⁴.

Газеты США заполнялись «сообщениями» о распространении большевизма в Соединенных Штатах. Борьба рабочих за повышение заработной платы, за прекращение интервенции в России объявлялась «началом вооруженного восстания под руководством Ленина». Правительство США поощряет и поддерживает такую активность прессы.

В 1919 году при министерстве юстиции США создается специальный отдел по расследованию газетных сообщений о заговорах, направленных из России с целью свержения Белого дома. Каждый день выпускаются сообщения с такими заголовками: «Министр юстиции предостерегает страну против большевистской угрозы», «Призываем церковь, школу, профсоюзы и гражданские органы разоблачать истинную цель коммунистической пропаганды», «Остерегайтесь большевистской угрозы!».

В марте 1919 года формируется специальная комиссия «по борьбе с красной опасностью в США».

В ноябре 1919 года проведены обыски в 70 помещениях рабочих организаций, несколько тысяч человек арестованы.

21 января 1920 г. был оглашен список «64 опасных лиц». Конгресс США предлагает бросать американцев, обвиненных «в подрывной деятельности», в исправительные колонии. В ряде штатов преступлением объявлено вывешивание красного флага, любой эмблемы, «характерной для большевизма».

В 1920 году по ложному доносу были схвачены участники американского рабочего движения Сакко и Ванцетти. Очевидцы событий того времени обращали внимание на то, что убийство кассира на обувной фабрике первоначально не привлекло внимания американской печати. И только две недели спустя о нем вспомнили и арестовали «двух радикальных итальянцев», которые через год были признаны виновниками. Прогрессивная печать писала, что их казнь «ослабила рабочее движение»⁵. Высказывалось опасение, что никто никогда не узнает, виновны ли были обвиняемые.

Потребовалось 50 лет, чтобы хотя бы неофициально, признать несправедливость суда в отношении людей, оплативших своими жизнями за ложное обвинение. Небольшое сообщение в июле 1977 года скромно обош-

ло некоторые американские газеты. «Сакко и Ванцетти освобождены от обвинений в позоре и бесчестии». Однако ни слова не было сказано в адрес тех, кто организовывал судилище, ни слова не сказано в осуждение их позора и бесчестия, ни слова не сказано в адрес газет, которые публиковали и распространяли гнусные обвинения.

В. И. Ленин в те дни вновь вернулся к вопросу об отношении средств информации США к событиям в России. В беседе с корреспондентом американской газеты «The World» Линкольном Эйром он говорил: «Ваши банкиры, кажется, боятся нас больше чем когда-либо. Во всяком случае, ваше правительство применяет чрезвычайно жестокие репрессии не только против социалистов, но и против всего рабочего класса в целом, по сравнению с любым другим правительством, даже по сравнению с реакционным французским правительством»⁶.

Репрессии соседствовали с грубейшей клеветой. Ложь о большевистских репрессиях не имела никаких обоснований, кроме столь же грубо изобретенных утверждений. Так ложь подкреплялась ложью. Что касается США, то они рисовались как «подлинный пример народовластия».

11 июля 1919 г. В. И. Ленин прочитал лекцию «О государстве» в Свердловском университете. В ней он разоблачил ложь буржуазной пропаганды о том, что «Америка, Англия и Швейцария, это — передовые государства, основанные на народовластии, большевистская же республика есть государство разбойников, что оно не знает свободы и что большевики являются нарушителями идеи народовластия и даже дошли до того, что разогнали учредилку».

В. И. Ленин показал, что в каждом государстве, основанном на частной собственности на землю и средства производства, как бы демократично оно ни было, власть остается в руках капитала. И чем демократичнее буржуазная республика, тем грубее и циничнее это господство. В качестве примера были приведены Соединенные Штаты, где власть денег проявляется в самой грубой форме — в откровенном подкупе.

В лекции было подчеркнуто, что Советская Республика при своем основании решительно отбросила буржуазную ложь о капиталистическом государстве, принципы частной собственности как основу неравенства и

угнетения, отбросила обманный лозунг о «всеобщем равенстве» буржуазного государства. Пока есть эксплуатация, говорил В. И. Ленин, «не может быть равенства. Помещик не может быть равен рабочему, голодный — сытому».

5 декабря 1919 г. В. И. Ленин делает доклад ВЦИК и Совнаркома на VII Всероссийском съезде Советов. В капиталистических государствах, говорит он, «среди миллионов номеров газет и журналов у них едва найдется ничтожная доля, где бы было сказано что-нибудь, хотя бы даже косноязычно, в пользу большевиков»⁷.

К 1917 году относится создание в Соединенных Штатах правительственной службы пропаганды. Спустя неделю после вступления США в первую мировую войну по распоряжению президента Вильсона появляется Комитет общественной информации. Его директором назначается доверенное лицо президента Дж. Крил, который помогал Вильсону в избирательной кампании 1916 года.

Под видом оборончества, борьбы против «искажения роли и места Америки в международных делах» отработывались приемы распространения за рубежом материалов, прославляющих политику Соединенных Штатов.

С помощью комитета за рубежом и внутри США было распространено около 7 млн. экз. публикаций, проведены выставки, налажен перевод статей из ведущих американских буржуазных изданий на иностранные языки, производство кинофильмов, книг, распространение за рубежом речей и фотографий президента Вильсона. Комитет установил контакт с бюро военной разведки. Последнее вело работу среди солдат противника, готовя специальные листовки, направленные на разложение вражеских армий⁸.

Структурно Комитет общественной информации состоял из отделов по работе среди рабочих, женщин, религиозных групп, прессы сельскохозяйственных районов и рекламы. Ему же было поручено организовать «комнаты чтения» за рубежом, приглашение иностранных журналистов в США. С помощью специально отобранной информации комитет «стимулировал поддержку войны». Данная линия совпала с одобрением закона о шпионаже от 15 июня 1917 г., принятого по рекомендации Комитета общественной информации. Закон вводил цензуру на информацию в американской печати о характере военных действий и на информацию, поступающую из-за рубежа.

«Америка не потерпит поражения», «Америка пользуется уважением как земля свободы и демократии», «Победа союзников приведет к новой эре мира и надежд», «Оружие будет отброшено», «Народы освободятся от угнетения и обретут суверенитет» — такие тезисы распространял комитет. Они представляли Соединенные Штаты поборниками мира и освобождения народов. И под прикрытием этих широковетельных тезисов проводилась политика, направленная на проникновение американского капитала в Европу, на оказание помощи контрреволюционным силам в Советской России.

Комитет общественной информации прекратил свое существование 30 июня 1919 г. Вопросы, которыми он занимался, переходят к различным правительственным организациям. Они продолжают выпуск специальной пропагандистской литературы для зарубежной аудитории, производство кино- и фотопродукции, прославляющей «мирный образ Соединенных Штатов». И одновременно ведутся поиски форм объединения усилий монополий и государства во внутренней и зарубежной пропаганде Соединенных Штатов. Вопросы координации этой деятельности были скрыты от внимания общественности. Внутренние механизмы становления и развития монополистических объединений средств пропаганды того времени, их связи с государством были отнесены к разряду секретных.

Примечательно, что в то время, когда американская пресса изыскивала самые недостойные методы раздувания «угрозы большевизма», американская ассоциация редакторов газет приняла в 1925 году «Каноны журналистики». Если сравнить практику прессы с положениями «Канонов», то само собой напрашивался вывод о том, что требования, предъявляемые журналистам, напоминали икону. Ей поклонялись, ее прославляли, но не следовали провозглашенным заветам.

И сегодня «Каноны журналистики» можно встретить в кабинетах главных редакторов американских газет. На них с уважением ссылаются, когда говорят о свободе американской печати, о беспристрастности газет, которые могут критиковать самого президента или членов его администрации.

Не правда ли — мы свободны!

Итак, «Каноны журналистики».

Вводная статья: «Главная функция газет состоит в сообщении человечеству о том, что делают, чувствуют

и думают его члены. Поэтому журнализм требует от своих практических работников высокого уровня интеллигентности или знания, опыта, а также естественного и приобретенного правила обобщения и благоразумия. Возможности журнализма как хроники времени неразрывно связаны с его обязательством быть учителем и интерпретатором»⁹.

Благородны намерения привлекать в журналистику талантливых людей, которые стали бы «учителями и интерпретаторами» событий.

Во имя чего и как они действуют?

Какие цели преследуют?

Распространяют ли правду, служат народу или поклоняются кошельку?

Раздел первый — «Ответственность». Чем руководствуется журналист?

Ответ: «Вопросами благосостояния общественности».

«Журналист, который использует свою власть в корыстных или каких-либо других подобных целях — недостойн доверия». Следовательно, журналисты, выступавшие за вторжение Америки на советский Север, достойны осуждения. Ведь они использовали свою власть в корыстных целях.

Но не следует спешить с выводами.

Раздел второй — «Свобода печати» — защищает тех, кто пользовался заведомо фальшивыми аргументами, вроде тех, что применяются при обосновании вторжения Америки во внутренние дела Советской России. Оказывается, что по «Канонам» «свобода печати» «состоит в неоспоримом праве обсуждения любых вопросов, которые не запрещены законом». Законами же не было запрещено распространение тезисов об «угрозе коммунизма». Напротив, многие решения официальных кругов содействовали хождению лживых утверждений.

«Каноны» содержали положение о «независимости» журналистов, которое формулировалось как «свобода от всех обязательств, за исключением верности общественным интересам». Но последняя понималась по-разному: один «общественный интерес» у владельца компании, другой — у рабочего. Правда, затем уточнялось, что честный журналист не может «содействовать любому частному интересу, противоречащему общему благосостоянию», и далее: «новости, полученные от так называемых частных источников, не могут быть опубликованы без того, чтобы общественность не узнала их про-

исхождение или их ценность по форме и содержанию». И тем не менее владельцы газет отклоняли и отклоняют «нежелательную информацию» (правдивые факты, например, о положении в Советском Союзе). Для них здесь все просто: правда выдается за «частный интерес», который противоречит «общему благосостоянию» Америки.

Раздел третий — «Независимость». «Участие в редакционных комментариях, которые сознательно отклоняются от правды, означает нарушение духа американского журнализма». На основе этого положения редакторы газеты «Нью-Йорк таймс», например, должны были быть отлучены от американского журнализма за те материалы, которые они фабриковали о положении дел в Советской России. Но этого не случилось. Опираясь на предыдущие пункты «Канонов журналистики», они могли быть признаны невиновными. Мало того, их представили бы как «независимых», «беспристрастных» журналистов.

Раздел четвертый — «Искренность, правдивость, точность». В нем говорилось о «добросовестном отношении к читателю», о том, что «газета должна быть правдивой, а заголовки — полностью отвечать содержанию материала». Но на практике было другое. Американские газеты сообщали о «национализации женщин в России», об «отделении детей от родителей», о мифических «угрозах русских», которые только и озабочены тем, как бы сокрушить бедную Америку.

Раздел пятый — «Честность». «Газета не должна публиковать официальных предписаний, задевающих репутацию или наносящих моральный ущерб без предоставления возможности опровергнуть, услышать обвинение: правовая практика требует предоставления такой возможности во всех случаях серьезных обвинений за пределами юридической процедуры». Такова формула общего характера, напоминающая юридические положения, применение которых определяется практикой. Это уже не первый случай. Американские законодатели не раз принимали настолько запутанные законы, что их трактовка определялась лишь судебной практикой.

Раздел пятый имел два дополнительных параграфа. В первом параграфе говорилось о том, что «газета не должна вторгаться в частные права или чувства людей, если этого не требует общественность». Однако и это положение имело основу для вторжения в частные пра-

ва и чувства. Все дело в том, что, например, чудовищные обвинения в адрес Сакко и Ванцетти всегда можно было подвести под «требование общественности». Для этого надо было найти несколько лжесвидетелей, выступающих от имени общественности. Во втором параграфе провозглашалось: «Привилегия и обязанность газеты состоит в том, чтобы быстро и полностью исправить ее собственные ошибки в фактах или мнениях, независимо от их источника». Примечательно, что в номерах газеты «Нью-Йорк таймс» за 1918—1919 годы не было опровержений относительно грубых искажений о событиях в Советской России.

И, наконец, раздел шестой — «Благопристойность». «Газета не может избежать осуждения в неискренности, если, исповедуя высокие моральные цели, она будет поставлять побудительные мотивы для низменного поведения, которые могут быть найдены в деталях преступления или порока и публикация которых не может быть доказуема для общих, благородных целей». И тем не менее и до и после принятия «Канонов журналистики» многие буржуазные газеты публиковали детали преступлений: кто убивал, как убивал. Это стало правилом газетных сообщений и хроники. Бывали случаи, когда такие сообщения печати вызывали цепную реакцию. Люди с больной психикой, запуганные различными «угрозами», становились на путь преступлений, аналогичных описанным в газетах. Позднее это затронет и буржуазное телевидение. Преподаватели, родители, социологи забьют тревогу. Но мало что изменится в практике.

И в заключении «Канонов» приводится общий призыв: «Журнализм, не обладающий ответственностью за соблюдение данных положений, способствует распространению низменных инстинктов, что может вызвать противодействие со стороны общественности или профессиональное осуждение».

Практика буржуазной американской печати говорила о постоянном нарушении «Канонов журналистики». Разгул различных угроз, погоня за сенсациями, фразерство привели к определенному изменению форм журналистики. Со страниц газет исчезает памфлет. Большое место отводится помимо рекламы репортажам и информации. Они строились по определенному принципу. Недобросовестные авторы обращались к ложным фактам, ссылались на анонимные источники, допускали личные выпады, затушевывали сущность политических проблем.

Авторы передовых статей, по данным учебного пособия по журналистике, вышедшего четыре года спустя после принятия «Канонов», «объясняют вопросы так, как они представляются хозяину газеты... Своей колонкой они, как проповедники, ежедневно наставляют своих прихожан. Редакторы колонок стали просто автоматами, которые, как попугаи, повторяют мнение своих боссов».

«Каноны журналистики» провозглашали правду и честность, автор же учебного пособия, исходя из журналистской практики, утверждал, что «нет вреда в выдумке». Напротив, «воображение репортера» может... «украсить информацию». Беда вот, мол, только в том, что «ложное выдают за правду»¹⁰.

Итак, «Каноны журналистики» не спасали печать от влияния денежного мешка, не делали, да и не могли сделать американские газеты свободными.

Действия буржуазных средств США в период 1917—1920 годов, равно как и последующие периоды, пронизаны одной страстью, вызванной отсутствием надежд на возможность противопоставить идеям большевизма какие-либо конструктивные положения. Любое действие нового государства — молодой Республики Советов, встречалось в штыки, рассматривалось сквозь призму «угроз большевизма». Выступления В. И. Ленина, его прямые обращения к американской общественности, американским рабочим либо умалчивались, либо искажались. Так, письмо В. И. Ленина к американским рабочим (от 20 авг. 1918 г.)¹¹ было встречено буржуазией чуть ли не как инструкция для «осуществления большевистского заговора».

Письмо В. И. Ленина имело исключительно важное значение для разоблачения буржуазной пропаганды, для понимания отношения большевиков к американской революции. В США оно было опубликовано в конце 1918 года: в декабре в журнале «Классовая борьба» (Нью-Йорк) и в еженедельнике «Революционная эра» (Бостон), а также отдельным оттиском к журналу «Классовая борьба».

Вспомним, в какое время оно писалось. Конец августа 1918 года. Ему предшествовали тяжкие для молодой Советской Республики события.

Весной и летом этого года развернулась открытая военная интервенция Англии, Франции, США и Японии. 9 марта в Мурманске высадился первый отряд английских войск. В начале августа пал Архангельск. 5 апре-

ля во Владивостоке высадились японцы. 25 мая поднял мятеж чехословацкий корпус. Белочехи захватили Пензу, Самару, Симбирск. 7 августа пала Казань. 4 августа интервенты вошли в Баку.

В нарушение условий Брестского мира немецкие войска летом 1918 года оккупировали Прибалтику, Белоруссию, Украину, двинулись в Донецкую область и Крым.

Иностранная интервенция сопровождалась выступлением контрреволюции: 6 июля 1918 г. — мятеж левых эсеров в Москве, затем в Ярославле, Рыбинске и Муроме.

В ближайшем тылу частей Красной Армии прокатилась волна кулацких и меньшевистско-эсеровских мятежей.

Центральные районы республики оказались отрезанными от источников продовольствия и топлива. Рабочие получали по 50 г хлеба в день. В отдельные дни хлеба совсем не выдавали.

Но в письме В. И. Ленина не было уныния. Напротив, оно проникнуто революционным оптимизмом, твердой уверенностью в торжестве идей Октябрьской революции.

Анализ, проведенный в послевоенное время, показал, что американский империализм больше других западных стран нажился на первой мировой войне. Позднее станут известны конкретные цифры. Среднегодовые доходы американских монополий в 1916—1918 годах были на 4,8 млрд. долл. выше, чем за три года, предшествующие мировой войне.

Став, по словам В. И. Ленина, «современными работодателями», «сделав своими данниками все, даже самые богатые страны», США подстрекали Англию и Японию к военной интервенции против Советской России.

Свои действия правящие круги США прикрывали ссылками на борьбу за «демократию» и «свободу», на свободолюбивое прошлое Америки, возвышенные идеалы справедливости.

Обращаясь к истории Америки, В. И. Ленин показывает, как буржуазия быстро предает идеи свободы, использует их для маскировки своей захватнической политики.

Со времени революционной войны американцев против колониального господства Англии прошло к момен-

ту написания ленинского письма 150 лет. Америка достигла многого, заняла первое место по развитию производительных сил, по применению машин и различных чудес новейшей техники. И вместе с тем она заняла первое место по глубине пропасти между горсткой миллиардеров и миллионами трудящихся, живущих на границе нищеты. Американский народ, давший миру образец революционной войны против феодального рабства, оказался в новейшем, капиталистическом, наемном рабстве у кучки миллиардеров.

Подобно тому как империализм душил Филиппины в 1898 году под предлогом «освобождения» их, так и в 1918 году он душил Российскую социалистическую республику под предлогом «защиты ее от немцев». Подталкивая своих союзников к подрывным действиям против Республики Советов, американские монополии прежде всего помышляли о новых прибылях, о новых районах для приложения американского доллара.

На этих долларах следы грязи:

от тайных договоров между союзниками о дележе добычи, о «помощи» друг другу в угнетении и преследовании рабочих и социалистов-интернационалистов;

от доходных военных поставок, обогащающих богатей и разорявших бедняков.

На этих долларах следы крови, которую пролили 10 млн. убитых и 20 млн. искалеченных.

Буржуазия побила рекорд не только по количеству награбленных колоний, но и по утонченности своего отвратительного лицемерия. Она оправдывала грабительский поход против Республики Советов «стремлением будто бы защитить Россию от немцев».

В ленинском письме подчеркивалось, что в октябре 1917 года Советская власть в Декрете о мире открыто предложила всем государствам справедливый мир, без аннексий и контрибуций, мир с полным соблюдением равенства прав всех наций.

После принятия Декрета о мире Советское правительство обратилось через послов союзных держав (США, Великобритании, Франции, Италии, Сербии и Бельгии) к правительствам этих стран с предложением немедленного перемирия и открытия мирных переговоров.

Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов одобрил текст о перемирии и демократическом мире без аннексий и контрибуций на основе само-

определения народов, как «формальное предложение немедленного перемирия на всех фронтах и немедленно открытия мирных переговоров...»¹².

Западные страны не приняли этого. И тем самым развязали руки Германии, которая навязала России аннексионистский и насильственный Брестский мир.

В. И. Ленин разоблачил и другой тезис буржуазной пропаганды: будто бы вину за Брестский мир несет сама Советская Россия.

Капиталисты тех стран, от которых зависело превращение Бреста во всеобщие переговоры о всеобщем мире, отмечает В. И. Ленин, выступают «обвинителями» нас.

Империалистические государства, в том числе США, отклонили предложение о мире. Президент США Вильсон в послании американскому конгрессу от 8 января 1918 г., известном как «14 пунктов об условиях мира», или «14 пунктов Вильсона», провозглашал (п. 16) «эвакуацию всей русской территории»; обеспечение России «возможности принять независимое решение относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики». Президент США гарантировал России «радушный прием в сообществе свободных наций при том образе правления, который она сама для себя изберет, да и не только прием, а всяческую поддержку всем, в чем она нуждается и чего она сама себе желает».

Такова была декларация. На практике она обернулась противоположными действиями. 5 марта 1918 г. Советское правительство в ноте правительству США обратилось к нему с вопросом: если германские войска, нарушив мирный договор, возобновят наступление с целью продолжить свой грабительский набег, может ли Советское правительство рассчитывать на помощь США, Великобритании и Франции в борьбе против Германии?»

13 марта 1918 г. президент США Вильсон ответил, что «Правительство Соединенных Штатов, к сожалению, в настоящий момент не в состоянии оказать России ту непосредственную и деятельную поддержку, которую оно бы желало оказать». Американский президент уверял, что «Правительство Соединенных Штатов использует все возможности обеспечить России снова полный суверенитет и полную независимость в ее внутренних делах и полное восстановление ее великой роли в жизни Европы и современного человечества»¹³.

12 мая 1918 г. Комиссия по внешней торговле при ВСНХ разработала «План развития экономических отношений между Советской Россией и Соединенными Штатами Америки». Он содержал конкретные предложения о развитии торговли при условии предоставления Америке на общих концессионных началах участия в эксплуатации богатств, использования части дохода.

Вместо признания Советской власти, установления с ней нормальных отношений Соединенные Штаты пошли на участие в иностранной интервенции против Советской Республики, пытаясь оправдать свои агрессивные действия различными обвинениями в адрес большевиков, в том числе в их «коварстве», выразившемся в подписании Брестского мира. В. И. Ленин в «Письме к американским рабочим» называет эти обвинения лицемерными.

Отвергая надуманные обвинения, он вновь обращается к истории Америки. Во время революционной борьбы против английских колонизаторов американский народ заключал соглашения с одним угнетателем против других. При этом американский народ использовал противоречия между французами, испанцами и англичанами, «он сражался даже иногда вместе с войсками угнетателей французов и испанцев против угнетателей англичан, он победил сначала англичан, а потом освободился (частью при помощи выкупа) от французов и испанцев».

В. И. Ленин рассмотрел в письме и такой выпад буржуазной пропаганды, как обвинение большевиков в «хаосе» революции, «разрушении» промышленности, в безработице, бесхлебье, в терроре.

Незадолго до подготовки своего письма к американским рабочим В. И. Ленин подчеркивал, что буржуазия, запугивая читателей гражданской войной в России, пытается искусственно создать обстановку страха. «Пугай как можно усерднее — таков лозунг всей буржуазной печати. Пугай изо всех сил! Лги, клеветы — только пугай!»¹⁴.

Буржуазия умышленно искажала вопрос о терроре. И снова В. И. Ленин обращается к истории Америки.

В американском народе, отмечает В. И. Ленин, «есть революционная традиция, которую восприняли лучшие представители американского пролетариата, неоднократно выражавшие свое полное сочувствие нам,

большевикам». Эти традиции проявились в войне против колониального господства Англии в XVIII веке, в гражданской войне в XIX веке. Они также сопровождались «разрушением». Однако на этой основе было бы глупостью «отрицать величайшее, всемирно-историческое, прогрессивное и революционное значение гражданской войны 1863—1865 годов в Америке».

Ради свержения рабства, власти рабовладельцев «стоило... чтобы вся страна прошла через долгие годы гражданской войны, бездны разорения, разрушений, террора, связанных со всякой войной».

Теперь, «когда дело идет о неизмеримо более великой задаче свержения наемного, капиталистического рабства, свержения власти буржуазии, — теперь представители и защитники буржуазии, и равно социалисты-реформисты, запуганные буржуазией, чурящиеся революции, не могут и не хотят понять необходимости и законности гражданской войны».

Обвиняя большевиков в терроре, американская буржуазия наносила удар по пролетариату Америки. Ю. Дебс — один из руководителей рабочего движения, противник иностранной интервенции в России, был заключен президентом Вильсоном в тюрьму.

Империалистическая война, напомнил В. И. Ленин, «разрушила почти всю европейскую культуру, довела Европу до варварства, до одичания, до голода».

Обвиняя большевиков в терроре, буржуазия забыла прошлое. Буржуазия оправдывала террор, когда она использовала его в борьбе против феодализма, и объявила его преступлением, когда его применили рабочие и крестьяне против ее самой.

Заключительная часть «Письма к американским рабочим» содержит разъяснения относительно характера нового советского строя. Известно, что вместе с письмом в Америку были доставлены Конституция РСФСР и текст ноты Советского правительства президенту Вильсону с требованием прекратить интервенцию.

Исходя из того, что сила большевизма в правде, В. И. Ленин сообщал американским рабочим о важнейших решениях нового Советского правительства за то короткое время, которое прошло после Октябрьской революции: отмене частной собственности на землю, организации новых условий хозяйственной деятельности в деревне, чтобы осуществить переход к коммунистическому крупному земледелию, национализации почти

всех крупнейших фабрик и заводов, обучении рабочих управлению целыми отраслями промышленности. Иными словами, в республике создается «фундамент новой общественной связи, новой трудовой дисциплины, новой власти профессиональных союзов рабочих».

В. И. Ленин хорошо знал практику буржуазной печати по опыту политической борьбы в России и в международном рабочем движении. Фразерством, различными оговорками, сенсациями, политическими пустяками буржуазные пропагандисты старались не допустить правдивую информацию о большевизме.

В. И. Ленин не случайно обращает внимание на основной смысл Конституции РСФСР — отбросить лицемерие буржуазной демократии.

Будущее за Республикой Советов. Новый мир не рождается готовым, он создается в борьбе. И несмотря на выступление иностранных интервентов и внутренней контрреволюции, новое — непобедимо.

Революционная логика «Письма к американским рабочим», разоблачение буржуазных манипуляций общественным мнением оказывали огромное влияние на широкие слои населения не только в США, но и других странах.

В американском обществе росли симпатии к Советской России. Лозунг прогрессивной печати «Руки прочь от России!» получил поддержку передовой части Америки. Участники многочисленных митингов требовали вывести американские войска из России. Докеры Сизтла в сентябре 1919 года отказались грузить оружие, предназначенное для отправки в Россию. В том же году участники конференции Американской федерации труда, профсоюзов в Портленде, Орегоне, Кливленде, Огайо, Пенсильвании приняли резолюции с требованием признания Советской России.

Несмотря на блокаду, когда даже иностранные газеты доходили крайне трудно, В. И. Ленин внимательно следит за развитием международной обстановки. 5 марта 1919 г. он вновь обращается к событиям в США. «В Америке, — пишет он, — в самой сильной и самой молодой капиталистической стране — громадное сочувствие рабочих масс к Советам». Даже среди буржуазии намечался раскол. В «Письме к рабочим Европы и Америки» (21 янв. 1919 г.) В. И. Ленин отмечал, что часть буржуазии видит разложение союзнических войск в России и опасается, что продолжение интервенции

«есть вернейший путь для самого быстрого перенесения пролетарской революции в страны Антанты»¹⁵.

Правда о Советской Республике прорывала кордоны клеветы. В. И. Ленин в марте — мае 1920 года дважды возвращался к этому вопросу: в речи на торжественном заседании Московского Совета, посвященном годовщине III Интернационала, и в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». «Чем больше буржуазия лгала, — писал В. И. Ленин, — тем больше помогала она на весь мир распространить опыт, который мы проделали с Керенским»¹⁶.

Речь шла о травле большевиков в апреле — июле 1918 года. Тогда буржуазные газеты, на все лады выступающие против большевиков, невольно помогли втянуть массы трудящихся в оценку большевизма. Именно благодаря «усердию» буржуазии вся общественная жизнь пропитывалась спорами о большевизме.

Анализируя такие факты: во Франции центральный пункт выборной агитации сводился к вопросу о большевизме, в США тысячи людей были арестованы по подозрению в большевизме, буржуазная пропаганда разносила повсюду вести о «большевистских заговорах», в Англии создается богатейшее «Общество для борьбы с большевизмом», В. И. Ленин делал вывод: «Они работают на нас. Они помогают нам заинтересовать массы вопросом о сущности и значении большевизма. И они не могут поступать иначе, ибо «замолчать», задушить большевизм им *уже* не удалось»¹⁷.

Активно участвуя в разоблачении лжи о русской революции, В. И. Ленин отмечал то обстоятельство, что буржуазия, клеветая на Советскую власть, невольно привлекает внимание зарубежной общественности к основным вопросам советского строительства. Буржуазная пропаганда всколыхнула слои пролетариата и заставила их думать, что «если так травят большевиков, значит, это что-нибудь хорошее»¹⁸.

Корни коммунизма глубоки, и никакие преследования не обессилят, а, напротив, усилят его. Этот вывод В. И. Ленина подтвердился всем ходом общественного развития, многолетней практикой идеологической борьбы.

Устрашение большевизмом не имело никаких оснований. Напротив, несмотря на участие США в военной интервенции против Советской Республики, несмотря на все ухищрения буржуазной пропаганды, молодая

Республика Советов твердо стремилась проводить политику мирного сосуществования.

В. И. Ленин неоднократно высказывался за сосуществование социалистических и капиталистических государств. «Мы, — говорил он в ответе корреспонденту американской газеты «Чикаго дейли ньюс», — решительно за экономическую договоренность с Америкой, — со всеми странами, но *особенно* с Америкой». Основная цель Советского правительства, отмечал В. И. Ленин в феврале 1920 года, — мирное сожительство с народами. «Я не вижу никаких причин, — заявлял он, — почему такое социалистическое государство, как наше, не может иметь неограниченные деловые отношения с капиталистическими странами»¹⁹.

В Обращении X Всероссийского съезда Советов ко всем народам мира (27 дек. 1922 г.) подчеркивалось, что «Советская власть, вышедшая из революции, начала свою деятельность в 1917 г. с призыва к справедливому всеобщему миру... На деле доказала она свою преданность миру. Не на словах, не в резолюциях, не в обещаниях, а на деле»²⁰.

Советское правительство строило свою внешнюю политику исходя из разработанного В. И. Лениным учения о построении социализма в СССР. Главный успех революции коммунисты всегда видели в политическом и экономическом развитии социализма, в создании условий для мирного созидательного труда. Они выступали и выступают против «экспорта» и «подталкивания» революции. Марксизм, писал Владимир Ильич, «всегда отрицал «подталкивание» революций, развивающихся по мере назревания остроты классовых противоречий, порождающих революции»²¹.

Принципы мирного сосуществования логически вытекали из объективных законов социалистического строительства, из природы социалистической революции. VII Всероссийский съезд Советов 5 декабря 1919 г. принял резолюцию, которая четко излагала принципы Советского государства: «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика желает жить в мире со всеми народами и направить все свои силы на внутреннее строительство, чтобы наладить производство, транспорт и общественное управление на почве Советского строя, чему до сих пор мешали сперва гнет германского империализма, затем вмешательство Антанты и голодная блокада»²².

При этом Советский Союз неоднократно призывал распространить принципы мирного сосуществования на отношения со всеми государствами и народами. В проекте Постановления ВЦИК по отчету делегации на Генуэзской конференции В. И. Ленин, приветствуя Рапалльский договор между Советской Россией и Германией (16 апр. 1922 г.), отмечал, что это «единственный правильный выход из затруднений, хаоса и опасности войн...»²³. Договор стал возможен благодаря принципиальной позиции Советского правительства. Оно отвергло попытки диктата со стороны капиталистических государств, выступило за нормализацию отношений с ними на основе уважения суверенитета, равноправия, взаимной выгоды в экономических и торговых связях. ВЦИК в Постановлении по отчету делегации (17 мая 1922 г.) признал нормальным для отношений РСФСР к капиталистическим государствам лишь такого типа договоры.

И несмотря на это, политические круги США, отказываясь от дипломатического признания Советской России, бросают всю силу пропагандистского аппарата на искажение внутренней и внешней политики большевиков, на воспитание негативного отношения к практике нового государства.

БУРЖУАЗНАЯ ПЕЧАТЬ ЗАЩИЩАЕТ СОБСТВЕННОСТЬ

В условиях разгула «угроз большевизма» остро встал вопрос об отношении средств информации к политическим событиям. К этому было несколько побудительных причин. Октябрьская революция, подъем революционного движения в мире, рост забастовочной борьбы в Соединенных Штатах вызвали панику в стане буржуазии. Революционный динамизм мира привлекал внимание общественного мнения. Возрастал интерес к информации о событиях в России. Барьер страха перед «красной опасностью» не спасал буржуазных пропагандистов и идеологов. Они с тревогой стали говорить о проникновении материализма в науку, философию, этику, социологию²⁴.

Начались поиски различных защитных вариантов и в области средств информации. В том, что средства информации должны защищать капитализм, у буржуаз-

ных идеологов не было сомнения. Но вот как выстроить их взаимоотношение с действительностью, какими методами они должны оборонять капитализм и буржуазные идеи, — в этих направлениях наблюдалась тенденция к совмещению практики с выводами буржуазных идеологов, основанных на «философии прагматизма».

Жизнь вновь и вновь подтверждала выводы классиков марксизма-ленинизма о характере американской идеологии. Знакомясь с положением в Америке, Ф. Энгельс еще в 1886 году отмечал, что в Соединенных Штатах потребность в практической деятельности и концентрации капитала «привела ко всеобщему пренебрежению всякой теорией, от которого лишь теперь начинают освобождаться наиболее образованные слои интеллигенции...»²⁵. Пренебрежение теорией привело к ограниченному научному багажу буржуазии. Освобождение от этой тенденции объясняло обращение к модным теориям, которые позволили бы закрепить принципы капиталистической частной собственности. Прагматизм стал одним из таких инструментов. Практика подтвердила ленинскую характеристику прагматизма как американской философии, которая «превозносит опыт и только опыт, признает единственным критерием практику» и считает, что «наука не есть „абсолютная копия реальности“»²⁶.

Именно таким подходом отличалась вышедшая в 1922 году книга молодого американского философа и начинающего журналиста У. Липпмана «Общественное мнение»²⁷. В ней впервые ставился вопрос об отношении средств информации к действительности. Автор положил немало труда, дабы доказать, что средства информации не есть отражение реальности.

В разработке своей концепции Липпман часто ссылался на взгляды молодых тогда представителей прагматизма В. Джеймса и Д. Дьюи.

Из В. Джеймса брались положения, в которых обходились острые антагонизмы капитализма, и его рекомендации всеми способами проповедовать частную собственность, которая якобы свойственна природе человека в виде инстинкта. При этом Джеймс утверждал, что все человеческое поведение целиком определяется автоматической схемой: стимул — реакция.

Однако события 20-х годов XX в. показали, что ни практически, ни теоретически данная схема ничего не объясняет и, что самое главное, не предотвращает ка-

питалистическое общество от конфликтных ситуаций. Соединенные Штаты сталкивались с серьезными потрясениями — росло рабочее движение. Трудящиеся отвечали на притеснения монополий мощными забастовками. Возрастал интерес к практическим шагам страны Октябрьской революции. Автоматизм схемы стимул — реакция отбрасывал социальные факторы, вопросы отношения к ним людей. Поведение без учета мотивов и настроений людей грозило ослаблением контроля.

Как явствует из книги Липпмана «Общественное мнение», возникало предположение с помощью информации и интереса людей к событиям внутри США и за рубежом проникнуть во внутренний мир читателей, создать барьер на пути всего того, что «сбивает их с толку», ведет к ликвидации частной собственности²⁸. Идея Джеймса о врожденных инстинктах привела его к утверждению, что история общества оперирует не систематизированными идеями, а имеющимися соображениями, аналогиями. Применение этого положения к информации позволяло отбросить вопрос о качестве идей, об адекватности информации реальным событиям. Главным оставалась полезность. И тут на помощь привлекался Дьюи, который, по словам Липпмана, «научил его понимать, какой должна быть реакция человека на стоящие перед ним проблемы»²⁹. Дьюи утверждал, что человек не приспособлен для знакомства со сложным окружением, в котором нет единообразия.

Д. Дьюи был обеспокоен громадным ростом потрясений в буржуазном мире. Не мышление, а практическое отношение к внешнему миру было у него определяющим. «Новизна» сводилась к следующей схеме: принять предметы природы как простые факты: «цветные и звучащие, страшные, привлекательные», которыми человек наслаждается или от которых страдает. Липпман неоднократно цитировал это положение в своей книге. И делал тот же вывод. Человек не может самостоятельно разобраться в «невидимом окружении», его ощущения неточны, неполны, ошибочны, так как нельзя что-либо сказать о природе вещей до их исследования. Липпман, как Дьюи, запутывал очевидный вопрос. Если человек не может ничего сказать о каком-то явлении или событии до встречи и знакомства с ним, то это не означает, что он не может сказать, каким оно было до изучения и независимо от него.

Привлек внимание Липпмана и вывод Дьюи о ме-

ханизме поведения человека. Природа человека сводилась к устойчивым психологическим и биологическим особенностям, а все явления общественной жизни — к «естественным, прирожденным особенностям человеческой сущности». Получалось, что не капиталистическое общество создает систему угнетения человека человеком, а «прирожденная человеческая природа». Общество только придает им форму конфликта.

На такой основе Липпман и подошел к объяснению связи средств информации с действительностью. Началось все с примера.

...1914 год. Небольшой остров в Океании. Его обитатели — англичане, французы и немцы обходились без телеграфа. Раз в 60 дней почту доставлял английский корабль. Сообщение о начале первой мировой войны островитяне получили с запозданием на шесть недель.

Вывод: «Мы видим, что новости об окружающем мире могут приходиться то рано, то поздно. Однако то, чему мы верим, становится реальной картиной, и мы обращаемся с ней так, как будто это и есть сам окружающий нас мир, который вырисовывается из новостей»³⁰.

Конечно, если бы островитяне остались без информации, без контактов с внешним миром, они вообще не узнали бы о первой мировой войне и продолжали бы мирно существовать без разделения на враждующие стороны. Но это отнюдь не опровергало бы реальности мировой битвы и тех причин, которые ее вызвали.

Читатели для Липпмана представлялись людьми, которые не обладают никаким опытом и навыками. Он сравнивал их с лицами, которые не владеют иностранными языками, и поэтому язык других кажется им бормотанием. Они напоминали ему крестьянина, который всю жизнь провел в деревне и неожиданно оказался в городской толчее, в положении человека, впервые попавшего на спортивный стадион или впервые вступившего на палубу корабля. Им надо говорить о мире до того, как они столкнутся с той или иной проблемой. Отсюда следовал вывод о том, что окружающая действительность складывается только из новостей. Иными словами, вместо отражения, информация становилась ответом, реакцией на те или иные ситуации и носила самый различный характер — от «абсолютной галлюцинации до схематической модели».

Что же такое стереотипы в понимании Липпмана?

Они «дают представление о мире, который воскрешается в памяти», отличаются «подвижностью в удалении от действительности». Оторвав людей от действительности, Липпман считал, что стереотипы в его трактовке позволяют обойти социально-экономические проблемы капиталистического общества. Признайте стереотипы, писал Липпман, и отпадет необходимость в том, о чем писал К. Маркс в «Капитале»³¹. Так создавалась своеобразная крепость, где человек «может чувствовать себя в безопасности», заменив идеи стереотипами³².

В то время когда писалась работа «Общественное мнение», в Соединенных Штатах складывалось понятие стереотипа, связанного с теорией условных рефлексов. Экспериментальным путем на животных было обнаружено, что один и тот же раздражитель образует две различные системы условных рефлексов, два различных динамических стереотипа. В физиологическом отношении в коре больших полушарий мозга при условных реакциях возникают стереотипные условнорефлекторные действия. Данный механизм стал применяться и при изучении характера человека. Он объясняет, в частности, стереотипные, шаблонные действия людей в определенных ситуациях, различные стереотипные реакции в одной и той же обстановке.

В социальной психологии, занимающейся изучением процессов взаимоотношения людей в организованных и неорганизованных группах, также существует понятие стереотипа, которое выступает как стандартизированное мнение, принятое в соответствующей группе.

В психологическом и социальном отношении стереотипы имеют важное значение для приспособления человека к условиям окружающей его среды и как субъективный образ объективного мира возникают в конечном счете в результате отражения действительности в мозгу человека. Вводя в ткань своих рассуждений понятия стереотипа, Липпман практически отводил ему роль чуть ли не единственного звена в связи человека с реальностью. Так к старой схеме стимул — реакция подверстывались новые элементы-стереотипы, с тем чтобы с помощью информации ввести в действие механизм формирования нужных пропагандистских образов и динамические аспекты поведения.

Призывая воспринимать мир на основе стереотипов, Липпман отдавал предпочтение чувствам, эмоциям, оценкам, независимо от их характера, истинности или

удаления от реальности, то есть формировалась посылка: читатель принимает мир таким, какой он есть, когда «предвзятые чувства и мнения» могут оккупировать сознание. Тем самым допускалось и оправдывалось манипулирование.

Утверждение о том, что человек осваивает внешний мир преимущественно с помощью стереотипов, противоречило научному подходу к познанию. Человек всегда видит мир, природу, окружающие его явления через призму созданного им мира, через призму общественных отношений. Последние и отбрасывались Липпманом. Тем самым человек становился пассивным созерцателем. Трудовая деятельность человека, с помощью которой он осваивает и преобразовывает внешний мир, закрывалась эмоциональным отношением к явлениям и событиям. Создавалась лазейка для иллюзорного отношения к действительности.

Выдвигая стереотипы в качестве главного инструмента взаимоотношений средств информации с действительностью, Липпман односторонне трактовал значение стереотипов как элементов человеческой психики, как социально-бытовые образы. Закрепленные в общественном сознании стереотипные оценки и отношения оказывают определенное влияние на человека в процессе восприятия материалов средств информации.

В жизни каждый человек усваивает стандарты поведения, отношение к явлениям и событиям, многие из которых он сам непосредственно не наблюдал. В поведении человека нетрудно обнаружить наличие определенных социально-бытовых образов, которыми он руководствуется в своей работе, в отношениях с другими людьми. Эти образы вырабатываются в процессе образования, общения в семье, коллективе. Многие из них человек как общественное существо находит уже в готовом виде.

Стереотипы не охватывают всей системы взглядов и представлений данного человека или данной общественной группы. Если бы вся эта система сводилась к стереотипам, то тогда сознание и весь духовный мир представляли бы собой некий замкнутый объем, в котором не остается места для творчества. На самом деле сознание и психика как отдельного человека, так и той или иной социальной группы не выступают пассивным отражением объективной действительности. Они не сводятся к стереотипам, но содержат творческие начала,

ломающие устоявшиеся представления и взгляды об окружающем внешнем мире и о самих себе, об объективной действительности. Более того, те стереотипы, которые правильно отражают действительность, служат нередко отправным пунктом для творческого переосмысления того или иного явления, концепции или теории, для освобождения сознания от ложных представлений и взглядов, ложных стереотипов.

Стереотипы могут быть элементами образа мышления. В этом смысле им также принадлежит достаточно важная роль. Дело в том, что между идеологией, совокупностью идей того или иного общественного класса или социальной группы, оказывающей доминирующее воздействие на представления и взгляды отдельного индивида, и образом мышления существуют определенные различия. Идеология представляет собой сферу идей, понятий, суждений, умозаключений или концепций, принципов. Образ мышления существенно отличается от нее уже тем, что на него оказывает воздействие не только идеология, остающаяся главным фактором человеческого сознания, но и ряд психологических факторов, таких как восприятия, представления, эмоции.

Стереотипы создаются в индивидуальном или общественном сознании как результат воздействия не только материального мира, опыта, идей, относящихся к идеологии того или иного социального класса, но и как результат воздействия психологических факторов личностного и общественного характера. В этом смысле стереотипы представляют собой не только систему абстрактных идей, рожденных на высшей ступени познания, но и систему восприятий и представлений, имеющих эмоциональную окраску и психологическое происхождение. Вот почему важно учитывать, что стереотипы — это не только устойчивая система взглядов, то есть идей, концепций, идеологических факторов, но также система соединенных с ними представлений психологического порядка.

Выдвинутая Липпманом трактовка стереотипов открывала возможность для защиты капиталистических принципов жизни, обходя социально-экономические проблемы буржуазного общества. Если стереотипы представлялись как психологические образования, удаленные от действительности, то трудовая деятельность людей, их борьба против капиталистического образа жизни могла быть объявлена нереальной. Если средст-

вам информации предписывалось пробуждать только те или иные отношения к событиям, то открывалась возможность и для правомерности применения различных «галлюцинаций». Журналисты могли тем самым оперировать и неправильными представлениями, поскольку отражение в информационном процессе подменялось системой стереотипной оценки, вызывающей реакцию одобрения или осуждения. Все зависело от субъективной воли пропагандистов.

И не случайно стереотипы представлялись как своеобразные психологические комбинации «из того, что есть, и того, что ожидает человека». Они связывались с чувствами и становились как бы указанием на правильность занятой человеком позиции, независимо от ситуации. Следуя определению Дьюи о внешнем окружении как «смятении», стереотипы объявлялись единственным ориентиром человека во внешнем мире. И здесь уже не имела значения их истинность. Они приобретали характер биологического фактора, им был придан «вид сердцевины», к которой «приспосабливаются привычки, надежды» человека, с их помощью создается порядок в «большом, цветущем, жужжащем смятении».

Как же пробуждались стереотипы?

Человек сам не может познать мир. Невидимый мир приходит с помощью информации, а последняя оформляется словами. «Невидимое окружение приходит главным образом с помощью слов».

Действительно, информация как форма выражения человеческой жизни, как средство общения в процессе практики помогает человеку узнавать о событиях, которые он непосредственно не наблюдает. Но истинность информации проверяется общественной практикой. А эта сторона вопроса в рассуждениях Липпмана затухивалась. Процесс коммуникации «без нарушения» начинался только тогда, когда «любой факт или любое отношение имеют единственное в своем роде имя». И такое имя призвано «обучить идеям, на основании которых может базироваться окончательный выбор нераскрытого значения»³³. Получилось, что человек имеет дело не с явлениями объективной реальности, а с именем, которое призвано пробуждать конкретные образы и определялось исключительно индивидуальным чувственным опытом. В частности, недопонимание таких понятий, как суверенитет, независимость, национальная честь, право, агрессия, империализм, капитализм, социа-

лизм, объяснялось «убогим пониманием, бедностью языка, бессознательными чувствами, отчаянием». К этому добавлялась «неясность фактов», которые мешали чистоте восприятия и приводили якобы к заблуждению.

Односторонняя трактовка понятия стереотипа имела свои методологические корни в идеалистическом представлении сущности человека, его чувственного мира, в попытках представить капиталистическую частную собственность как сущность человека, сделав ее положительным и вечным явлением.

В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» К. Маркс подчеркивал, что частная собственность делает людей глупыми и односторонними, создает иллюзию, что «какой-нибудь предмет является *нашим* лишь тогда... когда мы им непосредственно владеем, едим его... живем в нем и т. д., — одним словом, когда мы его *потребляем*»³⁴.

В таком же духе рассматривалась и чувственность, когда вместо сущности человека она выступала как полезность. Таким образом, все богатство деятельности человека сводилось к обыденной потребности, к обезчеловечиванию человеческих отношений. Между тем вся история, общественная практика свидетельствуют, что проявление человеческой сущности в рамках частной собственности имеет обратное значение. «Каждый человек старается пробудить в другом какую-нибудь *новую* потребность, чтобы вынудить его принести новую жертву, поставить его в новую зависимость и толкнуть его к новому виду *наслаждения*, а тем самым и к экономическому разорению. Каждый стремится вызвать к жизни какую-нибудь *чуждую* сущностную силу, господствующую над другим человеком, чтобы найти в этом удовлетворение своей собственной своекорыстной потребности. Поэтому вместе с ростом массы предметов растет царство чуждых сущностей, под игом которых находится человек, и каждый новый продукт представляет собой новую *возможность* взаимного обмена и взаимного ограбления». Частная собственность не может превратить грубую потребность в человеческую, «ее *идеализм* сводится к *фантазиям, прихотям, причудам*»³⁵.

Мистификация природы и человека приводила к тому, что рассматривались не реальные люди, а люди, имеющие имя. Касаясь этой стороны искажения истории природы и общества, К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали: «Сначала из факта извлекается абстракция, а

потом заявляют, что этот факт основан на этой абстракции», а сознательная деятельность человека по отношению к природе «рассматривается как явление этой голой абстракции...»³⁶.

Заимствование и повторение методологических ошибок привело Липпмана и его сторонников к многочисленным абстракциям, фантазиям и иллюзиям. Так, вместо классового сознания, идеологического противоборства внутри американского общества вводилась некая умозрительная «модель стереотипов», призванная дать «американскую версию прогресса», чтобы затушевать классовое сознание, защитить принцип частной собственности и не допустить национализации имущества.

Вместо противоречий между рабочими и капиталистами Липпман пытался доказать, что вся проблема сводится к различному восприятию версии фактов, различиям в системах стереотипов капитализма и социализма, так как люди якобы выдумывают свою версию объяснения, верят ей и рассматривают как реальность. На этой основе борьба трудящихся за свои права представляла как «вымысел рабочего движения». Стаечная и забастовочная борьба объявлялась нереальной, бесперспективной.

Воздействие «системы стереотипов» разрабатывалось с учетом ряда психологических моментов, которые отвлекали бы человека от осознанного подхода к действительности. Так, учитывая величайшую подвижность человеческого сознания, его избирательность, пластичность, Липпман предлагал «персонализировать количество» и «драматизировать отношения» в системе стереотипов. Речь шла об «очеловечивании стереотипов», то есть чтобы их распространителями стали президенты, руководители крупных компаний, церковные служители, журналисты, артисты и т. д. «Модель стереотипов» людей труда объявлялась тусклой, не обладающей привлекательностью. Только избранная личность — «лидер мнения», действуя, как артист, может превратить их в движущую картину. Тем самым соотношение объективного и субъективного в процессе пропагандистского воздействия решалось в пользу абсолютизации субъективного фактора, его противопоставления объективному.

Передача стереотипа сопрягалась еще с одной категорией — интересом. Последний трактовался в традиционном стиле прагматизма. И интерес сводится к удов-

летворению appetитов человека, любви, ненависти, любопытства, сексовой жажды, страха и драчливости. Не столь уж радужный мир отводился человеку. Его пытались замкнуть в мир, где интересы ограничены инстинктами, страстями и страхами.

Липпман, как и Дьюи, совершал ту же ошибку — отождествлял поведение человека с его инстинктами. Между тем это разные понятия. Инстинкт состоит из двух основных элементов — органической потребности и биологически обусловленного способа ее удовлетворения. У человека в обществе сохраняются органические потребности, но способы их удовлетворения носят социальный характер. Поэтому в человеческом поведении закрепляются человеческие способы деятельности, общественная практика, а не простое удовлетворение инстинктов³⁷.

Передачу интереса Липпман рекомендовал осуществлять с помощью слов и картин о невидимом окружении, воздействующих на чувства и создающих «эмоциональную реальность». На этой основе предлагался прием «взрыва эмоций», когда эмоции «заменяют образы и имена».

При употреблении слов-стимулов — американизм, прогресс, закон и порядок, справедливость, человечность — Липпман рекомендовал не обращаться к их социальному содержанию. Важно было создать вокруг этих стимулов «коалицию чувств», чтобы они не вызвали критическое рассмотрение, не вели к борьбе идей и защитили Америку от роста «общего сознания». Беда, оказывается, в том, что американцы видят мало толку в таких фразах, как «правда человека», «человечество необходимо спасти во имя демократии». Но стоит придать этим положениям «универсальное значение», как возникает «широкая лояльность» и будет перекинут «мост в невидимый мир», по которому пройдут простые смертные.

В систему доказательств необходимости игры на эмоциях вплетались примеры из области искусства. В частности, художники создают образы, не имеющие порой прототипа в действительности. И потому-де могут поступать подобным образом и журналисты. Данные ссылки на искусство не могут служить доказательством оправдания субъективного вымысла. Отражение действительности в художественных образах как раз подтверждает обратное, всякое удаление от реальности

порождает искажение, обрекает художника, так же как и писателя, журналиста, на конфликт с жизнью, уводит его в мир абстракций и иллюзий.

Да и сам автор, ратуя за стереотипы, не уходил от реальностей американской жизни. В книге «Общественное мнение» можно было встретить и элементы критики. Липпман осуждал концентрацию власти, систему объявлений в газетах, дезорганизующие действия «небольших групп», имея в виду вторжение в печать крупного бизнеса. Но особое беспокойство вызывали рост антиамериканизма, падение престижа «американской версии прогресса», недостаточная моральная и идеологическая подготовка американцев к роли «сильной нации». Поэтому-то он и предлагал заменить такие заблуждения «работоспособными, прогрессивными стереотипами», противопоставив их идеям коллективизма и «экономическому детерминизму»³⁸.

Потому информация наделялась функцией «контакта с невидимым окружением». Новости становились не отражением социальных условий, а сообщением какого-либо одного аспекта, сигналом о событии, чтобы «осветить скрытые факты». Правдивым, оправданным становилось все то, что «имеет хотя бы один пример правды» и «хотя бы одного человека, кто верит, что это правда». Тем самым сохранялись все те заблуждения и предрассудки, которыми капитализм опутывал людей.

Новости оказываются не отражением действительности, а лишь сигналом в стереотипизированной форме, несущей в себе конкретное значение, которое определяется только опытом человека. Правдивость, адекватность новости и события не играли существенного значения. Главное «подсчет событий», выгодный многим лицам, где преимущество имели те, кто владеет средствами информации и кто определяет политику. Они выбирают, интерпретируют и определяют оценку случившегося. Допустимы слухи, искажения, а в организации новостей — корпоративные предприятия. Объективность становилась своеобразным ритуалом. По словам Липпмана, журнализм — это не сообщение из первых рук о происходящем, а стилизованное сообщение, соответствующее к избранным надеждам, ценностям и ожиданиям.

Идеей защиты капитализма пронизана другая работа Липпмана «Очерки общественной философии». От «Общественного мнения» ее отделял период более чем в 30 лет. Однако основные тревоги автора сохранились.

Много говорилось об утрате Западом «великих традиций», о «моральном поражении либеральной демократии», о необходимости «защиты свободного, демократического общества».

Отсчет всех неприятностей Запада велся с 1917 года, когда возникла «модель нового правления», новые идеи, которые даже в США «носили глубокий и пронизывающий характер». Липпман убеждал правящие круги Запада, что после Октябрьской революции возникли «недемократические условия», когда «мнение масс доминирует над правительствами». Революционный подъем в мире страшил либерального буржуа. Мнение масс, их активность выступали как помехи на пути Запада. «Огромные массы людей, — уверял Липпман, — не имеют твердого мнения о всем комплексе вопросов, стоящих перед военными штабами и министерствами иностранных дел»³⁹. И какие только аргументы не приводились для того, чтобы доказать недоказуемое — о невозможности трудящихся управлять делами государства, решать внутренние и международные проблемы. Парадокс состоял в том, что, ратуя за свободу и демократию, либеральный буржуа апеллировал к недемократическим принципам, исключал участие народа в «движении событий». При этом ему пришлось ликвидировать «двусмыслицу» в понятиях «народ» и «избиратели». Народ характеризовался как корпоративное явление. Его может спасти от ошибок только правительство, «действующее правильно». Избиратели выступали как «фракции населения», имеющие «разнообразные эгоцентрические интересы и мнения», которые не могут приниматься во внимание, когда речь заходит о народе⁴⁰. При таком разделении понятий легко можно было выдать факт одобрения американской конституции всего пятью процентами населения США за демократический акт, а острые проблемы американского общества отнести к «множественности мнений».

Свои выводы Липпман подкреплял ссылками на А. Токвиля, который во время поездки по Америке заметил угрозу со стороны «демократии масс», увидел, что демократическим государствам угрожает «разновидность подавления», непохожая на существующие когда-либо в мире⁴¹. Созвучие выводам Токвиля слышно было не только в разделении понятий «народ» и «избиратели», но и в оценке революционных процессов. До 1917 года Липпман худо-бедно соглашается с оценками

революционных актов. А вот с 1917 года он ведет отчет «массовой контрреволюции против либеральной демократии».

В чем же ее причина?

Автор «Очерков общественной философии» не согласен, что источник зла в обществе — капиталисты, империалисты, священники, титулованные сановники. Дело оказывается в другом. Источник зла — плохие люди, не обученные западным образцам демократии.

Потому-то идеи «Манифеста Коммунистической партии» якобы не подтвердились. «Средний класс не исчез. Напротив, он вырос. Общество не раскололось на два враждующих лагеря буржуазии и пролетариата. Если оно и раскололось, то только на фракции и группы давления». Данные положения никак не сходятся с предыдущими выводами «Очерков общественной философии». Почему же тогда так боялся революции и народных масс сам их автор?

Революция в России рисовалась как продолжающийся неопределенное время процесс, направленный на «искоренение действующей и потенциальной оппозиции»⁴². И ни слова о созидательной силе революции, о ее динамизме, о раскрытии истинных человеческих способностей. Да и понятно. Как раз эти-то моменты больше всего беспокоили либерального буржуа.

В политическую канву защиты капитализма вплелись и мысли, изложенные в предыдущей книге — «Общественное мнение». На полутора страницах изложены основные идеи. Главное состояло в том, чтобы не допустить рассмотрения источников бед капиталистического общества, найти такое объяснение, которое удерживало бы людей в системе капиталистических стандартов и установок.

Итак, почему же ошибается человек?

Ответ звучит так: большая часть человеческого поведения — это реакция на картины, возникающие в головах людей. Человеческое поведение происходит в псевдоокружении, которое не однозначно для любых двух индивидов. Между человеком как биологическим организмом и внешней реальностью вклиниваются существующие в человеке образы и картины. Они создаются самим человеком, культурой. Такие картины и образы эффективны, когда человек реагирует на них так, как будто это и есть действительное окружение.

С помощью стереотипов ожиданий и строилась схе-

ма воспитания, с тем чтобы обучать людей образам хорошего хозяина, босса, солдата, полицейского. В качестве основы предлагалась «общественная философия» как универсальный закон, навязанный людям человеческой природой в ответ на их нужды и инстинкты. Она строилась на «позитивных принципах» Декларации независимости, Билля о правах, Конституции США. В работе «Общественное мнение» Липпман утверждал, что «из библии нельзя вывести историю христианства, а из конституции — политическую историю Америки». В «Общественной философии» он уже пытается вывести стандарты общественных законов из основополагающих документов США.

С помощью «Общественной философии» давался критерий правды, лжи, правого и неправого, чтобы восстановить веру американцев в «общественные стандарты и американскую политическую мораль».

«Общественная философия» не допускала и мысли об изменении принципов капитализма, частная собственность выступала как «система законных прав и обязанностей». Противоречия между пролетариатом и собственниками могли решаться только путем частичных реформ: ликвидации наследственности в налогах, национализации центральных банков, расширении промышленности, находящейся в государственной собственности, запрещении детского труда, введении системы свободного образования в школах и т. п., чтобы не допустить классовых конфликтов.

Вместо понятия классов, классовой борьбы вводился термин «фракций или групп давления», а противоречия внутри американского общества сводились к простым частностям, вызванным характером «воображения реальности», различной трактовкой фактов. Общественное мнение запугивалось «угрозой революции», которая будто бы «подавляет индивидуальные различия» и порождает «тоталитарные тенденции». Автор обвинял коммунистов за «уничтожение либерально-демократических институтов», нисколько не смущаясь тем, что речь шла о буржуазной системе подавления трудящихся. На таком фоне легче было воздать хвалу «американской демократии», «американской свободе слова». И последнее, «это не просто право любого человека говорить все, что ему заблагорассудится... Это метод достижения правды, метод достижения моральной и политической правды».

Какими же методами должна достигаться свобода и правда?

«Диалектическим методом диспутов по примеру диалогов Сократа», дабы прийти к «правдивым целям», которые ставились рядом с принципом частной собственности как «основы общественной философии»⁴³.

Положения, изложенные в книгах «Общественное мнение» и «Очерки общественной философии», войдут затем во многие монографии и учебные пособия. Однако сам их автор на практике будет в ряде случаев отходить от собственных теоретических установок, некоторые же из его аргументов будут преданы забвению из-за их полной несостоятельности.

Сложна и противоречива была роль Липпмана в практике американской пропаганды.

Родился он в 1889 году, в семье промышленника. Окончил Гарвардский университет, защитил диссертацию по философии. В 1917 году стал специальным помощником военного министра.

Вместе с Ф. Коттом У. Липпман составит в 1918 году комментарии к посланию президента Вильсона конгрессу, известному под названием «14 пунктов». Они содержали рекомендации по «защите от распространения большевизма» и «аргументы» в защиту политики, направленной на ослабление и раскол Советской России. «14 пунктов» рассматривались Липпманом как «гармонизация системы символов», способствующих распространению лозунгов, направленных на «спасение человечества во имя демократии»⁴⁴.

Спустя 23 года в книге «Очерки общественной философии» Липпман вновь вернется к событиям 1917 года, которые поставили Запад перед «трудными решениями». Особую его озабоченность вызывал подъем политической активности масс. «Давление масс», по его словам, стало настолько сильным, что «привело к крушению конституционных основ правительств». Дабы противостоять движению трудящихся, выдвигался тезис о том, что «массы не могут править». Поэтому он предлагал укреплять единоличную власть президента.

После службы в правительственном аппарате Липпман переходит на журналистскую работу, быстро становится редактором журнала «Нью рипаблик». Его приглашают для выступлений в известных буржуазных изданиях — «Нью-Йорк уорлд», «Нью-Йорк геральд трибюн» и др.

Парадоксальная ситуация заключалась в том, что, выдвинув теорию стереотипов, которая на практике вела к откровенному манипулированию, Липпман вместе с тем снискал себе славу критика агрессивных аспектов внешней политики США. Он разоблачал ложь буржуазных средств информации, если она была слишком груба, вскрывал «рутину жизни» капиталистического общества.

Аудиторию прельщала изящная манера изложения, его независимая позиция. Либерально настроенная буржуазия находила у Липпмана свои собственные мысли. Издатели видели в его выступлениях возможность привлечения широкой аудитории. Политические же деятели рассчитывали, что с помощью его критических выступлений можно будет проверить реакцию различных кругов общества на острые вопросы внутренней и внешней политики.

Первоначально Липпман выступал за мировое господство Америки. Безопасность Соединенных Штатов очерчивалась по береговым линиям Европы, Африки и Америки. Разделяя мнение многих буржуазных политиков, он призывал противостоять коммунизму в так называемых «третьих странах» путем «создания общества свободного предпринимательства».

Вместе с другими авторами Липпман не обошел стороной и тезиса об «угрозе коммунизма». Все события, происходящие в Советском Союзе, объявлялись «злом» и рассматривались как «вызов коммунизма»⁴⁵.

Со временем в статьях Липпмана обнаружилось определенное отступление от прежних взглядов. В них звучит критика внешней политики правительства США. Он считал, что «инфляция во внешней политике США» началась еще с того времени, когда президент Вильсон объявил о вступлении США в первую мировую войну. Ему как одному из участников составления «14 пунктов» это хорошо известно.

Чрезмерные обещания США о «защите антикоммунистов везде и всюду» Липпман называет глупыми и требует «возвращения к реальной действительности»⁴⁶, так как такая политика привела к серьезным провалам во внешней политике США.

Под влиянием поражения США во Вьетнаме Липпман критикует глобальную стратегию США, ссылки ее авторов на Римскую империю и Пакс-Британию. Американские деятели от Вудро Вильсона до Линдона Джонсона и Дина Риска, писал Липпман, убедили США верить

в мечту о всемирном порядке. «Они сбили страну с правильного курса, установили ложные цели, отвлекли страну от выполнения менее грандиозных целей, которых они могли бы достичь»⁴⁷.

Вместе с тем, и в этом, очевидно, заключается суть дела, выступления Липпмана никогда не посягали на устои буржуазного общества. Скорее наоборот, в «липмановской лаборатории» изыскивались и опробывались новые формы защиты капитализма. Все это, вместе взятое, и привлекало владельцев газет, журналов, телевидения. Они использовали критические замечания Липпмана для того, чтобы направить общественное недовольство по определенному, заданному руслу. Регулируемая критика становилась одним из методов манипулирования.

Липпман не отбрасывал мысли о мировом господстве США. Он понимал, что «коммунизм не эпидемия» и его не сокрушить военной силой. Рекомендация сводилась к тому, чтобы спасти престиж США, сохранив их влияние, но «не силой оружия и денег»⁴⁸.

Итак, Липпман подвел определенный итог деятельности буржуазных средств информации США, высказал целый ряд практических рекомендаций, которые в дальнейшем дополнялись новыми положениями.

УЛОВКИ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

Рекомендации У. Липпмана в области прагматической трактовки информации не спасли американское общество от конфликтов, от борьбы ценностей, норм и стандартов. Положение о том, что «человек с улицы» якобы лишен способности к овладению сущностью явлений и событий, оборачивалось в практике средств информации США попытками придать таким понятиям, как «американизм», «демократия», «свобода», стандартизированный вид. Они повторялись в различных вариантах в надежде сохранить существующее положение в американском обществе, вызвать единообразие в поведении людей. Но механизм такой обработки давал сбой. Раздавались сетования на то, что средства информации и в целом вся политическая система должны «установить» определенный контроль над «частным интересом», придать «американизму» директивный смысл⁴⁹. Требовались какие-то новые приемы внедрения амери-

канских стандартов и отвлечения внимания трудящихся от острых внутренних конфликтов.

Взоры теоретиков и пропагандистов обратились к некоторым выводам З. Фрейда, в частности к его структуре человеческой личности, которая рекламировалась как «новое слово» в науке, открывающее путь в бессознательный мир человека.

Итак, «Триада Фрейда».

Три элемента: ид (оно), эго (я) и супер-эго (сверх-я). Ид — бессознательное, вместилище инстинктов самосознания, жизни (сексуального), тяги к разрушению. Ид подчиняется принципу удовольствия. Эго — представитель внешнего мира, заменяет принцип удовольствия на принцип реальности. Супер-эго — носитель социального момента в человеческой личности, носитель моральных стандартов, выполняет роль критика и цензора, посредника между бессознательным и сознательным. Указанная схема имела в своей основе ошибочное утверждение об определяющей роли либидо (сексуальной энергии) не только в отношении общественного поведения отдельного человека, но и в истории и культуре общества⁵⁰.

Человек в схеме Фрейда предстал как беспомощное, несчастное существо, подавленное различными инстинктами, неосознанными действиями, не могущее справиться с возникающими перед ним проблемами. Отрывая человеческую психику от ее физиологических основ и социальной реальности и следуя советам Фрейда, буржуазные психологи, социологи и пропагандисты, касаясь внутренних конфликтов американского общества, обращались к различным «бессознательным силам».

Э. Фромм — американский специалист в области социологии и психологии, в книге «Кризис психоанализа» признавал, что «психологии бессознательного придавалось универсальное значение, которое может раскрыть все секреты жизни в условиях беспокойства, когда многие люди не могли приспособиться к жизни»⁵¹. Возникла иллюзия, будто фрейдовские положения, стóит их лишь применить к общественным процессам, средствам информации, освободят от «вредных идей» и раскроют загадки человеческой души.

Тактика игры на «бессознательных силах» получала теоретическое подкрепление, где политический цинизм соединялся с бомбардировкой человека различными психологическими трюками. Доказательств тому было

немало. Сам Фрейд откровенно писал, что он разделял взгляды французского исследователя Ле Бона о «подчеркивании бессознательной жизни». Откровенность Ле Бона была чудовищна. Презрение к массам, восхваление господ, отрицание личностных характеристик человека приводили к призывам отвести массам лишь роль «безвольных автоматов».

Фрейд в социально-политических вопросах вступил на такой же путь. «Нельзя, — писал он, — отказываться от власти меньшинства над большинством, ибо масса ленива и несознательна», «только влиянием образцовых индивидов, признанных ее вождями, можно добиться от нее работы». И «теория бессознательного», отводящая главное место «энергии тех первичных порывов, которые имели дело со всем тем, что можно обобщить понятием любви», примененная к средствам информации, вела к оправданию любых психологических трюков.

Откроем учебник «Сбор и обработка новостей», год издания 1927-й.

Какими навыками снабжались американские репортеры?

Автор — преподаватель журналистики Иллинойского университета Д. Гарвуд открыто не ссылался на Фрейда. Но как много совпадений «теории» с практикой! Руководитель газеты — это одновременно бизнесмен и редактор, сами газеты — коммерческое предприятие. Авторы статей — «автоматы, бессмысленно повторяющие мнение своего бога».

Правда и новости не равнозначны, так как репортер редко имеет возможность доступа ко всем фактам. Поэтому они (репортеры) могут пользоваться слухами и тем, самым совершать «фальшивые и беспринципные действия», «давая неправильное толкование фактам». Но искажение факта, одностороннее изложение информации, подача «части правды» и т. п. — вполне оправданные явления.

И еще одно откровение. «Важность новости зависит от силы вызванных ею эмоций. Ее назначение — пробуждать личностные отношения, а не идеи»⁵².

Каков же практический вывод? Публиковать то, что заставляло бы читателя вздыхать, улыбаться, негодовать, то есть сообщать о пожарах, убийствах, личной жизни кинозвезд, печатать заявления по разным поводам авторитетных лиц и т. п.

Пропагандисты получили «теоретическое оправдание» объяснять пороки капитализма, агрессию, войны, вооруженные конфликты, расизм якобы присущими человеку агрессивными инстинктами, инстинктами разрушения. Обращение средств информации к сексу, убийствам, садизму, различным порокам объяснялось ссылками на поиски скрытых, бессознательных сил.

И когда наступил кризис 1929—1933 годов, все инструменты были брошены на спасение рушившихся буржуазных стандартов. Население США было потрясено: 13 млн. американцев потеряли работу; резко сократилась заработная плата; тысячи мелких и крупных предприятий, фирм обанкротились; голодные марши, забастовки, протесты охватили Соединенные Штаты.

Нажившись на первой мировой войне, американские монополии и правящие администрации создали миф о благосостоянии Америки на принципах частного предпринимательства. И даже в период кризиса звучали нотки оптимизма. Президент Гувер уверял, что через 60 дней все войдет в норму, состояние экономики улучшится.

Намеченные сроки прошли. Проблемы обострились. Обещания свободы Америки от бедности и кризисов не осуществились. «Кампания оптимизма» провалилась.

Идеологи, пропагандисты, политические деятели с тревогой писали и говорили об угрозе «американскому образу жизни». Депрессия 1929 года означала конец доверия автоматическому следованию американскому традиционному пути. Американский народ находился в замешательстве и сомнении.

Многие в 1930 году обращались к первому пятилетнему плану Советского Союза. «Русский пятилетний план стал предметом интереса американцев»⁵³. Они высказывали предложения обратиться к «таким же мерам планирования», чтобы «не допустить повторения подобного заболевания в будущем». Руководители бизнеса воспринимали такие факты как «тревожный интерес».

Буржуазные идеологи и пропагандисты разрабатывали тактику уменьшения накала классовой борьбы внутри США и отвлечения внимания от внутренних проблем. Средства информации настойчиво формировали фальшивые «угрозы». Они сопровождались созданием обстановки, когда «угроза» умышленно насаждалась в основные сферы жизни: в работу, быт, учебу, досуг, чтобы вызванные кризисом страхи, неуверенность, сомнения переключить на иные объекты.

Именно под впечатлением общей обстановки страха возникали определения пропаганды как бранного слова. Пропаганда «пробуждает страсти, запутывая вопросы. Она делает маловероятное чем-то важным, действительно важное изображает пустяком. Она заполняет каналы информации возбуждающими мелочами, заставляет людей бороться в тумане... Общество начинает по-настоящему лихорадить, а его члены утрачивают способность ясно мыслить и трезво оценивать события»⁵⁴. Можно было подумать, что, запретив слово «пропаганда», буржуазные идеологи решили бы все вопросы, очистили свой арсенал от методов обмана.

Как и раньше, распространение угроз создавало удобный для капитализма общественный климат. Однако он приносил с собой и определенные политические издержки. Сегодня буржуазные идеологи вынуждены обращаться к событиям прошлого и создавать различные легенды для обоснования таких, например, действий правящих кругов США, как непризнание СССР до 1933 года. Факт довольно неприятный в истории Америки, он никак не вяжется с декларациями о стремлении Соединенных Штатов к миру.

Профессор Калифорнийского университета Дж. Вильсон в книге «Идеология и экономисты. Отношения Соединенных Штатов с Советским Союзом (1913—1933)» пыталась доказать, что американские бизнесмены не причастны к этой исторической несправедливости. Все дело в действиях Гувера, который создал «неприглядный образ России» и использовал для этого «символический язык», вызвав соответствующий ответ не только среди бизнесменов, но и американской общественности. Это якобы был пример недостаточного взаимопонимания и координации «между экономикой и внешней политикой»⁵⁵. Признание ошибок, пусть с запозданием, достойно уважения. Но при этом следует отметить, что руководители бизнеса США всегда обладали достаточной силой для оказания влияния на американскую внешнюю политику. И можно привести немало фактов, когда «несговорчивые дипломаты», выступавшие против интересов бизнеса, довольно быстро уходили со своих постов. Но рассмотрим основные проблемы, затронутые в книге.

Автор книги приводит довольно много фактов, которые говорят о том, что правящие круги, в том числе и из бизнесменов, создавали ложную систему «русских угроз», искажали положение дел в Советском Союзе.

После Октябрьской революции многие бизнесмены заняли враждебную позицию в отношении социалистической России, ожидая ее экономического и идеологического поражения. Регулярно в буржуазной прессе США цитировались факты об «экономическом хаосе» в России. Охотно писалось о «реках крови и страданиях», об «ошибках в экономике и духовной жизни», что «неминуемо приведет к краху режима». «Большевистский эксперимент» представлялся как серьезная «идеологическая угроза американскому образу жизни», так как большевизм характеризовался как теория, выступающая против западной цивилизации.

В качестве условий признания выдвигались различные нереальные проекты: заставить Советскую Россию «покончить с ее экономической политикой» и встать на путь «уравнения промышленных целей Советского Союза с капиталистической системой», отказаться от «большевистской пропаганды» и т. п.

Можно ли все эти «факты» и «условия» относить на счет американской общественности, утверждать, что она думала именно так и что поэтому американскому правительству ничего не оставалось, как занимать отрицательную позицию в отношении Советского Союза? Вернее будет сказать, что буржуазная печать создавала неблагоприятный, даже враждебный по отношению к СССР климат, который отвечал политическим интересам определенных кругов.

Средства информации отвлекали внимание общественности различными пустяками. Примечателен в этом отношении опрос общественного мнения, проведенный в 1930 году журналом «Форчун». Почти 30% отдали предпочтение сообщениям о преступлениях, 20 — личным скандалам, и только 10,6% — иностранным новостям⁵⁶. Но воспитание определенного изоляционизма, внимание к сенсациям и политическим пустякам, к так называемым развлечениям — это только тот фон, на котором разворачивалась пропаганда «угрозы коммунизма». Причисление к «красным» грозило человеку изоляцией. К этому же времени следует отнести ту истерию страхов и запугиваний, которые возникли после судилища над Сакко и Ванцетти. И не случайно в том же, 1930 году во многих публичных библиотеках Америки было запрещено держать на полках любую книгу, имеющую слова «Ленин», «ленинизм», «Ленинград»⁵⁷.

Буржуазные газеты, развертывавшие истерию «угроз

красных», выдавали свою точку зрения за преобладающее мнение американской общественности. Этот тезис будет и впредь встречаться неоднократно в системе манипулирования, когда точка зрения меньшинства выдавалась за мнение большинства, а навязанные стандарты возвращались как «требование» аудиторий. Был ли другой путь?

Установление американо-советских отношений было связано с важным документом, известным как соглашение Рузвельта — Литвинова, которое закладывало основы для обмена информацией между двумя странами, на основе равенства и невмешательства во внутренние дела друг друга, а в конечном счете могло бы значительно ослабить политический ущерб, который несли Соединенные Штаты в результате политики непризнания Советского государства.

16 ноября 1933 г. в связи с установлением дипломатических отношений СССР и США состоялся обмен нотами между народным комиссаром иностранных дел СССР М. М. Литвиновым и президентом США Рузвельтом по вопросу о пропаганде.

В них стороны заявили о неукоснительном уважении принципа невмешательства во внутренние дела друг друга. Они обязались воздерживаться от «какого-либо явного или скрытого акта, могущего каким-либо образом нанести ущерб спокойствию, благосостоянию, порядку или безопасности», «от любого акта, направленного на подстрекательство или поощрение вооруженной интервенции, или от какой-либо агитации или пропаганды, имеющих целью нарушение территориальной целостности» друг друга «либо насильственное изменение политического или общественного строя». В нотах было заявлено о том, что стороны не поддержат и не разрешат существования «на своей территории военных организаций или групп, имеющих своей целью вооруженную борьбу», «свержение или подготовку свержения или насильственное изменение политического или общественного строя»⁵⁸ Соединенных Штатов и СССР.

Однако руководители буржуазных средств информации США не воспользовались такой возможностью. Более того, сами соглашения становились объектом манипулирования.

В связи с состоявшимся в Москве VII конгрессом Коммунистического Интернационала правительство США направило 25 августа 1935 г. ноту протеста, в которой

заявлялось, что проведение на территории СССР конгресса является вмешательством во внутренние дела США и нарушением обязательства, принятого правительством СССР 16 ноября 1933 г.

Протест американской стороны был отклонен. В ноте заместителя Народного Комиссара иностранных дел СССР (27 авг. 1935 г.) говорилось, что Советское правительство «всегда относилось и относится с величайшим уважением ко всем принятым им на себя обязательствам, в том числе, конечно, и к взаимному обязательству о невмешательстве во внутренние дела, предусмотренному обменом нотами от 16 ноября 1933 г. ...Правительство СССР не может принимать на себя и не принимало никаких обязательств в отношении Коммунистического Интернационала»⁵⁹.

Ссылки буржуазной печати и официальных лиц США на выступления американских делегатов на VII конгрессе Коммунистического Интернационала были несостоятельными. Американскую коммунистическую партию создали сами американцы, а не русские. Представители Компартии США выступали у себя на родине на митингах и собраниях с резким осуждением гнета монополий. Они проводили в США митинги, демонстрации, забастовки. Естественно, всего этого американские коммунисты не могли проделать на советской территории, так как в Советском Союзе не было американских рабочих⁶⁰.

Таковы реальные исторические факты. Источник «угрозы» находился не в политике СССР, а в самих Соединенных Штатах.

«Угрозы», построенные на фальшивой основе, создавали трудности не только во внешней политике, но и внутри Соединенных Штатов.

...30 октября 1938 г. в эфире прозвучала радиоинсценировка романа Г. Уэллса «Война миров»: марсиане напали на Штаты. Следовали имена, названия городов...

Приняв радиоинсценировку за сообщение о действительном событии, многие бросились предупреждать родственников и знакомых, садились в машины и уезжали куда глаза глядят.

Некоторые падкие на сенсации газеты спешили «собрать достоверные факты». Газета «Нью-Джерси сити» в экстренном выпуске писала: «В лучах неоновых реклам, в дыму бензиновой гари многие жители города видели и чувствовали по запаху пришельцев с Марса».

Пришлось передавать официальное опровержение, чтобы успокоить публику.

Последующие опросы показали, что около 9 млн. человек слушали инсценировку, паника охватила 1 млн. 750 тыс. человек.

Если говорить об источниках паники, то можно выделить два момента.

Ко времени появления радиообмана Институт анализа пропаганды США, как бы подводя итоги накопленного опыта, предложил разбор «методов убеждения», а точнее манипулирования поведением людей:

— «Определение». Идеи, личности, объекты сопрягались с характеристиками (положительными или отрицательными, в зависимости от обстановки), которые принимались бы людьми без рассуждений. Так, например, средства информации рисовались как «защитники» всех без исключения — богатых и бедных, рабочих и бизнесменов.

— «Блестящая всеобщность». Описывая какие-то события, в которых необходимо получить поддержку аудитории, применялись «добродетельные слова» («коалиция чувств», «подавляющее большинство», «общественное мнение»).

— «Рекомендация». Нужное положение вкладывается в уста личности, пользующейся популярностью в определенных группах (известный журналист, адвокат, актер, проповедник и т. п.). Они обращались к аудитории, используя такие выражения, как «Я один из вас. Я понятый народом избранник» и т. п.

— «Подтасовывание карт». Возможность и оправданность применения точного или неточного, логического или нелогического заявления во имя возбуждения интереса аудитории. Например призыв — «Одержим победу!». Создав трудность в решении какой-то проблемы, аудитории предлагают выход, для которого необходимо, чтобы «все вскочили в одну лодку»⁶¹, то есть одобрили предложенный рецепт.

Так в случае радиообмана аудитория оказалась пленницей манипуляций.

С другой стороны, радиоинсценировка была построена на угрозе (нападение марсиан на США). И определенная часть населения, которая в своей жизни постоянно сталкивалась с угрозой потери работы, угрозой болезни, угрозой разоружения, восприняла радиообман как реальное событие и подверглась панике.

Подделка на радио была далеко не случайным делом.

Она отражала в определенной степени тот морально-политический климат, который формировался к этому времени в Соединенных Штатах. В том же, 1938 году возникает Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности. Она стала главным источником формирования ложных угроз. На мир надвигалось фашистское нашествие. Но не оно беспокоило организаторов комиссии, не деятельность профашистских групп внутри США. Объектом откровенной клеветы были коммунисты, самые преданные и последовательные борцы против фашизма.

Антиамериканистом, коммунистом объявлялся всякий, кто отвергал «религиозные верования, на основе которых человек получает от бога неотъемлемые и фундаментальные права». Данное определение прозвучало в первых же документах комиссии. На ее основе к антиамериканистам можно было причислить Т. Джефферсона, В. Франклина, А. Линкольна и вызывать их дух для расследования коммунистической деятельности.

В поисках «аргументов» привлекается группа стопроцентных американцев. Они формируют угрозу «троянского коня».

3 января 1939 г. комиссия использует «документальный материал» — цитату из доклада Г. Димитрова на VII конгрессе Коммунистического Интернационала 2 августа 1935 г. Она выглядела так: «Товарищи, вы помните древнее сказание о взятии Трои. Троя отгородилась от атакующей ее армии неприступными стенами. И атакующая армия, понесшая немало жертв, не могла добиться победы до тех пор, пока с помощью знаменитого троянского коня не проникла внутрь, в самое сердце врага. Мы, революционные рабочие, мне кажется, не должны стесняться применять ту же тактику...».

В цитате была опущена существенная часть. Восстановим ее: «Мы, революционные рабочие, мне кажется, не должны стесняться применять ту же тактику в отношении нашего фашистского врага, защищающегося от народа живой стеной своих головорезов»⁶².

В разделе доклада Г. Димитрова «Единый фронт и массовые фашистские организации» говорилось о необходимости работы коммунистов в фашистских массовых организациях Германии и Италии. Такая тактика, подчеркивал Г. Димитров, должна применяться в отношении фашизма, в борьбе против фашистской диктатуры.

Опустив главное содержание из выступления Г. Димитрова, члены Комиссии по расследованию антиамери-

канской деятельности облыжно обвиняли коммунистов в подрывной деятельности, в «угрозе национальной жизни США». Первый председатель комиссии Мартин Дайс — член конгресса от демократической партии, штат Техас, свою книгу так и озаглавил «Троянский конь в Америке».

Под угрозой обвинения в антиамериканской деятельности находился всякий, кто выступал перед национальным негритянским конгрессом, комитетом артистов кино, Комитетом мира, американской федерацией учителей, лигой нового театра, друзьями бригады А. Линкольна, комитетом писателей и артистов и т. п. «Коммунисты глубоко проникли в американскую политику», «Американский народ должен возвысить свой могущественный голос протеста»⁶³.

«Угроза коммунизма» вводилась в каждый дом, в каждую организацию. Чтение книг о социализме и трудов прогрессивных авторов, членство в перечисленных и других союзах, сочувствие борцам с фашизмом, выступление за мир — все причислялось к антиамериканской деятельности. Тем самым подрывалась вера в гуманизм, добро, справедливость. В развязанной фашизмом второй мировой войне подрывалась вера в необходимость коллективных действий против коричневой чумы. Мало того, закладывались психологические основы будущего маккартизма с его нелепыми угрозами и судилищами.

Деятельность Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности отвечала интересам монополистического капитала, оказывающего помощь фашистской диктатуре Гитлера. «Суперпатриотизм», по оценке журналиста Дж. Сельдеса, — был классическим примером деятельности лидеров корпораций, направленной на раскол народа и подрыв его воли к борьбе против фашизма. Они относились к событиям 1940 года в Соединенных Штатах Америки. Сельдес, редактор и издатель журнала «Инфакт», показывал, как руководители монополий манипулируют информацией, как банки и промышленные корпорации США оказывали помощь фашизму. В частности, Американский легион — организация фашиствующего, милитаристского типа, действующая в унисон с Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности, имела связи с Национальной ассоциацией промышленности. Члены легиона управляли или контролировали собственность в 37 млрд. долл. Они были связаны с такими монополистическими группами, как «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн», «Дженерал моторс корпо-

рейшн», «Стандард ойл», «Чейз Нейшнл бэнк», «Гудийр тайр энд раббер компани», «Вестингауз электрик», «Мьютнюэл лайф иншуренс компани», «Америкен телефон энд телеграф корпорейшн».

Справедливо подчеркивалось также, что под видом патриотизма подрывается Билль о правах, в частности право народа «мирно собираться и обращаться к правительству с петициями о прекращении злоупотреблений», «неприкосновенность личности, жилища, личных бумаг и имущества»⁶⁴.

Облыжные «угрозы» создавали соответствующий им психологический климат. Запуганный читатель настраивался против ложных врагов и отвлекался от истинной угрозы в лице фашизма. Согласно опросу журнала «Форчун» (1940 г.), около 40% американцев требовали запрещения выступлений в печати «красных и радикалов», 13,4% — всех иностранцев и союзников.

Большой бизнес вторгался в печать, что привело к широкому производству и распространению множества синдицированных и стандартизированных материалов. «Угрозы» распространились в десятках миллионов экземпляров. Даже сами американцы признавали, что они превратились в «нацию заголовков, проглатываемых вместе с утренним кофе», которые постоянно кого-то осуждают или обвиняют.

Монополистический капитал стал проявлять интерес и к зарубежной пропаганде США, как одному из средств в распространении тезиса о «мировом могуществе США». В созданных к 1940 году специальных службах (Управление по координации коммерческой и культурной деятельности, Служба координации информации) «культурная деятельность» сопрягалась с «коммерческой». Американские монополии получали своеобразную пропагандистскую защиту на международных рынках от имени правящей администрации.

Поиски форм пропагандистского вторжения монополистического капитала США за рубеж были отмечены примечательным фактом — намерением организовать пропаганду от имени правительственной организации. Наряду с усиленной обработкой населения своей страны начинался процесс формирования лозунгов — «Америка — земля свободы и демократии», «Америка не потерпит поражений», специально предназначенных для формирования пропагандистского «образа» США за рубежом.

Итак, испытывая страх перед новым общественным строем, борьбой трудящихся, ростом их политической активности, крушением принципов капитализма, казавшихся незыблемыми, буржуазные идеологи обращаются к обновлению своего арсенала. Особенно остро внутри капиталистического общества ставится вопрос об управлении поведением масс. В первую очередь на повестку дня выдвигалась проблема обоснования манипулятивных приемов, расширение пропаганды индивидуализма и «узаконивание» методов обработки.

Многие американские исследователи и практики старались прикрыть манипулятивные методы авторитетом науки, для чего использовались некоторые выводы буржуазной философии и психологии. Примечательно, что если первоначально манипулирование связывали с управлением поведением людей на основе социально-политической информации, то в дальнейшем, на практике, стало применяться откровенное манипулирование. В капиталистическом обществе, где человек ограничен в своих надеждах выйти из уготованной ему роли послушного исполнителя воли меньшинства, постоянно возникала потребность в формировании иллюзий, частнособственнического культа, во всем том, что порождает конформизм. При выборе средств управления поведением людей буржуазные пропагандисты отказывались от конкретного социально-политического анализа, что в конечном счете привело их к постоянно действующей установке — скрывать от людей действительный характер событий. Они старались вести атаку на сознание людей с помощью психологических трюков.

Накануне второй мировой войны вырисовывались основные контуры манипулирования как системы психологических и технических приемов по управлению поведением, чтобы направить действия людей по пути, противоположному их объективным интересам. В процессе обострения конфликтов внутри капиталистического общества в эту систему включается откровенное искажение действительности.

ТУПИКИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЛЛЮЗИЙ

Несмотря на сотни миллионов долларов, истраченных на пропаганду внутри страны и за рубежом, барьер «угроз коммунизма» не сдержал роста симпатий американцев к Советскому Союзу. Победа советского народа в Великой Отечественной войне прорвала кордоны фальсификаций.

На мирный вызов Советского Союза после войны империализм ответил «психологической войной», доктринами «сдерживания» и «отбрасывания» коммунизма. А манипуляции нанизываются на новые трактовки прагматизма, где точность, истинность информации приносятся в жертву.

«Психологическая война» и разгул маккартизма нанесли ущерб моральному и психологическому состоянию американского общества. Буржуазные политики, идеологи, пропагандисты оказались сами в ловушке, создав широкий простор для деятельности правых сил.

ФАЛЬШИВЫЕ УЛОВКИ

В годы второй мировой войны среди американского народа наперекор мифу о «красной опасности» крепили симпатии к советским людям, сражавшимся против фашизма. Многие искренне рассматривали Советский Союз как союзника в борьбе против общей опасности. И нередко в печати того времени можно найти образ Советского Союза как храброго союзника; часто публиковались доброжелательные высказывания о советских людях, их мужестве на полях войны.

Вместе с тем реакционные круги не прекращали запугивания народа своей страны «красной опасностью». В конце 1941 — начале 1942 года нацистская пропаганда использовала в своих целях статьи херстовского издания «Космополитэн», авторы которых «предостерегали Америку от далеко идущей большевистской опасности». Сказывалось и разрушительное воздействие манипулятивной пропаганды. Американцы в своей массе располагали поверхностными знаниями о советском союзнике. Согласно опросам, четыре американца из десяти не знали, какой тип правительства существует в СССР. Только один из десяти обнаруживал хорошую информированность о Советском Союзе¹.

Государственно-монополистический капитал и правящие круги рассчитывали расширить в результате победы над гитлеровской Германией сферы приложения американских капиталов за границей. Об этом свидетельствует поиск различных форм пропагандистской деятельности США за рубежом как важного элемента в достижении намеченных целей.

В 1942 году формируется Управление военной информации (ОВИ) с задачей координировать информационную деятельность за границей на правительственном уровне. Сотрудники управления готовили листовки, радиопередачи, издавали газеты, распространяемые во Франции, Норвегии, Испании и Ирландии.

В штатах ОВИ работало 13 тыс. человек. Его бюджет составлял 70 млн. долл. в год. Специальным решением президента 13 июля 1942 г. было выделено 5,4 млн. долл. на строительство 19 передатчиков для иновещания по каналам радиостанции «Голос Америки».

ОВИ соединило методы военной и пропагандистской организации. В его задачи входило подрывать моральное состояние населения во вражеских странах, распространять информацию и другие материалы, направленные на оккупированные врагом территории, вселять надежду на освобождение и стимулировать сопротивление, содействовать в союзнических государствах лучшему пониманию Соединенных Штатов и моральному состоянию союзников².

Методы действий ОВИ были созвучны рекомендациям, высказанным американскими идеологами до начала войны. Еще в 1937 году Институт анализа пропаганды давал прагматическую формулировку: «Пропаганда — это выражение мнения или действия отдельных лиц или

групп, сознательно рассчитанных на то, чтобы оказывать влияние на мнение и действия других лиц или групп в соответствии с заранее определенными целями»³. Пропагандистам рекомендовалось осуществлять свою деятельность под правительственным контролем и иметь четкую «стратегию убеждения», когда основным упор делался бы на стимулирование эмоций, чтобы вызвать положительный ответ.

Сотрудники ОВИ использовали материалы американской печати, а также слухи и «специально отобранные факты», обращались как к «белой», так и «черной» пропаганде. «Белая» пропаганда предполагала указание и ссылки на источники, на определенные факты, дабы содействовать «лучшему пониманию США», «черная» — оперировала слухами, фальшивыми фактами, без указания источника.

Вскоре, чтобы официально не связывать правительство США с «черной» пропагандой, принимается решение о создании Управления стратегической службы (ОСС). Американские авторы считали его предшественником ЦРУ⁴. За ОВИ было оставлено ведение «белой» пропаганды.

В период второй мировой войны Соединенные Штаты с помощью частного капитала опробуют первые варианты своей внешнеполитической пропаганды, направленной на Латинскую Америку, в район, представляющий интерес для приложения американских капиталов. В 1940 году появилось Управление по координации меж-американских дел, во главе которого был поставлен миллиардер Н. Рокфеллер. Управление действовало до 1945 года и только из правительственных источников израсходовало 140 млн. долл. Кроме того, на средства семьи Рокфеллеров было начато иновещание на Латинскую Америку.

Довольно большой по тому времени штат управления (1200 человек) готовил передовые статьи, информацию, фотографии, культурные программы, рекламу для газет и радиостанций Латинской Америки. Управление организовало также печатание журнала «Ридерс дайджест» на испанском и португальском языках в ряде латиноамериканских стран.

Особое внимание уделялось работе с редакторами местных газет. Для них организовывались поездки в США, их дети получали стипендии для учебы в американских школах и вузах.

Рокфеллер не забывал и о своих экономических интересах. Реклама его компаний и других частных американских фирм, поступающая в страны Латинской Америки, не облагалась налогами, так что расходы на пропаганду давали солидные прибыли. Почувствовав вкус к вложению капиталов в область внешнеполитической пропаганды, представители монополий не могли допустить, чтобы только Рокфеллер пожинал плоды сотрудничества с внешнеполитическим аппаратом. Стали раздаваться голоса представителей делового мира о необходимости создания специальной правительственной службы внешнеполитической пропаганды, которая тоже широко использовала бы возможности частного сектора США.

После окончания войны, в августе 1945 года, указом президента Трумэна ОВИ было расформировано. «Сущность нынешних международных отношений, — говорил в то время американский президент, — делает для Соединенных Штатов необходимым проводить информационную деятельность за рубежом как интегральную часть наших внешнеполитических отношений».

На основе ОВИ при государственном департаменте создается Временная служба международной информации как «переходная организация и основа для будущей реорганизации». В январе 1946 года в системе государственного департаamenta возникло Управление международной информации и культуры. Бывшим сотрудникам ОВИ совместно с представителями армии и гражданских лиц было поручено разработать план «психологических мероприятий» на случай войны⁵.

Что же скрывалось за этими реорганизациями?

Речь шла о новой экономической и политической стратегии. Боясь роста освободительных идей в результате победы над фашизмом, возросшего авторитета Советского Союза, правящие круги США вновь обращались к лозунгу частного предпринимательства, выстраивая вокруг него защитные барьеры и разрабатывая на этой основе свою стратегическую линию сдерживания Советского Союза и других стран, избравших путь социалистического развития.

Реорганизации подводили базу под тот политический поворот в политике, который совершался в 1948 году. В марте этого года в Фултоне, штат Миссури, на родине тогдашнего президента США Трумэна и в его присутствии, У. Черчилль как «частное лицо» произнес речь, насыщенную положениями, получившими полное

одобрение правящих кругов США. «Частное лицо» провозгласило величие и «мировое могущество» Соединенных Штатов. Хорошо, что атомная бомба находится в руках США, теперь есть кому защищать мир, «великие принципы свободы прав человека» от «агрессивного духа сильных наций».

Черчилль выдвинул план создания широкой ассоциации Британской империи и Соединенных Штатов, имея в виду не только политический союз, но и военное сотрудничество. На европейском континенте, от Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике, опускался «железный занавес».

Спустя год сам президент Трумэн в своем выступлении в Техасе⁶ произнес речь, наполненную схожими мотивами.

Трумэн начал с тезиса о мировом господстве США. «Мы, — сказал он, — гигант мировой экономики. Нравится вам или нет, будущее состояние экономических связей зависит от нас. Мир ожидает увидеть, что мы сделаем. Выбор за нами».

Естественно, как всегда, претензии США к мировому господству облекались призывами к свободе совести, свободе слова и свободе предпринимательства.

Свобода предпринимательства ценилась превыше всего. Она, по словам Трумэна, предполагает, что «важные решения принимаются не правительством, а частными покупателями и продавцами при условии активного соперничества и при защите их собственности». Покупатели и продавцы совершают свои сделки в любое время и в любом месте, под любые гарантии, которые они изберут, полагаясь на цены рынка. Правительство может ввести тарифы, но оно не диктует объем торговли, ресурсы импорта или экспорта. Индивидуальные сделки — дело частного выбора.

«Свобода» частного предпринимательства получала манипулятивную окраску. Власть монополий и картелей маскировалась «равными возможностями» для частного предпринимательства. Рассуждения о том, что бизнес может совершать свои сделки в любом месте и в любое время, под любые гарантии имели чисто пропагандистское значение для привлечения частного капитала политической стратегии США, направленной на установление американского контроля над ослабленной Европой, проникновение в другие части мира.

«Свободное предпринимательство» охватывало не

только товары и капитал, но и информацию. И поэтому «свобода слова» выступала как дополнение к экономической и политической экспансии США.

Резкий политический поворот правящих кругов США сопровождался серией репрессий в самих Соединенных Штатах. По приказу президента Трумэна более 2 млн. американцев прошли проверку лояльности. По закону Тафта — Хартли предприниматели получали право обращаться в суд и добиваться его постановления для подавления забастовок. Профсоюзы не могли собрать и расходовать средства на политические цели.

Возникали трудности и иного характера. В американской аудитории существовали сильные настроения в пользу советского народа, его мужества в войне против фашизма, в пользу идей послевоенного сотрудничества США и СССР. Обойти и подавить их было не просто. И потребовалось немало ухищрений, чтобы запугать и обмануть американскую аудиторию, внедрить в сознание людей идеи «сдерживания» коммунизма.

Пропагандистское ее оформление многие авторы американской политической литературы связывают с именем Джорджа Кеннана; хотя очевидно, что такие вопросы не удел одного человека в централизованной внешнеполитической машине США. Сам Кеннан представлял дело таким образом, что конкретное воплощение доктрины «сдерживания» не отвечало его предположениям, особенно в отношении резкого тона и упора на военные аспекты. Так, ознакомившись с проектом доктрины Трумэна в марте 1947 года, он якобы «решительно возражал против ее тона и предлагал несколько сократить объемы военной помощи»⁷.

От рекомендаций до их реального воплощения — дистанция огромного размера. Но безусловен также факт, что доктрина Трумэна, план Маршалла, создание НАТО логически основывались на общих рекомендациях, которые исходили из того, что Советский Союз выйдет из второй мировой войны экономически и морально истощенным и Соединенным Штатам удастся навязать свою волю и вмешаться в дела стран Восточной Европы.

Имя Кеннана выбиралось не случайно. Его рекомендации, направленные из Москвы, где он работал в качестве советника американского посольства, отвечали целям правящих кругов. Они были высказаны в его работах «Россия спустя семь лет» (1944 г.), «Междуна-

родное положение России накануне окончания войны с Германией» (май 1945 г.), «США и Россия» (1946 г.).

Отвечая на вопросы правительства США, изменилась ли политика России, намеревается ли Россия «коммунизировать» другие страны, предлагает ли Россия сотрудничество Соединенным Штатам, Кеннан давал нужные правительству ответы в духе «угрозы коммунизма». Странными в устах специалиста по Советскому Союзу звучали утверждения о том, что в Кремле «никогда не отбрасывали веру в программу территориальной и политической экспансии». На смену «надежному, трудному и мирному сосуществованию США с Советским Союзом» Кеннан предлагал пересмотр политики в сторону развязывания «холодной войны».

В работе Кеннана «Международное положение России накануне окончания войны с Германией» четко проводится линия на использование огромных людских и материальных потерь Советского Союза во время войны для навязывания ему угодных Соединенным Штатам решений по послевоенному устройству Европы. Россия, утверждалось в этом документе, не сможет обойтись без материальной и моральной помощи Запада. И потому Запад должен проявить «политическую и экономическую суровость в отношениях к Советскому Союзу».

Итак, были готовы рекомендации для правящих кругов Вашингтона. Дело было за небольшим. Обработать в нужном направлении политические и общественные круги, создать обстановку для поворота во внешней политике Соединенных Штатов. Выбирались целевые аудитории, в первую очередь военные круги и чиновники правительственного аппарата. Затем — более широкие аудитории — преподаватели, ученые и, наконец, средства информации.

В 1946 году создается национальный военный колледж, куда Кеннан был переведен в качестве преподавателя. В стенах колледжа слушатели (от подполковников до бригадных генералов) изучали военно-политические проблемы. Тогдашний министр обороны Форрестол, а также чиновники Белого дома, генералы и сенаторы присутствовали на лекциях Кеннана.

В своих лекциях Кеннан говорил об идеях, изложенных в материалах, присланных из Москвы: о «железном занавесе», «нежелании русских сотрудничать с Западом», об «усилении силы нации», о «создании ядерных сил возмездия», способных нанести удар по райо-

нам, «далеко расположенным от США», а также о «создании небольших подвижных сил» — корпуса морской пехоты⁸.

По просьбе госдепартамента Кеннан совершает лекционные поездки по стране — Средний Запад, Западное побережье США, академия ВМС, Йельский и Принстонский университеты.

В апреле 1947 года Кеннана переводят руководителем во вновь созданную группу планирования политики при госдепартаменте, которой была поручена разработка рекомендаций политики США в отношении Советского Союза. Выводы группы не отличались изобретательностью. «Угроза коммунизма» была использована для обоснования вмешательства США во внутренние дела европейских стран, экономического закабаления ослабленных войной стран Центральной и Западной Европы. «США, — признавал Кеннан, — хотели получить гарантии ослабления идей коммунизма», гарантии того, что «американские деньги идут на цели, ради которых они выделены». Если народы Западной Европы отклонят предложенную американскую помощь на американских условиях, это «будет равносильно согласию на русское господство» и тому, что «доктрина Трумэна» — это «незаполненный чек предоставления экономической и военной помощи любому району, где есть малейший признак успеха коммунизма...»⁹.

В 1947 году в журнале «Форин афферс» (в номере за июль — сент.) появилась статья «Истоки советской политики». Позднее стало известно, что за подписью Х скрывался Дж. Кеннан. Примечательно, что статья вышла после официального провозглашения доктрины Трумэна (12 марта 1947 г.) и плана Маршалла (5 июля 1947 г.) и, как выяснилось позднее, предназначалась для пропагандистского обоснования жесткого курса США в отношении Советского Союза.

В статье была изложена рекомендация для правительства политики «длительного, терпеливого, но твердого и бдительного сдерживания» в отношении Советского Союза. Дабы развеять добрые отношения американцев к советскому народу, автор писал о «природном антагонизме между капитализмом и социализмом», строя на этом свои утверждения об «угрозе коммунизма»: «Расширение политического влияния Кремля» в Западной Европе угрожает безопасности США. Отсюда и необходимость «сильного сдерживания».

Мемуары Кеннана проливают свет на то, как создавалась статья, подписанная X, и как она появилась в американской печати.

В 1946 году министр обороны Форрестол направил Кеннану статью «Марксизм и Советское государство». Спустя некоторое время Кеннан со своими замечаниями возвратил статью.

31 января 1947 г. Кеннан в адрес Форрестола направил подготовленный им материал «О сущности советского господства и о политике США», в котором был введен и обоснован термин «сдерживания».

17 февраля 1947 г. Форрестол сообщил, что материал сделан отменно и направлен им лично государственному секретарю.

Основные положения этого материала Кеннан высказал на Совете по иностранным делам.

Редактор журнала «Форин афферс» просит Кеннана изложить сказанное в статье для его издания.

Кеннан обращается за разрешением к Форрестолу, и тот одобряет его выступление.

13 марта 1947 г. специальная группа госдепартамента по вопросам «неофициальных публикаций» разрешает выступление Кеннана в журнале, полагая, что в нем «нет ничего угрожающего для точки зрения правительства».

Статья после ее опубликования сразу же стала предметом особого внимания буржуазной печати. Журналы «Лайф» и «Ридерс дайджест» перепечатали ее полностью. Отдельные разделы появились на страницах газеты «Нью-Йорк таймс» в комментариях А. Крока, который, как выяснилось позднее, был ознакомлен с ней Форрестолом, когда «она еще носила частный характер»¹⁰.

Таким образом, в статье за подписью X речь шла главным образом о двух направлениях политики Соединенных Штатов: оправдание силы и постоянное проведение идеологических диверсий против Советского Союза. Каждое из них нашло свое выражение в «холодной войне» и в так называемой «психологической войне» против коммунизма, развязанной Соединенными Штатами сразу же после окончания второй мировой войны.

Статья Кеннана на страницах «Форин афферс» была воспринята как изложение официальной точки зрения Вашингтона. По словам Липпмана, это выступление «вы-

ражало мнение государственного департамента». Концепция Кеннана, отмечал профессор международных отношений Д. Флеминг, нашла одобрение высших чинов Вашингтона и была ответом на вопрос, что делать в отношении Советского Союза.

Судьба самого Кеннана во многом сходна с ролью Липпмана в системе буржуазной пропаганды. Сделав карьеру на разработке доктрин «сдерживания коммунизма», он немало положил труда в ее защиту. Однако его рекомендации не выдержали испытания временем. И некогда твердый защитник внешнеполитического курса США стал менять свои взгляды. Позднее он признает, что американское правительство «блуждает по лабиринту игнорирования ошибок и конъюнктуры, в которых правда перемешается фикциями.., в которых неоправданные предположения достигают законной установки...». Агрессия США во Вьетнаме, по его словам, — это «прискорбное равновесие в американской политике»¹¹.

Отход Кеннана от открытых призывов к политике «с позиции силы» не означает, что он отказался от принципов и стратегических целей империалистической политики. Его более осторожные и сбалансированные высказывания широко публикуются на страницах буржуазной печати. «Советолог», который пересмотрел частично свои прежние взгляды, не столь частое явление в общественно-политической жизни Америки. Он располагает к себе читающую публику, которая под видом критики может «проглотить» и определенную долю антикоммунизма, но уже в сбалансированном виде.

В 40-х годах пропагандистская обработка «идей» Кеннана проходила на фоне антикоммунистической истерии в печати США.

Премия Пулитцера за 1947 год была вручена Фредерику Уолтмену за репортажи в «Нью-Йорк уорлд-телеграм», разоблачающие «просачивания коммунизма в Соединенные Штаты».

Журнал «Лук» 3 августа 1947 г. помещает статью «Могут ли красные захватить Детройт». В ней не было ни одного достоверного факта. Но главный вывод — «коммунисты точат серп, чтобы вонзить его в индустриальное сердце Америки» — должен был привести в трепет американцев.

Пропаганда доктрины «сдерживания коммунизма» сопрягается по времени с обработкой другого порядка. В период избирательной кампании 1948 года против чи-

новника госдепартамента Элджера Хиса выдвигается обвинение в причастности в 1934—1938 годах к Коммунистической партии США. Сторонники политики «с позиции силы» ухватились за это, рассчитывая похоронить последствия «нового курса» Ф. Рузвельта, с которым связывалось сотрудничество советского и американского народов в борьбе против фашизма. Не случайно, давая характеристику Хису, американская печать подчеркивала его связь «с новым курсом», хотя и признавала, что он находился в администрации Рузвельта на вторых ролях.

Дело Хиса слушалось на заседаниях Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности при активном участии начинающего политического деятеля из Южной Калифорнии Ричарда Никсона. В книге «Шесть кризисов» Р. Никсон рассматривал свое участие в деле Хиса не только как возможность дальнейшего продвижения по политической лестнице (через два года Никсон был в сенате, а еще спустя два года — введен на съезде республиканской партии в команду Эйзенхауэра), но и как удар по «либералистам», которые были «не в состоянии сознавать грубую реальность советского тоталитаризма и выработать по отношению к нему собственное отношение».

Империалистическая пропаганда наносила удар по «новому курсу» и разжигала кампанию по созданию иллюзий «коммунистического заговора» в Америке и за рубежом. Оценка Никсоном дела Хиса показывала, что правящие круги США больше всего опасались доброжелательных отношений американского народа к Советскому Союзу.

Многочисленные заявления об опасности «коммунистического заговора» внутри Америки подкреплялись серией репрессий. Вслед за осуждением Хиса началась охота на неблагонадежных. Иностранцы, обвиненные в коммунистической деятельности, высылаются за пределы США. Предпринимателям запрещалось предоставлять места членам Компартии США на предприятиях, работающих на оборону, на случай войны все коммунисты подлежали аресту.

Провозглашение доктрины «сдерживания» и раздувание «угрозы коммунизма», террор и запугивание в отношении тех, кто выступал за мирное сосуществование с Советским Союзом, не случайно совпадали по времени.

Доктрина «сдерживания», построенная на фальшивой «угрозе коммунизма», потребовала от американских авторов обратиться к взаимодействию средств информации с политическими усилиями США. Судя по работам конца 40 — начала 50-х годов, их волновали вопросы: какими методами удержать в повиновении массы людей, как внедрить тезис о мировом господстве США и создать преграды на пути к правдивой информации о Советском Союзе, его внутренней и внешней политике?

В работах американских идеологов, относящихся к послевоенному периоду, заметно было стремление несколько модернизировать старые идеи Джеймса о полезности. Проповедь индивидуализма на базе прагматизма имела своей посылкой объединить людей на принципах частной собственности, подчинить их помыслы духу капиталистической конкурентности. Выделение человека как личности имело одно проявление — полезности, действия на благо частному предпринимательству. И уже это предопределяло манипулирование.

Комментаторы прагматизма порой откровенно выражали свои мысли и цели, особенно в выступлениях перед американской аудиторией. Профессор философии Гарвардского университета Р. Перри прочел в Мичиганском университете (нояб. — дек. 1943 г.) пять лекций, которые позднее были изданы отдельной книгой под названием «Типичный американец».

Что же извлекалось из ее «теоретического» арсенала?

В первую очередь «американский индивидуализм» как основа основ «коллективного» индивидуализма, который «не изолирует, а кооперирует людей».

На каких же принципах?

На «вере в успех не только человека, но и нации». Речь шла о том, чтобы «спаять» американское общество на базе частного предпринимательства, с тем чтобы индивидуальное выступало как «фундаментальная вера или бессознательное предпочтение». Последнее предполагало применение различных стимулов для вызова соответствующих реакций. Такими методами окружалось, в частности, понятие «американской демократии». Ей придавали «эмоциональное значение», освобождали от различных пороков. Но для этого вначале выбрасывался лозунг «спасения демократии, свободы, равенства, прав народа», а потом она («демократия») окружалась

шовинистическими призывами: «такой организации никогда не существовало в человеческой истории»¹².

Как же быть с пороками американского общества?

Одни устранялись просто. Слово «свобода» выводилось из «приятного прошлого», то есть из традиций американской революции и соединения их с монополистической Америкой. Затем «свобода» экспонировалась на собственный опыт человека, когда «общий культ свободы состоит из чистого бланка чековой книжки. И каждый человек заполняет ее самостоятельно, в зависимости от тех условий, которые контролируют его чувства в каждом конкретном случае»¹³.

А как быть человеку, у которого нет чековой книжки?

Ему предлагали воспитать в себе чувство обладания таковой. Между тем ясно, что частная собственность — это не акт свободы, так как факт наличия частной собственности у того или иного лица — сам по себе явление случайное.

Другой вопрос — рабство.

Как его соединить со «свободой»?

Рабство, оказывается, было «установлено не с помощью общественных институтов, а частным путем». Если бы было все так примитивно и рабство не имело своих корней в американском обществе, оно не стало бы национальной проблемой.

Как же излечить этот недуг?

«Подавить свободу рабовладения со стороны правительства». Следовательно, свобода все-таки подавляется. Не тут-то было. Находится выход. «Южные рабовладельцы стали адвокатами свободы штатов, дабы они могли воспротивиться предоставлению свободы их рабам». Получалась «свобода» со многими значениями «выгоды» и «полезности».

Как быть с другими проблемами Америки?

Рабочий зависит от владельца капитала. «Непривилегированные слои» ощущают подавленность бедностью, неплатежеспособностью, невозможностью подняться «выше тех социальных условий, в которых они родились». Мелкий бизнесмен испытывает гнет большего бизнеса, а политические партии — «гнет монополистического контроля».

Обозначив проблемы, можно перейти к увещанию. Недовольные могут «от имени свободы обращаться к правительству, даже освободиться от гнета или смягчить его».

А каким путем?

Разрешить от «имени частного предпринимательства делать бизнес для самого себя»¹⁴. Короче говоря, правительство дает народу новую иллюзию, которая снова порождает все новые и новые пороки.

Изложение методов спасения «американской демократии» было предельно откровенным. Щепетильность отбрасывалась. Средства информации должны распространять возбуждающие призывы. Рекламные агентства внедряют клише, создавая единообразие жизни. Американская литература (бестселлеры) формирует «популярное единообразие, измеряемое успехом и прибылью». Оправданы вестерны, комиксы, «мыльные оперы». В частности, вестерны с их возбуждением и порывом, скачками, автомобильными гонками, безнравственными злодеями и стопроцентными героями, оказывается, не так уж и плохи. Они дают «серьезную интерпретацию жизни», так как их дела сопряжены с «идеей добра и веры в силы человека добиться успеха путем изобретательных усилий индивидов»¹⁵. Все это воспитывало дух частного предпринимательства, скрытого под термином «коллективный индивидуализм», было взято под защиту «американской свободы».

Возникла только незначительная трудность: очистить самого родоначальника прагматизма от духа торгашества, представить Джеймса как человека «прогрессивных» взглядов, придать его «философии действия» привлекательный вид, утвердить его в роли отца прагматизма.

Для этого говорилось, что, когда Джеймсу было 27 лет, он в одном из писем своим родителям так описал знакомство с несколькими номерами бостонской газеты «Уикли транскриптс»: «Я никогда не мог поверить, что тон бостонской газеты покажется мне таким необычным. Это был визг веселья, удивления и удовлетворенности. Я ушел спать уставшим от патриотизма. Шумливый, животный юмор, фамильярность, опрометчивая энергия, самолюбование, беспринципный оптимизм, бессодержательная эстетика, интеллектуальное слабоумие...».

Спустя 15 лет тот же Джеймс писал об Америке: «Мы имеем крепкую страну. И я думаю, что растут наши неотъемлемые ценности. Они никогда не исчезнут. Мы только испытываем недостаток глупого местного темперамента и силы, когда сидим за кружкой пива

без возможности сказать, в конце концов, о чем же мы думаем»¹⁶.

Можно ли согласиться с выводом о том, что приведенные высказывания свидетельствуют об «эволюции» взглядов Джеймса в отношении Америки? Судя по идеям прагматизма — нет. Джеймс подвел под те пороки, которые он заметил еще в молодости, философскую базу. Его полезности практически разжигали все пороки, воспитанные капитализмом.

Те же мотивы полезности звучали в рекомендациях практиков американской пропаганды, которые оправдывали нелогические и эффективные обращения к аудитории, где фактически точность или логическая адекватность не играли никакой роли. Истинность пропагандистского тезиса измерялась не степенью точности освещения событий, полнотой его отражения, а полезностью. Средства информации наполнялись взглядами, которые рассматривались как «ненаучные или сомнительные», «вредные, несправедливые, нужные или ненужные», с конечной целью оказать влияние на человеческую личность и направить поступки людей на достижение определенных целей. Чтобы «уменьшить возможности поражения США», защитить страну от антагонистических доктрин и идей, постоянно организовывались фронтальные атаки под фальшивыми лозунгами «угроз».

Информация соединялась с фактами, с мнениями, чтобы пробуждать нужный ответ. «Подавая новость, редактор как бы говорил читателю, какую позицию ему следует занять. Представление фактов осуществлялось в интересах поддержки мнения, чтобы создать последовательное впечатление»¹⁷.

Откровенно были изложены и другие рекомендации в части техники идеологической обработки — распространить информацию «часто повторяющуюся с предупреждениями или фальшивыми уловками для преднамеренных целей оказания влияния на отношения общественности и вытекающих отсюда действий»¹⁸.

В американские работы периода 40-х годов по вопросам пропаганды вошла и тройственная схема Фрейда. На ее основе средства информации призваны были воздействовать на человека с помощью символов, которые «признаются всеми и которые пригодны для полного или частичного равенства личности»¹⁹. Построенные таким образом символы не раскрывали внешний мир да

и не могли этого сделать. Я — выступало как нечто самостоятельное, переходящее в бессознательную сущность — «оно». Символы, сформированные на абстрактных, эмоционально окрашенных понятиях, должны были объединить «друзей, соседей, рабочих, представителей различных национальностей», то есть обойти их классовые отношения, опираясь на раздувание «бессознательных элементов», например страстей, инстинктов, пороков, воспитанных капиталистическим обществом. Цель та же — усиливать стимулы, подходящие для вызова ответных положительных реакций и сводящие до минимума нежелательные реакции.

Наделение средств информации функциями регулирования поведением с помощью символов, построенных по фрейдовской схеме, предопределяло и отказ от понятия пропаганды. Утверждалось, что «свободному обществу» пропаганда навязана извне и сопряжена с такими явлениями, как «насилие, бойкот, подкуп», что якобы не свойственно американской действительности. Пороки капитализма маскировались, буржуазной печати оставалось путем «регулирования общественным мнением» «приспособиться к окружающему». С оговоркой, что она должна обеспечить социальный контроль.

Из фрейдовской схемы была взята «структура» личности, дабы обосновать важность средств информации в установлении социального и политического контроля. Вместе с тем изыскивались средства управления поведением людей. Поэтому аудитория, объект воздействия, представлялась не просто целью, обстреливаемой символами. Изыскивались возможности установить контакт между средствами информации и аудиторией. Лассуэлом была предложена схема: кто сказал, что сказал, по какому каналу, кому и с каким эффектом²⁰. Несмотря на внешнюю привлекательность, в ней отсутствовала образная связь, а качество информации идей растворялось в прагматической трактовке эффекта. Вопрос «кто сказал» не имел в виду классовую принадлежность. Оправдывалась любая идея — лишь бы она давала нужный эффект. «Кому» — вопрос имел пассивный характер, так как сюда относились лица, которые только «читают, видят, слышат, рассматривают». Отдельные элементы схемы не отражали всего многообразия процесса связи журналиста с аудиторией. Даже сами американские специалисты рассматривали ее как слишком простую и имеющую ограниченный характер.

Схема включала определенную игру словами, которые должны способствовать пробуждению определенных образов. Слово представлялось как замкнутое, независимое от социальной ситуации понятие. Все трудности сводились к «отсутствию единых терминов». Истинность слова и символов определялись только «контекстом, в котором они употреблялись», и «частотой восприятия аудиторией». Поэтому, например, следуя этой логике, такие стандарты буржуазной пропаганды, как антикоммунизм, антисоциализм, с соответствующими искажениями, характеристиками были оправданным явлением. Такие символы, которые определяли значение передаваемых слов и образов, группировались в «политические мифы». Последние выступали в качестве инструмента, который «узаконивает действия на политической арене» и становится критерием справедливости действия²¹.

Итак, ранее созданные, порой стихийно, методы манипулирования получали «научное» подкрепление. Игра на эмоциях, раздувание страха, различного рода привлечение облекались в сложные, но противоречивые и демагогические рассуждения. Но практика срывала покрывало «научности», обнажала разрушительные методы обработки.

НЕНАВИСТЬ И ПОДОЗРЕНИЕ

К концу второй мировой войны были готовы элементы доктрины «сдерживания коммунизма», «научно» подкреплены фальшивые уловки, рассчитанные на массовую обработку аудитории. И все они были запущены в ход в период так называемой «психологической войны».

В Соединенных Штатах этот термин стал фигурировать в политической литературе и средствах информации с 1941 года, после выхода книги сотрудника разведки и специалиста в области пропаганды Л. Фарага «Немецкая психологическая война». В конце второй мировой войны термин вошел в словарь Вебстера: «Психологическая война — это использование пропаганды или других психологических средств для оказания влияния или затуманивания сознания, в подрыве морали противника или оппонента»²².

В арсенал обработки включались разрушительные средства, выходящие за рамки сопоставления идей, при-

украшивания образа и политики США. К ним относились клевета, ложь, искажение фактов, применение психотропных препаратов, техника допросов и т. п. Пентагоновцы и специалисты подрывных операций довольно быстро постарались методы «психологической войны» поставить на службу «национальных целей США», то есть на достижение мирового господства. В определении «психологической войны», данном в материалах Пентагона, звучали именно такие мотивы: «психологическая война» — это «запланированное использование средств пропаганды и проведение других мероприятий, чтобы оказать влияние на формирование у противника, а также у нейтральных или дружественных групп мнений, эмоций, отношения и поведения, которые содействуют достижению национальных целей»²³.

Формулировка делала понятным обращение ряда авторов США к практике фашистской пропаганды: одни видели в ней опасность, другие обращались с расчетом найти инструменты оболванивания людей. Американский специалист по вопросам пропаганды Т. Чайлдс в конце 30-х годов посетил Германию. Свои наблюдения и размышления он выразил в вопросах: должны ли официальные лица в США предпринять действия, чтобы объявить вне закона фашистскую пропаганду? Если допустить подобную практику, не создаст ли это опасности для самих США?

Далеко не все считали фашистскую пропаганду незаконной. Напротив, вначале робко-робко, а затем все откровеннее и чаще цитаты из дневников Геббельса, примеры из фашистской практики «психологической войны» появлялись на страницах некоторых исследований.

В 30-х годах антифашисты, коммунисты предостерегали от недооценки социальной демагогии фашизма, направленной на оболванивание людей. В материалах VII конгресса Коммунистического Интернационала (авг. 1935 г.) указывалось на разрушительное воздействие фашистской пропаганды. Социальная демагогия фашизма, их ложные обещания: рабочему — работы, крестьянину — ликвидации долговой кабалы, молодежи — открытой дороги в будущее, сочетались с физическим уничтожением борцов против фашизма, созданием концентрационных лагерей, превращением стерилизации в политическое средство борьбы. Фашисты не брезговали антикапиталистической демагогией, эксплуатировали ненависть трудящихся к банкам, трестам, финансовым

магнатам, апеллировали к наболевшим нуждам и запросам масс, разжигали предрассудки²⁴.

Некоторые американские специалисты открыто и с опасением писали о разрушительных приемах фашизма, особенно о так называемом правдоподобии, когда ложь выступала в качестве единственного критерия. Ее повторяли под броскими фразами и лозунгами до тех пор, пока не обеспечивалось максимальное усвоение²⁵. Клеветой и ложью фашисты одурачивали массы, превращали их в бездумных роботов, с холодным расчетом вызывали взрыв ярости, сеяли ненависть и подозрения. Доводя чувства аудитории до истерии, они создавали барьер на пути человека к здравому смыслу. Ярость, страх, ненависть, пробуждение слепых предрассудков отгораживали человека от окружающего мира.

В 1948 году в США вышло первое издание книги профессора Вашингтонской школы международных исследований, бывшего консультанта министерства обороны США по вопросам психологической стратегии П. Лайнбарджера «Психологическая война». По словам автора, психология в руках пропагандиста должна «страсти превратить в негодование, личную находчивость — в массовую трусость, трения — в недоверие, предрассудки — в ярость. Психолог достигает этого, обращаясь к подсознательным чувствам человека, которые служат ему исходным материалом»²⁶.

В данном положении нетрудно увидеть определенное заимствование из опыта фашизма. Речь шла о стирании граней двух диаметрально противоположных понятий — лжи и правды. Геббельс под видом правдоподобия отбросил всякие различия между ложью и правдой. «Аргументы» строились по схеме: чем нелепее ложь, тем лучше. Важно, чтобы все эти нелепости потрясали людей, ошарашивали их, чтобы страх возбуждал ярость.

Понятие «психологическая война» трактовалось как соединение всех средств — военных, политических, пропагандистских — во имя достижения мирового господства США. Дабы сохранить и расширить имперские притязания Соединенных Штатов после второй мировой войны, оправдывалась важность применения любых средств и приемов, и книга Лайнбарджера претендовала на «научное» обоснование перенесения методов военного времени на послевоенную практику Соединенных Штатов. Потому-то пропаганда характеризовалась как «содействие осуществлению целей национальной политики

или военных целей». Тем самым оправдывалось применение приемов подавления морального состояния противника, его разложение, отработанные военными кругами США в годы войны, а также в послевоенные годы по отношению к потенциальному противнику. Разжигание страстей, недоверия, трусости, распространение с помощью специальной информации всякого рода слухов, заведомо ложных данных и т. п. вполне устраивали тех, кто помышлял о мировом господстве США.

Говоря о заимствовании разрушительных методов, трудно с уверенностью говорить, кто и что взял первым на вооружение из арсенала «психологической войны». Соединенные Штаты в течение многих десятилетий сталкивались с различными формами расистской идеологии, теорией наследования расовой неполноценности, такими приемами, как распространение слухов, создание вокруг определенных явлений «истерии чувств», когда разжигание страха, гнева, ненависти подрывали традиционные представления о справедливости, морали и вере. Достаточно напомнить реакцию в США на французскую революцию, на Великую Октябрьскую социалистическую революцию, многочисленные примеры «атаки» на человека, минуя разум, за счет игры на чувствах, эмоциях.

И оценивая фашистскую пропаганду, многие американские авторы охотно отдавали ей пальму первенства, пытаясь освободить свою пропаганду от тоталитарных методов, а если и признавали методы манипулирования, то объясняли их необходимостью борьбы, когда хороши любые средства, в том числе и те, которыми пользовался противник. В частности, Управление стратегических служб США во время войны по примеру «нарушителей спокойствия», действующих в аппарате гитлеровской пропаганды, создало собственную службу «агентов по моральным операциям».

Рассматривались и методы «психологических операций», когда при обращении к чувствам людей знания и информация о реальных фактах сознательно искажаются или предусматривается прекращение доступа к соответствующей информации²⁷. Такие методы включались в систему «черной пропаганды». Она признавалась оправданной и допустимой. И мало того, под нее подводились «научные основы», дабы оправдать психологические трюки иррациональностью поведения масс.

В оценки организационных принципов пропаганды

противника наряду с элементами критики и осуждения вкрапливались и некоторые иные мотивы. Л. Дуб в статье «Геббельсовские принципы пропаганды» (на основе дневников бывшего шефа нацистской службы информации) выделял положения о том, что пропаганда должна планироваться одним органом власти. Такой механизм должен выполнять три функции: давать все директивы в области пропаганды, разъяснять их высокопоставленным должностным лицам, поддерживать их моральное состояние на надлежащем уровне и, наконец, наблюдать за пропагандистской деятельностью других органов²⁸.

Применительно к политическим целям США вносились соответствующие коррективы и в канву «психологической войны», начатой после войны против Советского Союза и других стран, народы которых избрали для себя социалистический путь развития.

Задачи внешнеполитической пропаганды США не выходили за рамки главного политического лозунга — их права на мировое господство. Глобальная стратегия претендовала на то, чтобы «завоевать общественное мнение за рубежом», оказывать влияние на людей Уолл-стрита, Пиккадили, бульваров Парижа и Белграда и даже жителей Москвы. В формулировку пропаганды наряду со старым определением (пропаганда — это «метод техники в интересах влияния») вносился новый элемент — необходимость такого толкования фактов и событий, чтобы «заставить людей отказаться от коммунизма... и одобрить курс правительства США»²⁹.

При выполнении данных рекомендаций начинаются поиски организационных форм внешнеполитической пропаганды США. В 1948 году американские сенаторы Смит и Мундт представили в конгресс проект закона, доказывающего необходимость новой правительственной организации, передачу государству функций по созданию «планируемой системы», для «оказания влияния на другие народы». Предлагалось усилить информационную службу по линии правительства, наладить обмен специалистами, учеными, журналистами, создать техническую службу для усиления иновещания. Конгресс быстро одобрил проект. Он получил силу закона и стал известен как «закон 402». Многие буржуазные исследователи склонны рассматривать «закон 402» как выражение стремления правительства США донести до народов мира «правду о Соединенных Штатах» и умалчи-

вают о его направленности как органа «психологической войны».

На первых порах пропагандистские мероприятия носили ярко выраженный военный характер. На случай войны правящие круги хотели иметь единый аппарат «психологической войны». «Закон 402» разрешал правительству использовать частные радиовещательные корпорации. Примечательно, что в 1948 году Совет по вопросам национальной безопасности США на экстренном заседании принял рекомендацию о необходимости наряду с мероприятиями по вооружению предпринять «огромные пропагандистские усилия».

Разработка и принятие «закона 402» последовали вслед за провозглашением доктрины «сдерживания коммунизма», плана Маршалла и других действий, направленных на обострение международной обстановки, в расчете помешать послевоенному мирному устройству в Восточной Европе, Азии и на Дальнем Востоке. Не случайно, представляя свой доклад, сенаторы Смит и Мундт отмечали, что «Европа вновь превратилась в важное поле битвы идеологий... США должны предпринять позитивные и агрессивные шаги, донести деморализованной Европе правдивый рассказ об их идеалах, мотивах и целях».

Реализуя «закон 402», правительство США сформировало управление международной информации (УМИ) и Управление образовательного обмена (УОО). При государственном департаменте для координации внешнеполитической пропаганды был создан аппарат по связям с общественностью во главе со специальным помощником государственного секретаря. Первым шефом этой службы стал В. Бентон, владелец рекламной компании «Бентон энд Боулс».

Функции вновь созданных организаций сводились к двум главным моментам: использование средств информации для пропаганды «американского образа жизни» и политики США за рубежом; привлечение к пропаганде за рубежом различных институтов и научно-исследовательских центров США, фондов для организации обмена журналистами, специалистами, артистами, составление и организация за рубежом библиотек.

Планирование зарубежной пропаганды в целом и отдельных информационных программ возлагалось на специальный орган — Аппарат программ по связям с общественностью за рубежом, при общей координации

всей деятельности со стороны помощника государственного секретаря по связям с общественностью. Из государственного бюджета в 1949 году на зарубежную пропаганду было выделено 31,2 млн. долл., в 1950 году — 47,3 млн. долл.

За рубежом создаются американские представительства — Информационная служба Соединенных Штатов (ЮСИС).

Планы империалистических кругов США на развязывание войны были перечеркнуты достижениями Советского Союза. Ликвидация в 1949 году ядерной монополии США охладила пыл военных кругов. Сообщение об этом потрясло американское общество. Американский народ пичкали прогнозами специалистов о том, что Советский Союз не имеет ни технических, ни промышленных возможностей для овладения тайной атома. Характеризуя сообщение об обладании Советским Союзом ядерным оружием, газета «Нью-Йорк геральд трибюн» в начале 1950 года писала, что «среди большинства американцев растет новый подход к Советскому Союзу, чтобы избежать ужасных перспектив».

Для подавления подобных настроений в ход был пущен испытанный метод. Уже не первый раз каждый сдвиг в общественном мнении Америки в сторону пересмотра агрессивных намерений правящих кругов США в пользу реалистического подхода в оценке международной обстановки, империалистическая пропаганда США встречала вспышкой антикоммунизма.

9 февраля 1950 г. сенатор Джозеф Маккарти начал «крестовый поход». Выступая в Западной Вирджинии, он заявил, что располагает списком 57 сотрудников госдепартамента, которые «лояльно относятся» к Компартии США и, несмотря на это, «помогают сформулировать внешнюю политику США». Позднее эта цифра возросла до 205 человек.

Появление маккартизма — закономерное явление в общественно-политической жизни Америки. Оно было подготовлено деятельностью Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, которая в 1946 году была включена в число постоянных органов палаты представителей. В 1940 году на основе закона Смита министерство юстиции возбудило судебные процессы против 92 руководителей коммунистической партии. Так называемые «малые законы Смита» опутали системой подозрительности многие штаты Америки, а админист-

рация Трумэна в соответствии с ними начала охоту за «красными ведьмами» в правительственном аппарате.

Появление на политической арене США Маккарти совпало по времени с началом в июне 1950 года агрессии США в Корею. Пропаганда «угроз» прикрывала эту политическую авантюру.

Маккартизм практически эксплуатировал страх мелкого буржуа перед ужасами империализма, предрассудки и упаднические настроения средних бизнесменов, сколотивших капиталы в военной обстановке и опасавшихся, что мирные условия грозят им разорением. Запуганный ужасами капитализма, мелкий буржуа глотал обвинения в симпатиях к коммунизму со стороны членов американского правительства, генералов, политических деятелей. Маккарти применял тот же прием, что и члены Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. В своем выступлении 14 июня 1951 г. он обвинил генерала Маршалла в проведении в Корею «политики не победы». «Откровения» буквально потрясали. По Маккарти выходило, что американское руководство отдало Восточную Европу Советской Армии, а Рузвельт объединился со Сталиным и не обращал внимания на распространение коммунизма.

Так создавался климат идеологического террора в американском обществе. В его угаре аппарат госдепартамента очищается от сторонников «нового курса» Рузвельта. Побеждало примитивное политическое мышление, основанное на иллюзорном лозунге: «Страна в опасности. 600 млн. человек ушли из-под влияния капитализма. Только сила, наращивание ядерного вооружения — единственный ответ коммунистам».

Буржуазная печать пестрила «фактами» об атомном шпионаже, о коммунистических заговорах. На любого человека, выступавшего с критикой, наклеивали ярлык «красного». Между средствами информации и «охотниками за ведьмами» установились отношения «взаимопонимания». По образному выражению Ричарда Роувера, американские журналисты откликались на призывы Маккарти, как «подопытные собаки на звук колокола». Кошунством звучали в период маккартизма рассуждения американских пропагандистов о «демократии и прогрессе в Америке», о «новом обществе» и «американской жизни», пронизанных якобы светлыми идеалами свободы и демократии. Привлекательными словами маскировались реакционные цели.

В 1950 году за рубежом Соединенные Штаты начали «кампанию правды». Много говорилось и писалось о необходимости создания «здорового международного сообщества», убежденного в руководящей роли США. А за фасадом трескучих фраз вынашивались пути расширения психологических диверсий, чтобы ослабить волю народов в борьбе против военной угрозы империализма и содействовать повсюду антикоммунистическим силам.

Правящие круги США, запугивая общественность Соединенных Штатов «угрозой коммунизма», требовали «быстрого оснащения машины» пропаганды, ее координации с союзниками. Началась классификация зарубежных стран по стратегическому признаку, избирались мишени и наиболее эффективные средства, отвечающие политике «холодной войны».

Но «кампания правды» с ее лозунгом — «объединение народов мира с США на основе свободы» провалилась. А последующие события нанесли новые удары по международному престижу США. Агрессия США против КНДР вызвала резкое осуждение политики правящих кругов Соединенных Штатов.

Взвинтив антикоммунистический психоз, администрация США значительно увеличила финансовые средства на ведение «психологической войны». К 1951 году расходы на эти цели возросли в 2 раза по сравнению с 1949 годом. За рубежом открываются пункты информационной службы США. Специальный правительственный комитет берет на себя функции координации «психологической войны».

В 1951 году формируется Управление психологической стратегии. Представители Пентагона, госдепартамента, ЦРУ и Комитета по координации психологических операций направили работу всех служб, прямо и косвенно связанных с зарубежной пропагандистской деятельностью. Президент Трумэн, видимо, разделял мнение специалистов отдела исследований операций университета Джонса Гопкинса, которые еще в 1950 году считали, что причины многих трудностей США за рубежом объясняются «недостатками в общей стратегии психологической войны».

Новый президент Эйзенхауэр спустя неделю после своего вступления в должность поручил специальному комитету изучить вопросы «международной информационной деятельности» именно в плане соединения политической стратегии с использованием психологичес-

ких факторов. Члены комитета в представленном докладе писали: «Мы пришли к выводу, что «психологический» аспект политики неотделим от основных аспектов ее деятельности. Он присущ каждой дипломатической, экономической или военной акции. «Психологический» аспект подразумевается в каждом действии, но он не может существовать отдельно от действия»³⁰.

«Психологические операции» включались в каждую акцию правящих кругов Соединенных Штатов по линии зарубежной пропаганды. Но в целях маскировки такие слова, как «психологический», «психологическая война», снимались с названий организаций, ведающих вопросами внешнеполитической пропаганды. Вместо Управления психологической стратегии создается Бюро координации операций. В его работе принимали участие государственный секретарь, заместитель министра обороны, директор администрации зарубежных операций, директор ЦРУ и специальный помощник президента по вопросам «психологической войны». (Позднее, в 1957 г., бюро было передано в состав совета национальной безопасности.)

Предыдущие комитеты, бюро, управления не позволили скоординировать пропагандистские действия за рубежом. Почти все буржуазные исследователи считали, что недостатки лежали не в плоскости качества идеологических ценностей, характера внешней политики, а в организационных сферах, полагая, что ключ к решению проблемы состоит в том, чтобы заставить ведущие правительственные учреждения выступать сообща, осуществляя правительственную политику за рубежом.

Продолжение политики «холодной войны», создание агрессивного блока НАТО, подготовка к провозглашению его собрата в Азии — СЕАТО — все это составляло политическую основу формирования системы правительственной службы зарубежной пропаганды США. То, что комитет международной информации требовал «концентрации усилий всех средств в борьбе против коммунизма», не было откровением. Не было откровением и призыв «представлять народам других стран доказательство, что их собственные устремления к свободе, прогрессу и миру поддерживаются целями и политикой США».

Новое в выводах комитета состояло в предложении создать специальную правительственную службу, которая сконцентрировала бы в своих руках основные ка-

налы и средства зарубежной пропаганды. Не рассчитывая на популярность идей капитализма, авторы доклада, внешне этого не признавая, предлагали более изощренную тактику формирования пропагандистского «образа» США. Не случайно они особое внимание уделили радиостанции «Голос Америки», требуя увеличения объема вещания на Советский Союз и другие социалистические страны, дифференцированного подхода к передачам на эти страны, дабы они носили внешне «беспристрастный характер», рассчитывая на расширение зарубежной аудитории для распространения социально-политической информации, которая зароняла бы в сознание людей идеи «американского образа жизни».

На основании полученных рекомендаций президент Эйзенхауэр 1 августа 1953 г. провозгласил создание Информационного агентства США (ЮСИА). Его задачи сводились к «объяснению народам зарубежных стран политики США, создавая соответствие с законными устремлениями других народов мира... представлению важных аспектов жизни и культуры Соединенных Штатов, которые облегчали бы понимание целей правительства США»³¹.

Таков был фасад. За ним же, как показывала практика, вынашивались иные планы. Имперские амбиции Соединенных Штатов не могли быть реализованы частным путем. Цели определяли и средства. Стремление к мировому господству Соединенных Штатов оформлялось средствами «психологической войны». Пропагандисты из кожи лезли в изобретении фальшивых «фактов» «угрозы коммунизма», окружали «американский образ жизни» трескучими фразами о его «уникальности» и «свободе».

Позднее один из сотрудников ЮСИА признает, что радиостанция агентства «Голос Америки» выдавала недостоверные факты за правду³², то есть заведомо ложным сообщениям придавался вид «правды».

Пытаясь приукрасить политику США, которая в действительности противоречит национальным интересам других стран, ЮСИА оказывалось под огнем критики. Пропагандистское вторжение в другие страны встречало отпор и протест общественного мнения за рубежом. Это выражалось в демонстрациях против подрывных действий представительств и агентств ЮСИА в странах Азии, Африки, Латинской Америки и даже Европы, против наводнения зарубежных рынков «черной» пропагандой,

американской безвкусицей, идеями частного предпринимательства, грубого индивидуализма, фальшивыми «угрозами» коммунизма, противоречащими национальным традициям многих стран.

Буржуазные средства информации только спустя три года, в 1954 году, когда «угрозы» сделали свое дело внутри США, когда удалось протащить политику «с позиции силы», стали критиковать Маккарти и маккартизм. С раздражением стали вспоминать, что «его филиппики против правительства подрывали достоинство и эффективность государственного аппарата», «наносили ущерб Соединенным Штатам во всем мире»³³.

Но мало кто признавал, хотя многие, очевидно, хорошо это понимали, что маккартизм с его грубым манипулированием содействовал пересмотру внешней политики Соединенных Штатов, формировал климат, в котором невозможно было и думать о каком-либо пересмотре агрессивных элементов внешнеполитического курса. «Если бы в разгар маккартизма американский президент провозгласил бы «наведение мостов» между США и Советами в качестве целей американской национальной политики, то его выгнали бы из Белого дома»³⁴. Это было сказано спустя 20 лет. А тогда маккартизм был подготовлен той обстановкой «холодной войны», которая усиленно внедрялась в американское общество.

Политики и пропагандисты выступали распространителями определенного «психологического комплекса», чтобы выработать у человека «привычку обычности», то есть путем многократных повторений обязательности и полезности обыденного выработать у человека отрицательное отношение к любым радикальным «изменениям в его способе жизни, работе, наслаждении»³⁵.

Страх выступал как одно из средств удержания человека в рамках обычности. Присущие капитализму изъяны — потеря работы, отчуждение и т. п. дополнялись искусственными «угрозами со стороны коммунизма», чтобы обострить чувства и тем самым прикрепить человека к существующим стандартам индивидуализма и к определенным социальным группам капиталистического общества. Следовала нехитрая манипуляция: без поддержки частной собственности человек не может освободиться от «угроз», обрести свою индивидуальность, решить свои внутренние проблемы.

Когда же маккартизм с его критикой в адрес правительства стал вызывать нежелательную реакцию, от не-

го решили отказаться. Стереотипы, сфабрикованные в период маккартизма, — «Свобода против социализма», «Государство против централизованной тирании», «Все или ничего» — были отнесены к разряду парализующих мышление. Взамен старым стереотипам выдвигались новые, которые впитывали в себя «символы, ритуалы и мифы, имеющие связи с реальностями прошлого, настоящего и будущего»³⁶. Символы, ритуалы и мифы включали те же клише и те же стереотипы, только в новом словесном оформлении.

Газета «Нью-Йорк таймс», журнал «Форчун», обозреватели типа Липпмана, церковь, школа выступали как инструменты достижения «стерильности консерватизма», чтобы не допустить «экспериментов» в области политики и экономики.

Приспосабливаясь к новой обстановке, защитники капитализма уже не надеялись на метод убеждения. Они ратовали за «психологический комплекс собственности», вели защиту частной собственности и частного предпринимательства на апологетике социальной структуры США. Она обладает будто «надклассовой мобильностью» и может обеспечить «регулирование и стабилизацию без социализации». Такой подход вызывал и откровения в методике защиты капитализма — создавать «угрозы собственности» со стороны «противника, вооруженного идеями»³⁷. Убирая с поверхности одиозные методы, внесенные маккартизмом, сторонники консерватизма отнюдь не собирались отказаться от различных угроз. Напротив, они оборачивали их на защиту индивидуализма и частной собственности.

Однако негативное влияние маккартизма, «психологической войны» было налицо. Откровенный обман и фальсификации, идеологический террор настораживали многих. Они противоречили лозунгам о «свободе» и «демократизме» американского общества. Потому-то и появились сторонники более осторожных методов управления поведением людей с помощью средств информации. Перед ними возникла проблема: как совместить деятельность печати, радио и телевидения, построенных на коммерческом принципе (частной собственности), подчинить их единой цели и единым установкам. Сложилась группа специалистов, которые доказывали, что средства информации США призваны восстановить менее напряженные отношения между системой и аудиторией. Они критиковали позиции тех, кто выступал за

формирование символов, возбуждение эмоционального состояния людей. Они полагали, что в представлении средств информации как «окна в невидимый человеком мир» была упущена возможность закрепления существующих социальных отношений³⁸.

Однако в своей критике они не отвергали главной посылки — представление объекта пропаганды — аудитории — как пассивного элемента. Иначе ведь не получалось «закрепления» существующих социальных отношений. В книге «Выбор народа», в частности, было высказано мнение о «двуступенчатом потоке коммуникационного процесса». Как показало изучение мнений избирателей в кампании выборов 1940 года, позиции людей складываются в ходе «личностных контактов». «Идеи идут от радио и печати к лидерам мнений и от них к менее активным частям населения». Вот как определялся новый термин: «в каждом районе и для каждой категории общественности существуют определенные лица, заинтересованные в том или ином вопросе и наиболее четко формулирующие его. Мы называем таких лиц «лидерами мнения»³⁹.

Из социологической категории лидеры групп вырастали в пропаганде до уровня руководителей манипулирования. «Защита принятых решений» с помощью «лидера мнения» включала четыре ступени «активизации эффекта»: пробуждение интереса, увеличение интереса, выбор внимания и, наконец, кристаллизация принятого решения.

Отсюда вытекала рекомендация разделить средства информации по целевому признаку. Например, такие журналы, как «Уолл-стрит джорнэл», «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», должны были «оказывать эффект на решение и поведение элиты, занятой принятием политических решений»⁴⁰, то есть «лидеры» (элита) имеют еще своих «лидеров мнений».

Было бы неправильным отрицать роль личности в распространении идей, взглядов, настроений. Однако в представленной схеме «лидер мнений» все же занимал второстепенное место, тогда как практика Соединенных Штатов говорила о другом: от «лидеров мнений» информация идет в газеты и на радио и от них к населению. Кроме того, субъективный момент процесса передачи информации приносился в жертву объективным моментам, так как «лидеры мнений» призваны были «узаконивать существующее политическое и экономиче-

ское положение». Но их мнение объективно вступало в противоречие с интересами большинства. Такова неумолимая логика, диктуемая капиталистическим способом производства. И поэтому закреплять «существующий статус», хотели того авторы или нет, они могли только с помощью манипулирования, которому и служила идея «о двуступенчатом потоке информации».

Могут возразить, что в аудитории существуют активные и пассивные категории населения. Да, они есть. Но все дело в том, как средства информации относятся к окружающей реальности. Какое мнение они защищают: мнение большинства или мнение меньшинства? А потом уж определять их отношение к аудитории. Обращаются они к сознанию людей или они манипулируют сознанием? Освобождают ли они сознание от иллюзий классовой гармонии капитализма или они манипулятивными приемами ведут к новым заблуждениям? Многие американские авторы выступали за коммерческие принципы средств информации США, в защиту с их помощью «преобладающих культурных ценностей», где главенствующая роль принадлежала свободному предпринимательству.

Теория «лидера мнений» предлагала сосредоточить основное внимание на обработке людей в так называемых «малых группах», на изучении и разработке механизма межличностных отношений как основного средства социального контроля. Лабораторным путем стали изучать воздействие телевидения, радио, печати, лекций на различные группы населения в «малых группах». В данном случае нас интересует не их социологические исследования, а те рекомендации, которые давались средствами информации в «защите существующего статуса». Они практически сводятся к серии правил манипулирования.

Например, у «лидера мнений» должен быть «образ искренности и правды». «Дискуссионные программы» по телевидению и радио, в газетах не должны «взвешивать идеи, а подкреплять определенные наклонности или определенное поведение».

Обобщался и опыт предшествующих исследователей: первая версия событий — дает наибольший эффект. Легко создавать мнение среди людей, которые еще не определили свое поведение по тому или иному вопросу. Использовать «метод развлечений» для «освобождения аудитории от напряжения», не гнушаться оглашением

тех или иных отклонений от принятых нравственных норм, «закрепить социальные нормы», упорно повторять в различных вариациях принятую версию события, связывая ее с «удовлетворением требований аудитории»⁴¹.

Естественно, в перечислении методов манипулирования не обошлось и без отношения к различным «угрозам». Если угроза вырастает до огромных размеров и не сопровождается условиями ее ослабления, то аудитория ее игнорирует или плохо воспринимает. В этой связи досталось радиостанциям «Голос Америки» и «Свободная Европа». Их критиковали за то, что, расширяя тезис об «угрозе коммунизма», они не связывали его с политическими действиями Соединенных Штатов и их союзников⁴². Данная критика раскрывала подоплеку фальшивого тезиса «угрозы коммунизма». Она умышленно раздувалась до национальных масштабов, чтобы обосновать и оправдать внешнеполитическую стратегию США, соединенную с планами по установлению мирового господства. Но не всегда и не во всем такая линия давала положительные результаты.

КТО В ЛОВУШКЕ!

Конец 50 — начало 60-х годов отмечены переосмыслением «психологической войны», ее опасных целей, методов, смешивающих понятия правды и лжи. Стандарты «психологической войны» не выдерживали критики. Читая сообщения об экономических достижениях, о полетах советского спутника Земли, читатель вольно или невольно сравнивал их с тезисами буржуазной пропаганды о слабости Советского Союза и приходил к выводу об их недостоверности. Первые советские спутники, писал сотрудник университета Джонса Гопкинса М. Дайер, способствовали «распространению тех знаний о мире, которые даны коммунизмом». Открыто высказывалось беспокойство по поводу проникновения в зарубежную аудиторию мнения о том, что «коммунизму принадлежит будущее» и что «Соединенные Штаты находятся под угрозой поражения в идеологической битве за умы людей»⁴³.

Сообщения 23 сентября 1949 г. об утере США ядерной монополии и 4 октября 1957 г. о запуске советского спутника вызвали потрясение среди американцев.

В ЮСИА начался пропагандистский кризис⁴⁴. Становилось ясным, что в новый век военная сила, угроза не могут быть инструментом внешней политики.

Сторонники переосмысления «психологической войны» видели ее опасность также и в том, что она была направлена против союзников США и нейтралов и, по примеру Гитлера, смешивала правду с ложью. Авторы таких выводов не отказывались от усиления идеологической борьбы. Вместо откровенного изложения форм и методов «психологической войны» они предлагали провести «мобилизацию духа», включая «военные приготовления, экономическую предусмотрительность, дипломатическую инициативу и гибкость», «политическую и этическую уверенность в американском образе жизни»⁴⁵.

Поскольку «психологическая война» не дала США больших преимуществ и откровенно противоречила основным понятиям людей о свободе и демократии, этот термин заменялся «политическим общением» в качестве контрбаланса против социалистической идеологии. Переосмысление «психологической войны» не касалось целевых направлений, оно, скорее, было связано с попытками замаскировать разрушительные методы антикоммунизма и грубого манипулирования, включить во внешнеэкономическую пропаганду США как можно больше организаций и квалифицированных специалистов.

«Политическое общение» вырисовывалось как «оружие на стене», то есть инструмент более изощренный, удобный для применения как в мирных, так и в военных условиях, как система распространения «убеждений американской нации» с помощью экономических связей, визитов флотов, посещения американскими гражданами других стран, подбора «новых символов и фактов», которые оказывали бы влияние на индивидов, без подрыва верности принципам и ценностям капиталистического общества. Задача сочетания «правильных актов» американского правительства «с правильными словами» уже сама по себе означала продолжение манипулирования.

Людей приучали воспринимать все события через призму «героев» и «негодяев». На эти две группы делились все люди как в самих Соединенных Штатах, так и в остальном мире. Постоянно отрицательные элементы отводились коммунизму, положительные — США.

...Попытка воспитать у американцев неприязнь к коммунизму начинается с детства. В книжках и телевизионных боевиках действуют бесчисленные чудовища, шпионы, враги и просто силы зла. Они очень часто имеют признаки «принадлежности к коммунизму» (русский акцент, элементы одежды или даже эмблему серпа и молота).

И когда начиналось преподавание «школьного антикоммунизма» (с 1961 г. в средних школах США введен так называемый «курс по изучению коммунизма»), то политические «аргументы» и исторические «факты» попадали на подготовленную почву.

В более зрелом возрасте американец попадает под не менее массивную обработку. «Тезисы», разработанные различными учреждениями и организациями, обрушиваются на «человека с улицы».

...Русские предъявляют ультиматум: за каждый советский город будет уничтожено пять американских городов.

— За Москву — Нью-Йорк, Вашингтон, Лос-Анджелес, Филадельфия и Чикаго.

— За Ленинград — Детройт, Питтсбург и т. п.

...В штате Алабама произошел ядерный взрыв.

Соединенные Штаты считают, что это дело русских, и вводят в действие свое оружие...

Нет — это не статья в бульварном журнале и не отрывок из сценария фильма ужасов. Так писал один из модных в 60—70-х годах идеологов — Герман Кан — специалист по военным делам, автор книг «Термоядерная война: мыслимое и немыслимое», «Эскалация: метафоры и сценарии».

Работы Г. Кана рекламировались как желание «улучшить интеллектуальные связи и сотрудничество, особенно путем применения исторических аналогий, сценариев, метафор, аналитических образов.., увеличить возможности опознавания и понимания важных новых моделей и кризисов»⁴⁶. Их тезисы опробовались в лекциях перед военной и гражданской аудиторией, в статьях газет, в передачах радио и телевидения, запугивая американцев «угрозой коммунизма», ложными положениями о том, что Советы якобы «планируют поймать США в ловушку» и «Соединенные Штаты должны наращивать военную силу для сокрушения коммунизма». Одна политическая иллюзия рождала другую. Рекомендуемые цели и средства внешней политики замыкались

в порочную схему: «угроза коммунизма» — «опора на силу» — «сокрушение коммунизма».

Взгляды Кана отражали усилия военно-промышленных кругов увеличить поток искаженной информации, особенно по проблемам внешней политики США. Ученые, прошедшие практику в «мозговом тресте» военных монополий, в Корпорации по исследованию и развитию («Рэнд корпорейшн»), усиленно проповедовали мораль, смысл которой состоял в утверждении, что мир и безопасность можно установить только с помощью военной силы.

Созданная в период «холодной войны», в 1948 году, «Рэнд корпорейшн» выполняла заказы военных кругов по таким вопросам, как «психологическая война», стратегическое планирование, полеты первого советского спутника Земли и др.

Ежегодно увеличивались расходы Пентагона на пропаганду. Они составляли около 200 млн. в год. Военное ведомство рассылало ежегодно до 2 млн. материалов, по его заказам создавалось 12 тыс. радио- и телевизионных программ, научные и художественные книги⁴⁷.

Американскому и зарубежному читателю с помощью военных боевиков, воспоминаний отставных генералов о мыслимых и немыслимых подвигах человека, одетого в форму солдата американских войск, представляли образ героя, который отбрасывает все моральные принципы, достигает своей цели с помощью жестокости и силы.

В работах научных сотрудников звучали те же мотивы, но несколько в ином оформлении. Чтобы читатели не заподозрили Кана в откровенных симпатиях к ядерному оружию как средству решения международных конфликтов, он делал оговорку «о необходимости выработки правил», когда насилие возможно, чтобы не броситься в применение неконтролируемых сил. Но такие правила не имели смысла, так как носили характер «абстрактных и аналитических соображений» и рекомендовали тем, кто планирует политику и принимает решения, с подозрением относиться к Советскому Союзу, поскольку, дескать, «русские имеют хитрозадуманные планы» и готовы в любое время «переступить ядерный порог».

Кан был не одинок. Согласно американским данным, в США (в 60-х годах) ежегодно издавалось приблизительно 1500 книг антикоммунистического содержания.

Обратимся к одному из «учебных пособий» — «Фактам о коммунизме», — подготовленному Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности в 1960 году. Составители опирались на такие «авторитеты», как Троцкий, Зиновьев и им подобные. В свидетели призывались белогвардейцы, кулаки, басмачи. На такой основе рождались «откровения»: «интеллигенция в Советском Союзе не представляет народ», «крестьяне не получили никаких преимуществ» и т. д.

В другой книге-«учебнике» «Что такое коммунизм», выпущенном в 1963 году Информационным агентством США, создавались ложные представления о советском обществе: «коммунисты отрывают детей от родителей», «старики содержатся за колючей проволокой», «коммунисты экспроприруют личное имущество» и т. д.⁴⁸

В одном из опросов 62% американцев согласились с тем, что «наибольшую угрозу для Америки представляют коммунисты». Только 29% ответили несогласием с этим утверждением⁴⁹. Необходимо сделать скидку на данные опроса, поскольку они не подкрепляются анализом состава аудитории. Но тем не менее, учитывая практику социологических исследований на Западе, когда основной интерес проявляется к «среднему классу», можно, видимо, говорить о том, что мелкие торговцы, домовладельцы расистского Юга, нувориши — владельцы новых монополий Тихоокеанского побережья и Техаса, нажившие на спекуляциях миллионы, готовы были поверить «угрозе коммунизма». Одни из них выражали недовольство экономическим положением, видели причины своего бедственного положения в «черной опасности», другие, удовлетворив свою страсть к наживе, искали объекты приложения своих капиталов и требовали снижения налогов и равных возможностей. И в силу этого они предрасположены к политическому консерватизму и к полицейским методам в политике. Их неустойчивое положение в обществе, стремление вырваться из пут и жить за свой собственный счет порождало такую обстановку, когда буржуазная пропаганда, правые силы использовали это положение в своих политических интересах.

Безусловно, под воздействием капиталистической эксплуатации, влияния рабочего класса часть представителей мелкой буржуазии участвовала в борьбе против агрессивного курса империализма, против расовой эксплуатации. Но правда также и то, что лавочники,

торговцы, особенно южных штатов, составляли «резервы» правых сил. Обывателю, домовладельцу и лавочнику Юга, биржевому спекулянту импонировало выступление расиста за отмену налогов, пришлось по душе демагогия в пользу законности и порядка на основе неприкрытой вражды к неграм, студентам и вообще к интеллектуалам («яйцеголовым»). Люди, ограниченные узким мирком наживы или грезами о богатстве, с удовлетворением воспринимали разглагольствования об «опасности коммунизма», об ошибках прошлого, когда Америке не следовало выступать против гитлеровской Германии, ибо она была в состоянии войны с коммунистами.

Пропаганда антикоммунизма с ее нелепыми «угрозами» неотделима от деятельности правых организаций. Заметно своеобразное разделение труда между господствующей пропагандой и действиями правых сил. В наиболее острые моменты средства информации предоставляют трибуну для грубого антикоммунизма правых, регулируя политические и идеологические последствия их выступлений. Правые договаривают то, что по тактическим соображениям не могут или не решаются сказать лица, управляющие органами печати, радио и телевидения США.

Активизация членов «Общества Джона Берча» и других правых организаций относится к 60-м годам. Спекулируя на недовольстве мелкого буржуа, его положении в капиталистическом обществе, они выступили против коллективизма, независимо от того, как он называется: «социализмом, государством благоденствия, новым курсом, новыми рубежами». В первых же своих программных документах берчисты требовали, например, отмены налогов, возвращения к свободному предпринимательству, относили к коммунистам бывшего президента США Эйзенхауэра и членов правительства США. «Коммунизм, — говорилось в одной из программ «Общества Джона Берча», — угрожает либерализации американского образа жизни, и мы спасем страну от заговора, направленного на разоружение Америки под видом «государства благоденствия». Мы будем разоблачать предателей среди наших соседей, в наших сообществах, церквах, школах и даже в Федеральном правительстве в Вашингтоне»⁵⁰.

По методам распространения «угрозы коммунизма» берчисты прибегали к старым приемам — игре на наст-

роениях обывателя, мелкого собственника, напуганного наступлением монополий.

«Угроза в нас самих» — одна из главных их посылок, поскольку «Соединенным Штатам не угрожает наступление любого иностранного правительства в силу абсолютного военного превосходства Америки».

Кто же предаёт интересы Америки?

Это в первую очередь собственные левые, умеренные и либеральные политические деятели в конгрессе, Верховном суде, во многих правительственных учреждениях. К «предателям» относилось около 75% конгрессменов. Досталось даже сенаторам.

Как же действуют «предатели»?

Они владеют многими газетами, журналами, кино-театрами, радио- и телестанциями или контролируют средства информации.

Очевидно, что правые силы паразитировали и паразитируют на пороках капиталистической системы. Они, опираясь на факты подкупа избирателей сенаторов, правительственных чиновников, лжи буржуазной пропаганды и т. д., переносили их на происки левых внутри американского общества, а источники пороков капиталистической системы приписывали «красным, руководимым из Москвы», профсоюзам, сторонникам борьбы за гражданские права.

«Красные» на каждом углу, в каждом действии самого американского правительства.

«Коммунисты захватили многие посты в федеральном правительстве», «они концентрируют власть в Вашингтоне», «преданные генералы», такие, как Маккартур, уволены, и на их место пришли бесхребетники.

«Враги Америки» изымают огнестрельное оружие из рук американских граждан.

«Негры — это резерв красных при перевороте».

«Программа войны с бедностью — орудие коммунистов».

«На Аляске правительство США создает лагерь, где будут содержаться антикоммунисты после захвата власти красными»⁵¹.

Правящие круги терпеливо относились к выступлениям правых, так как при всем «критическом пыле» их лозунги отвлекали часть населения от причин кризисного состояния капиталистического общества и позволяли швырять протестующим против внешнеполитических и внутренних авантюристов империализма приманку в виде

ложного лозунга «угрозы коммунизма». Это использовалось и для доказательства «плюрализма» и демократизма американского общества.

Примечательная черта деятельности правых организаций состояла в том, что они критиковали американское правительство, существующие порядки. И вместе с тем их деятельность получала поддержку военно-промышленного комплекса, который финансировал их, используя подготовленные этими организациями пропагандистские материалы. Среди меценатов «Христианского похода против коммунизма», «Общества Джона Берча» такие корпорации, как «Дженерал моторз», «Дженерал электрик», «Боинг айэроплейн компани» и др.

На полученные доллары правые издают газеты и журналы, ведут радио- и телепередачи, выпускают фильмы, книги, листовки. По мотивам «Голубой книги» берчистов был снят фильм «Коммунисты на карте». Его авторы пытались доказать, что Америка окружена и изолирована, а «прокоммунисты» действуют в школах, печати, во всех районах США, готовясь к окончательному захвату Америки.

Около 10 млн. человек просмотрели фильма «Коммунисты на карте». Его показывали на промышленных предприятиях, собраниях, в военных и гражданских ведомствах.

В общей сложности 20 млн. зрителей собрал другой антикоммунистический фильм «Операция запрещения». Протесты студентов, молодежи, профсоюзов, прогрессивных сил против маккартизма и охоты за ведьмами со стороны Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности были представлены как «гигантский коммунистический заговор в Америке».

Достаточно только перечислить некоторые публикации правых организаций, чтобы понять их содержание: «Внутри государственного департамента», «Как красные оказались в Национальном совете церквей», «Коллективизм в церквях», «Коммунистическая пропаганда в школе» и др.

Школа вызывает особый интерес правых. Их призыв — «американские школы наводнены подрывной деятельностью, и мы должны спасти детей для бога и страны» — в некоторых штатах дал свои плоды. По сообщению газеты «Техас обзервер» от 6 октября 1961 г. «каждая историческая книга, одобренная коми-

тетом штата по вопросам учебных пособий, начиная с 1962 года переработывалась и переписывалась по запросам «Общества Джона Берча».

Правящие круги США довольно либерально относились к деятельности правых сил. Их вполне устраивало, как правые запугивают американцев «красной опасностью». «Простой человек, если он увидит коммуниста на улице, должен бросить в него камень», — говорил один из берчистов, наслушавшись проповедей своих лидеров. Видимо, такой результат удобен как для организаторов буржуазной пропаганды, так и для правых сил. Чем не пример «демократизма» американского общества?

Пропаганда антикоммунизма, антисоветизма неотделима от внутренней и внешней политики правящих кругов США. Она формировалась на тезисах «холодной войны», доктринах «сдерживания коммунизма» и, в свою очередь, создавала искусственные завалы на пути реальной оценки соотношения сил на мировой арене, подталкивала авантюристический курс Соединенных Штатов.

Одновременно антикоммунизм, антисоветизм подрывали буржуазные свободы и буржуазные права личности. Маккартизм, «психологическая война», активизация правых организаций усиливали репрессии не только против демократических, но и либерально-буржуазных кругов.

ДВА ПОДХОДА К СРЕДСТВАМ ИНФОРМАЦИИ

В условиях обострения политического и идеологического кризисов капитализма средства информации наделяются самостоятельной силой, с помощью которой они создают якобы новую реальность, удобную для внедрения стандартов капиталистической частной собственности. Тем самым буржуазные средства информации освобождались от прямых связей с идеологическими установками буржуазии и под видом внеклассового, внепартийного подхода внедрялись стандарты так называемой социологической пропаганды, то есть защиты всего комплекса «американского образа жизни».

Для нужд внешнеполитических целей империализма разрабатываются специальные «экспортные варианты», предназначенные для маскировки истинных целей буржуазии.

«Образу» США за рубежом придается манипулятивная форма, когда основные пороки скрываются путем безудержного восхваления все той же капиталистической частной собственности.

ВОЗМОЖНА ЛИ НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Кризис все глубже затрагивал сферу идеологической жизни. Даже сами представители буржуазии вынуждены были писать в 60-х годах, что «всеобщий мятеж» против идеологических установок Запада приобретает все более острый характер.

Разрыв между провозглашенными лозунгами и реальностью усиливал отчужденность личности от существующего строя. В ходе формирования государственно-монополистического капитализма происходит огосударствление отдельных важных частей хозяйства. Монополии подчиняют себе основные отрасли экономики, поглощая мелкого производителя, сужают сферу применения лозунга «свободного предпринимательства», тогда как в погоне за частной собственностью капитализм приучил многих людей рассматривать основные вопросы сквозь призму личного обогащения. И не случайно в большинстве опросов, выясняющих желания людей, на первом месте шли стремления к увеличению личного бюджета, страх заболеть ввиду высокой платы за лечение и потерять работу. Для многих американцев старые тезисы «респектабельности в ловле денег», «свободной игры на рынке», «невмешательства государства в дела экономики» становились иллюзией. Да и личная жизнь людей находилась под постоянным контролем. В нее вторгаются агенты коммерческой рекламы, фирмы по сбору различной информации, скрытые и явные агенты федерального бюро расследований, средства информации с их навязчивыми стандартами. Ежедневно миллионы американцев становились свидетелями крушения многочисленных обещаний со стороны официальных лиц.

Извращенное положение человека в капиталистическом обществе отражалось и на буржуазных средствах информации, стремящихся удержать личность в системе капиталистических стандартов и тем самым постоянно вступающих в конфликт с действительностью. Но как бы ни менялась обстановка, средства информации оставались верными защитниками капиталистических порядков, и тем самым все сильнее обнаруживались их конфликт с личностью, иллюзорность их методов и форм.

В условиях научно-технической революции, затрагивающей и средства информации (новая техника, быстрота передачи и обработки новостей, распространение телевидения), формировалось представление о том, что сами средства могут решить многие социальные проблемы общества. Одним из первых к разработке таких взглядов приступил профессор английской философии Торонтского университета Маршалл Маклюэн¹. Его работы привлекли внимание теоретиков и практиков. Осуждая некоторые пороки капиталистического строя, он соз-

давал концепцию внеклассового анализа деятельности печати, телевидения, кино, издательского дела.

Главный его тезис — «сообщением является само средство коммуникации», — подчеркивал, что средства информации якобы имеют самостоятельное развитие и «создают новое человеческое окружение»².

В качестве доказательств следовали ссылки на А. Токвиля. Последний был представлен как «мастер элементов печати и книжного дела». Приводились его слова о том, что «мир печати привел французскую нацию к однородности», а книгопечатание во Франции вызвало «процессы одинаковости развития... развязало запутанности старого феодального общества»³. Отсюда следовал вывод: средства информации имеют собственную реальность, независимую и противостоящую действительности.

Если принять тезис о создании средствами информации новой реальности, отличной и противостоящей действительности, то читателям и слушателям остается только принимать сообщения средств информации с их иллюзиями, оценками, образами. Люди совершают новые открытия, создают новую технику, новые отрасли промышленности, новые быстродействующие средства коммуникаций. Но достигается это не по их произволу, уходу от действительности, а ценой огромного, напряженного труда, сочетания их устремлений с объективными законами природы и общества. Познание мира объективного, стремление к его изменению и совершенствованию всегда определялось активностью человека.

Маклюэн, так же как и Липпман, придавал средствам информации настолько большое значение, что противопоставлял их объективной действительности, отгораживал их от классовой борьбы, от противоречий капиталистического мира, от вопросов собственности на средства информации. Обращаясь к истории общества, он рассматривал различные средства общения как автономные явления. Получилось, что только язык и письменность «взрывают племенное единство», только изобретение папируса содействовало образованию Римской империи, равно как прекращение его доставки означало закат власти бюрократии и армии. Книгопечатание в эпоху Возрождения дало толчок к унификации и централизации власти, а печатная машина — развитию индивидуализма⁴.

Средства общения возникали исторически благодаря выдвигению экономических интересов в качестве определяющего, главного фактора. Духовная жизнь людей первобытнообщинного строя развивалась на основе общности языка и культуры. В позднем палеолите обнаружены были зачатки религии, которая формировала многие ошибочные и иллюзорные представления об окружающем мире, о самих людях. Крупнейший переворот в развитии первобытнообщинного общества начался с перехода к земледелию и скотоводству. Человек овладевал знаниями некоторых природных процессов. Возникали условия для более быстрого роста населения, появления рынка и более регулярного общения. Постепенно формируются частная собственность и классы (свободные и рабы).

Не мог и папирус (он был изобретен около 160 г. до н. э.) выполнять тех функций, которыми его наделил Маклюэн. Папирус был одним из факторов, способствующих распространению законов, литературы. Но для этого должна была быть создана особая группа людей, свободная от производства и земледелия и занятая литературой, искусством, наукой, законодательством.

Римская империя погибла по иным причинам. Она была «разделена между несколькими Цезарями вследствие их междоусобных войн, в результате колоссальной концентрации в Риме собственности, особенно земельной, и вызванной этим убыли населения в Италии, в результате натиска гуннов и германцев...»⁵.

В эпоху Возрождения, когда возникли потребности производства, был открыт способ изготовления бумаги из тряпья (в начале XIV в.), изобретены печатный станок и книгопечатание (первая половина XV в.). Исторически печатный станок и бумага появились в комплексе событий, связанных с развитием торговли и мореплавания, географическими открытиями, с появлением новых механических, физических и химических фактов. В свою очередь, все эти открытия сделали возможными импорт и распространение литературы, морские открытия, придав им ускоренный темп и большой размах.

Вместе с другими факторами книгопечатный станок имел двойственное значение. С одной стороны, он содействовал разрушению феодальных порядков. Феодальный строй «погубили городская промышленность, торговля, современное земледелие (и даже отдельные изобретения, такие, как порох и печатный станок)»; с другой —

становился «средством возрождения науки, самым мощным рычагом для создания необходимых предпосылок духовного развития»⁶.

Книгопечатание содействовало развитию национальных языков, литературы, образованию, а также выделению специальных профессий, связанных как с самим процессом производства и эксплуатацией новой техники, так и с распространением идей. Книгопечатание подорвало духовную монополию церкви «не только на чтение и письмо, но и на более высокие ступени образования»⁷.

Зарождающаяся буржуазия использовала новые изобретения в своих целях, в борьбе с теми силами, которые мешали мануфактурному производству. Не случайно развитие книгопечатания совпадает с подъемом мануфактуры в Западной Европе (XIV—XV вв.).

Распространение идей следовало за движением производства и, в свою очередь, оказывало обратное воздействие на условия производства. Здесь можно было выделить несколько моментов. Новые средства использовались для распространения реакционных идей, которые в конечном итоге вели дело к тому, чтобы приглушить ростки нового, помешать распространению ложных представлений о природе, о сущности человека, о духах, волшебных силах. В то же время другие силы, в лице поднимающегося класса буржуазии, выступали за развитие производства на капиталистической основе, частной собственности, представляя ее в виде всеобщего интереса, «естественного права человека», за расширение прав государства в защите частной собственности.

При каждом значительном проявлении процесса разделения труда люди получали новые специфические орудия производства, которые возникали на основе потребности производства. Так возник и печатный станок. Говоря о том, что печатная машина способствовала развитию индивидуализма, Маклюэн повторял старую бессмыслицу о превращении машин в экономическую категорию. В письме П. В. Анненкову К. Маркс (28 дек. 1946 г.) отмечал, что «машина так же мало является экономической категорией, как бык, который тащит плуг. Современное *применение* машин есть одно из отношений нашего современного экономического строя, но способ эксплуатации машин — это совсем не то, что сами машины. Порох остается порохом, употребляется ли он для того, чтобы нанести рану человеку, или для того, чтобы залечить раны того же самого человека»⁸.

Процесс развития общения и средств информации происходил на общем фоне разделения труда, что в конечном итоге предопределяло их место в обществе.

Во-первых, развивалась какая-то одна деятельность человека в ущерб другим его физическим и духовным запросам. В период подъема капитализма каждому отводится определенная операция. Человеку пожизненно отводят определенную профессию, связанную с определенной функцией. Развивалась частная собственность, в результате которой господствующий класс стал обладать духовной силой. Возникла идеологическая неоднородность общества.

Во-вторых, внутри буржуазного общества создаются новые отрасли труда и новые средства общения, возникают группы людей, имеющих особые интересы. Им кажется, что они заняты в независимой области. А на самом деле, сформировавшись в результате экономической потребности общества, они выступают в качестве авторов и защитников иллюзий господствующего класса о самом себе. Часть общества, занятая производством, не имея времени и средств для формирования мыслей о себе, воспринимает мысли и иллюзии господствующего класса.

В-третьих, происходит духовное порабощение не только человека, но и класса. «...Духовно опустошенный буржуа, — писал Ф. Энгельс, — порабощен своим собственным капиталом и своей собственной страстью к прибыли; юрист порабощен своими окостенелыми правовыми воззрениями, которые как некая самостоятельная сила владеют им; «образованные классы» вообще порабощены разнообразными формами местной ограниченности и односторонности, своей собственной физической и духовной близорукостью, своей изуродованностью воспитанием, выкроенным по мерке одной определенной специальности, своей прикованностью на всю жизнь к этой самой специальности — даже и тогда, когда этой специальностью является просто ничегонеделание»⁹.

Итак, главная определяющая причина возникновения печатной машины, книгопечатания, а затем газет оставалась за потребностями производства. Примечательно, что первые газеты появились в Италии — стране, которая была одним из пионеров мануфактурного производства. Вместе с подъемом крупной промышленности расширялось газетное производство, росло число пе-

чатных изданий. Они втягивались в капиталистическую конкуренцию. Последняя формировала мировой рынок. Без этих факторов средства информации не могли бы существовать. Вместе с тем буржуазия уничтожала, где только могла, «идеологию, религию, мораль и т. д., а там, где она этого не сумела добиться, она превратила их в явную ложь»¹⁰. Тем самым обострялась идеологическая неоднородность капиталистического общества. Буржуазия быстро порывала с идеями свободы и равенства, под которыми она боролась против феодализма, могущества церкви, монархизма. Средства информации формируют и распространяют иллюзии о том, что буржуазная жизнь — это вечная истина, частная собственность — естественное право человека, выступающее единственной основой всякого общества, а страсть к наживе — всеобщий интерес.

М. Маклюэн не затрагивал этих вопросов. Он после печатной машины переходил непосредственно к «коммуникационному взрыву», когда новые виды техники, применяемые в средствах информации, создают у человека новые стрессы и потребности. «Ускорение становится тотальным», а «прежние модели психического и социального приспособления теряют силу»¹¹. Изобретение электричества связано с изобретением электрических средств коммуникации (радио, телевидение, телефон). Они приводят, по Маклюэну, к тому, что создается «неделимое и всеобъемлющее сознание».

В 1865 году Дж. К. Максвелл открыл электромагнитное поле. Его теория о том, что изменение электромагнитного поля распространяется со скоростью света, была экспериментально подтверждена Герцем в 1886—1889 годах. Он также доказал существование электромагнитных волн. Новые открытия сравнительно быстро нашли применение и в средствах информации. Возникло радио, затем телевидение. Расширился диапазон охвата, возросли скорости. Телевидение делало зрителя соучастником многих событий, о которых раньше он мог только слышать по радио или читать в газетах.

Было бы неверным утверждать, что радио, телеграф, телевидение не оказывают воздействия на психическое и физическое состояние людей, на их поведение. Однако повышение скорости передачи информации отнюдь не отвергает значения пространства и времени как объективной реальности.

Зачем же повторялся тезис об утрате значения пространства и о том, что новые средства информации якобы создают «неделимое и всеобщее сознание», «мир глобальной коммуникации»? В научном понимании единства мира состоит в его материальности, что подтверждается развитием философии и естествознания. Средства информации при всей их универсальности и технической оснащенности не могли и не смогут сформировать «всеобъемлющее» и к тому же «неделимое сознание», так как общественное бытие и общественное сознание не тождественны друг другу. «Из того, что люди, вступая в общение, вступают в него, как сознательные существа, — подчеркивал В. И. Ленин, — никоим образом *не следует*, чтобы общественное сознание было тождественно общественному бытию. Вступая в общение, люди во всех сколько-нибудь сложных общественных формациях — и особенно в капиталистической общественной формации — *не сознают* того, какие общественные отношения при этом складываются, по каким законам они развиваются и т. д. Например, крестьянин, продавая хлеб, вступает в «общение» с мировыми производителями хлеба на всемирном рынке, но он не сознает этого, не сознает и того, какие общественные отношения складываются из обмена. Общественное сознание *отражает* общественное бытие — вот в чем состоит учение Маркса. Отражение может быть верной приблизительно копией отражаемого, но о тождестве тут говорить нелепо»¹².

Могут найтись критики, которые скажут, что приведенная цитата не опровергает положения Маклюэна о создании «всеобъемлющего, неделимого сознания». Ведь средства информации могут давать людям представление о том, в какие общественные отношения они вступают, какие общественные отношения складываются.

Дело, однако, в том, что буржуазные журналисты и идеологи, равно как и философы, еще выше парят в воздухе. Они отражают практику капитализма приблизительно, могут выводить единство мира из средств информации, считать, что ускорение передачи информации означает утрату значения пространства, то есть формировать иллюзии.

И таких иллюзий было предостаточно в практических выводах Маклюэна. Каждое средство информации, исходя из посылки «сообщением является само средство

коммуникации», печать, телевидение, книги вызывают «одно-единственное чувство в состоянии высочайшей яркости», и потому они якобы дают человеку полную информацию. Вопросы ограничения потока информации в буржуазном обществе как бы отпадали сами собой, а стандартизация могла бы быть подведена под положение о том, что печать, радио, телевидение «переводят внешний мир в материал собственного человеческого бытия»¹³, то есть утверждалось, что внешний мир, например на страницах газет, как бы «живет собственной жизнью».

Распространение «хороших и плохих» новостей оправдывалось как проявление «яркости» человеческих чувств. Такая «мозаика новостей» призвана вызвать «напряженность и вовлеченность читателя».

«Мозаичность информации» выступала критерием сравнения американской и советской печати. И, естественно, она склонялась в пользу США. Ведь в советских газетах нет «потрясения напряженности». Наивным выглядело и утверждение, что газеты «Правда», «Известия» дают только внутренние новости в ущерб международным. И потому, мол, отклики Советского Союза на важные международные события приходят на Запад только через радио Москвы¹⁴. Практика же говорила о другом. Ведущие органы печати США редко обращаются к материалам советской печати, их откликам на важные международные события, а во многих случаях просто их утаивают. И рассуждения Маклюэна о «мозаичности газет» США вполне подходили для оправдания такой практики.

Последующие события покажут, что разоблачение отдельных пороков отнюдь не освободит американские средства информации от манипулирования. Последнее приобретает более изощренные формы, и владельцы газет, радио, телевизионных станций будут здесь не посторонними наблюдателями, а активными участниками. Маклюэн же утверждал обратное. Он пытался оправдать владельцев средств информации ссылками на то, что они, дескать, дают общественности то, что она хочет, и добавлял, что сила не в самих новостях, а в средствах информации. Отделение этих двух понятий (новостей и средств информации) позволяло обойти содержание, качество. Главным оставалась «мозаичность» средств информации — так называемая «плюралистичность», которая обходила вопросы: кому принадлежат газеты, ра-

дио- и телестанции, как они относятся к нуждам и запросам людей.

К этому добавилась старая посылка о том, что человек самостоятельно не может разобраться в окружающем мире. Он мыслит «фрагментарно», и средства информации благодаря своей мгновенности действия раскрывают перед ним сложные процессы жизни, вызывают «единство чувств и восприятий».

Маклюэн старался очистить буржуазные средства информации от их изъянов, утверждая, что они стоят в «оппозиции ко всем частным манипулированиям», так как разоблачения дают будто бы «очистительную силу гласности».

Практика средств информации характеризовалась по Маклюэну «ощущением у человека массового соучастия» в общественных явлениях и культурной жизни. Заметим, ощущением участия, а не самим участием.

Повышение скорости современных средств информации отнюдь не приводит к единству чувств и восприятий. Известно, что человек получает знания посредством чувственного опыта и они (знания) развиваются на основе ощущений и восприятий. Органы чувств составляют только основу, фундамент, мышление идет дальше. Оно опосредствовано ощущениями и восприятиями, которые выступают как копии, образы материальных объектов, носят непосредственный, конкретный характер. Кроме того, человек ощущает, воспринимает предметы и окружающий его мир в процессе преобразовательной, общественной деятельности. Это дает возможность глубже познать окружающий мир.

Выстраивая свою систему доказательств, Маклюэн старался выйти за существующие в буржуазной литературе схемы воздействия средств информации. Однако он не смог преодолеть свойственные буржуазным идеологам взгляды на развитие общества в целом. В последующих работах он практически выдвигает положения, которые расходятся с его прежними выводами. Так, в частности, он признал, что бизнес проник в культуру, что средства информации на Западе делают человека рабом и необходимо преодолеть «царство молчания и бессознательности». Он осуждал крупные корпорации, писал о распаде семьи, о том, что средства информации представляют жизнь «огромной, звенящей, газетной отчаянной пустыней»¹⁵. В мире политических пропастей и приукрашенных помоек человека возвра-

щают к «состоянию первобытного охотника», к «телевизионному поколению», которое видит на экране насилие и жестокость. Их прибежищем становится насилие, и они склонны к истерии.

Такие оценки говорят о том, что Маклюэн в практических выводах в известной мере отошел от своих теоретических построений. Последние отнюдь не содействовали такому критическому подходу. Теоретические и практические выводы Маклюэна разделяет период в шесть лет (1964—1970 гг.). Они были наполнены бурными и трагическими событиями в идеологической и политической жизни Запада (война США во Вьетнаме, расовые волнения, выступления студентов, обнародование сведений о некоторых сторонах политических махинаций). Можно предположить, что теоретические послышки не выдерживали проверки временем. И вместе с тем новые размышления Маклюэна о том, как вернуть исчезнувшие идеалы, не столь богаты. Они сводятся к тому, чтобы проводить структурные исследования средств информации (но такие исследования содержания не раскрывают динамику их воздействия на человека), осуществить реформу образования и освободить культуру от влияния бизнеса.

Как и другие авторы, Маклюэн сочувствует страданиям людей от буржуазных средств информации. Он полагал, что нашел спасение в оценке возвышающейся их роли в жизни общества. Однако он вступил в противоречие со своими выводами, что было неизбежно, так как противоречия такого рода свойственны самому буржуазному обществу.

Наделение средств информации самостоятельной политической и идеологической силой потребовало рассмотреть вопрос о возможном применении трюков на основе односторонней трактовки стереотипов. О последних стали говорить как о негативном элементе именно за их удаленность от действительности. «Стереотипы, — писал американский социолог Браун, — плохое слово и плохо ими пользоваться, так как они неточны»¹⁶. Но на практике стереотипы не отбрасывались. Напротив, распространялись искаженные «образы» относительно типов людей и событий, призванные вызвать положительную или отрицательную реакцию. Например, для характеристики черного — «нигер» с его определениями «бунтарь, бездельник, разрушитель», для коммуниста — «агрессивный», «жестокий».

Другие авторы, напротив, считали, что идеи Липпмана о стереотипах правомерны. Профессор социальной психологии Колумбийского университета Отто Клинберг применял выводы Липпмана к вопросам управления поведением в группах. Он называл стереотипы «устойчивыми представлениями в сознании человека», которые оказывают влияние на взаимоотношения с другими людьми»¹⁷. Исходная посылка «человек видит то, что ожидает увидеть» оставалась без изменения.

Широкое распространение получало и утверждение о том, что средства информации непосредственно якобы не связаны с «социальными и культурными принципами в обществе» и что информация — это не отражение действительности, а лишь предрасположение, указание к действию. Информация действует на человека не прямо, не подобно подкожной инъекции, а через личный контакт индивида с его социальной группой. Безусловно, личные контакты индивида с его социальной группой имеют важное значение в освоении и переработке информации. Возникает определенное предрасположение слышать и видеть то, что близко по духу, нежели то, что нейтрально или противоречиво. Человек с большим интересом относится к информации, связанной с его политическими и профессиональными интересами, образованием, культурными интересами и т. п. Но буржуазные идеологи расширяли понятие «предрасположение» до «внутреннего удовольствия»¹⁸, когда оправдывались воспитанные капитализмом пороки (жажда наживы, цинизм, жестокость, угрозы, страхи). К этому добавлялось, что конфликты в буржуазном обществе якобы порождены не социально-политическими условиями, а «природой человека». Поэтому пороки оценивались не социально-политическими параметрами, а внутренними «предрасположениями», «агрессивностью человеческой природы». Доказывая отрыв средств информации от социально-политических условий общества, их надклассовый характер, буржуазные авторы выдвигали положение о том, что установка, формируемая в процессе действия средств информации, имеет только субъективное состояние, которое реализуется через стереотипы-ожидания.

Человек, отражая внешний мир, накапливает информацию об окружающей его действительности, соотносит ее со своими практическими и классовыми интересами. Утверждение о том, что человек видит вещи, явления и

события не такими, как они есть, а так, как «он хочет, или так, как ему кажется необходимым», позволяет под видом «стереотипов-ожиданий» оправдывать информацию на «любой вкус»: секс, мыльные оперы, развлечения, надуманные угрозы. Если люди прочли об этом в газете, им предлагают то же в кино, по телевидению. Важно добиться «психологической мотивации», построенной на «физических потребностях организма» (удовлетворение жажды, голода, очищение и т. д.), чтобы «канонизировать существующие предрасположения».

Американский социолог Д. Чэни, базируясь на подобных рассуждениях, признавал за стереотипами только эмоциональные отношения (симпатии или антипатии). Он брал за аксиому положение У. Липпмана о том, что «стереотипы могут быть неполной картиной мира, представлять собой картину возможного мира, к которому приспосабливался человек». Поэтому информация не совмещалась с истинной картиной мира, так как она якобы не может быть познанной человеком. Единственный выход — это использовать стереотипы как категорию, которая «организует понятия» в окружающих человека событиях¹⁹.

Возможности некритического усвоения человеком стереотипов под воздействием капиталистического окружения и использовались теоретиками американской пропаганды. Оценивая стереотипы как «социальные оценки и отношения» людей конкретного класса или группы, буржуазные авторы считали, что стереотипы следует использовать «для защиты или поддержки существующего статуса, привилегии конкретного человека или группы»²⁰, то есть с помощью стереотипизации зафиксировать действия людей, чтобы к созданным фактам люди или группы выработали определенное автоматическое отношение.

Создание «карты жизни» с помощью стереотипов — одна сторона пропаганды. Она дополнялась стремлением стандартизировать отношение людей к частной собственности. Именно последнее объявлялось основой «экономической свободы». Следуя выводам Локка, относящимся к XVII веку, о том, что «собственность — результат врожденного качества», ставился знак равенства между частной собственностью того времени и современной капиталистической собственностью. Средства информации, как и другие инструменты, постоянно поддерживали у американцев склонность к прагматичес-

кому решению всех вопросов внутренней и международной жизни. А воспитанные капитализмом стандарты выдавались за «врожденные качества» американцев, дабы убедить, что они меньше думают об идеологии и больше о реальных проблемах. Отношение человека к окружающей действительности сводилось только к связям с целями. «Значение вещи для личности в основном определяется тем, что человек может извлечь в качестве веры и лояльности»²¹. Следовательно, связи человека с его окружением ограничивались лишь его физическими и личными потребностями. Но ведь человек создает то, чего нет в окружении. Та же собственность, частная и капиталистическая, не вечные и не автоматические категории.

Представляя отношение человека к его окружению с точки зрения практики, не выходящей за рамки капиталистической собственности, буржуазные специалисты пытались свести смысл бытия человека к «изменениям на индивидуальном уровне». Тем самым практическое переустройство мира исключалось из смысла бытия, мир людей ограничивался рамками капитализма, где собственность якобы удовлетворяет жизненные и прагматические потребности человека. Поэтому все, что связано с собственностью, окрашивалось как «стремление к глубокой и широкой области чувств», которые доставляют наслаждения.

Как же быть с различным отношением людей к явлениям окружающего мира?

Одно и то же «счастливое» явление в окружении одним может восприниматься как хорошее, другим — как плохое; одним — как возможность, другим — как угроза. Разница в таком подходе объединялась «прошлым экспериментом», то есть «удовлетворением» жизненных потребностей и «защитой имеющих выгоды» (капиталистической частной собственности). «Значимое в окружении» (капиталистическая частная собственность) должно доставлять наслаждения «в прошлом и будущем». «Способность к выгоде» сглаживала различное отношение к явлениям окружающего мира, а если и возникали изменения, то только на индивидуальном уровне, чтобы они не затрагивали коренных вопросов капитализма.

Действия буржуазных средств информации в пропаганде капитализма выдавались за истинные политические настроения. Да и сами выводы больше напоминали манипулирование. Например, «классовое опознание».

американского общества включало не положение человека в обществе, общественном производстве, а только годовой доход и отношение к федеральному правительству.

Деление на различные отношения американцев к тем или иным вопросам проводилось в двух направлениях: либеральное и консервативное, в «зависимости от отношения к правительству в достижении социальных целей», хотя для большинства народа разница между либералами и консерваторами была непонятна²². Зато с помощью средств информации становился понятным культ личного успеха. Ценности жизни распределялись таким образом, что на первом месте шла иллюзия возможности обрести собственность. И такие стандарты находили сторонников: «Я хочу быть миллионером. Это может сделать меня счастливым. Это все, что я хочу»²³. Ответ звучал как приговор той системе стандартизации, которая порождает иллюзию: «Собственность и деньги делают людей счастливыми».

Если стремление к культу личного успеха было и остается главным стержнем стандартизации, то, естественно, оправданным было и прославление деятельности американских монополий. Печать, телевидение, радио на все лады расхваливают монополии за их благотворительность, динамизм, полезность. При этом не обходилось и без критики, но она носила скорее косметический, чем разоблачительный характер. Да, есть случаи обмана, подкупа; но самое главное, что крупные компании стали частью Америки²⁴, притом нерушимой частью. Кроме того, критика позволяла создать другой, не менее иллюзорный стандарт. Общественность, дескать, поглядывает за монополиями, и они находятся под «народным контролем».

Стандарты культа личного успеха несут в себе внутренние причины быстрой восприимчивости к различного рода угрозам. В обществе, построенном на капиталистической частной собственности, постоянно возникают угрозы взлетов и падений, боязнь потерять заработанное, боязнь оказаться в лагере безработных, боязнь полного или частичного разорения. И пропагандисты, ложно связывая «угрозу коммунизма» с этими образами, поддерживали искусственным путем настороженное отношение к стандартам, которые не укладываются в нормы капиталистической системы.

Другая сторона «угроз» состоит в парадоксальном

положении буржуазного общества. При высокой насыщенности средствами информации люди остаются не информированными или просто плохо информированными по важным вопросам. Так, по ряду международных вопросов американцы проявляли полное невежество: только 58% знали, что США — член НАТО, и 38% — что Советский Союз не член НАТО.

И несмотря на это, даже стандартизация и система угроз не могли заслонить стремления американцев к международному сотрудничеству, к решению спорных вопросов с Советским Союзом путем переговоров. На заявление — «Соединенные Штаты должны продолжить путь к переговорам с Советским Союзом на широкой основе, в надежде достичь соглашения, которое будет вкладом в дело мира на земле» — согласием в начале 60-х годов ответили 85% опрошенных.

Но пресловутая «угроза коммунизма» не отбрасывалась. Напротив, она представлялась как «убеждения» американцев. Большинство средств информации продолжали твердить, что «Соединенные Штаты должны занимать более твердую позицию против Советского Союза, чем в предыдущие годы», «Соединенные Штаты должны откатить железный занавес и освободить страны-сателлиты из-под советского контроля, даже если этот шаг вынудит Россию пойти на войну». Не без иронии некоторые авторы вынуждены были заметить, что «склонность видеть в Америке коммунистов под каждой кроватью»²⁵ не дает спасительных результатов.

«МЫШЛЕНИЕ, ЛИШЕННОЕ МОРАЛЬНОГО ЧУВСТВА»

Время неумолимо опровергало стандартные установки о том, что все беды Америки происходят от «угрозы коммунизма». Держаться старого стало опасно. И очень скоро нашли спасительный тезис. Ничего не поделаешь, американцы — за переговоры с Россией. Пусть так. Но они ни в коем случае не должны принимать какие-либо элементы социалистической идеологии.

Само слово «идеология» исключалось из статей, книг. Его бранили, предавали осуждению, подменяли абстрактной трактовкой ожиданий и верований.

Откроем учебное пособие для американских коллед-

жей «Американское политическое кредо». «Идеология, — говорится в нем, — может быть представлена как «народная философия» относительно образа жизни. Она выглядит не так систематизированно, как философия, ее нельзя представить как продукт какого-то одного мыслителя. В этом отношении она больше сходна с народными песнями, чем с работой профессиональных композиторов». В таком определении содержался свой смысл: исключить из идеологии вообще и социалистической в частности элементы науки, свести ее к проявлению веры. И действительно, в дальнейшем авторы учебника раскрыли свои сокровенные помыслы. Идеология «не вытекает из американской экономической системы», а Карл Маркс неправомерно «полагал, что идеология выходит из экономической системы»²⁶.

Как известно, Ф. Энгельс в свое время отмечал, что противники марксизма преднамеренно искажают высказывания К. Маркса по вопросам происхождения идеологии. Материальные условия являются первопричиной. Экономические факторы лежат в основе идеологических представлений и обусловленных ими действий. «Экономическое положение — это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно *форму* ее различные моменты надстройки...»²⁷.

Следовательно, вопрос о происхождении идеологии рассматривался со стороны содержания и формы: экономические факторы составляют содержание, тогда как формы, то есть пути образования идеологических представлений, зависят от характера идеологической борьбы, положения классов, от характера производства и воспроизводства действительной жизни.

При определении идеологии в учебнике «Американский политический процесс» предпочтение отдавалось индивидуальным чертам, «сплетению межперсональных отношений», «помогающих удовлетворению существующих надежд». К. Маркс писал, что общественные отношения — это «не отношения одного индивида к другому индивиду, а отношения рабочего к капиталисту, фермера к земельному собственнику и т. д. Устраните эти общественные отношения, и вы уничтожите все общество»²⁸. В какой-то мере то же самое произошло с авторами учебника. Они взяли за основу «личные обстоятельства, надежды, ценности», которые должны вызвать общий ответ на символы²⁹.

Выделение «личных обстоятельств» имело определенные цели. Идеология предстала как «конгломерат символов», состоящих из «окрашенных ценностей». В период подъема американского капитализма «идеология индустриального индивидуализма» оперировала «ключевым символом»: «Все, что хорошо для бизнеса, хорошо для нации».

Отказываясь от понятия «идеология» или трактуя ее в плане простой веры, буржуазные авторы отнюдь не отбрасывали мысли об усилении идеологической деятельности. Напротив, в условиях научно-технической революции им рисовалась такая картина: два спутника связи над Атлантикой и два над Тихим океаном устанавливают связи США с любой частью Европы, Азии, Африки и Латинской Америки, выходят на контакты с населением всего мира. Америка говорит «более мощным голосом», связанным с «традиционными политическими, экономическими факторами, политикой национальной безопасности Соединенных Штатов»³⁰.

Между тем они продолжали убеждать других отказаться от термина «идеология», на худой конец сохраняя его лишь в «специфических условиях поведения», в виде своеобразной модели выбора различных критериев, в соответствии с «профессиональными ролями». Теперь не нужно было касаться истории возникновения различных идеологических форм. Идеология становилась абстрактным выбором «различных критериев», которые проходят через «многократные образы», «избранный отзыв», «относительный порог» и, наконец, «практический реализм», когда согласие вырабатывается путем «интеграции ролей»³¹.

Такое построение вновь ставило под сомнение возможности человека познать окружающую действительность. «Критерии выбора» лишены реальности, поскольку они фактически возникают произвольно, без связи с историей научного познания. «Практический реализм» как бы фиксирует внимание лишь на внешних чертах событий и явлений, абстрагирует процесс чувственного этапа познания, замыкает человека в выполнении своих ролей, определенных капиталистическим обществом.

Такое происхождение идеологии имеет ясно очерченную политическую цель: вывести основные черты капитализма из тех или иных ролей индивида. Последние возводились как бы в закономерности, объявлялись вечными. Практические выводы сводились к необходимости

отвлечь массы от реальных процессов «новыми ролями», когда упор делается «на равные возможности», на «возможность» подняться по иерархической лестнице, то есть на распространение иллюзий, которые для подавляющего большинства неосуществимы.

Представители либерально настроенных кругов буржуазии старались при этом снять наиболее опасные и грубые лозунги антикоммунизма. Они понимали, что разгул «психологической войны» с откровенным манипулированием подрывает устои самого буржуазного общества. Именно из такой среды звучали оценки взглядов тех, кто звал к военному сокрушению коммунизма, как психопатии, то есть мышления, полностью лишённого морального чувства. Антикоммунизм любыми средствами во внешней политике США стал опасен, так как это могло привести к «разрушению американского общества и всего цивилизованного мира»³².

Высказывания такого рода отнюдь не свидетельствовали о том, что их авторы полностью осознавали пагубность пропаганды антикоммунизма. Они еще верили в военное и идеологическое превосходство Америки. Понимая, что лозунг «все или ничего» чреват опасностью, они сформулировали рекомендации, отвечающие в целом интересам капитализма, но не ведущие к военному конфликту двух систем.

Модным стало говорить не только о разоружении, но и об отказе от идеологии вообще, век которой якобы ушел в прошлое. Критикуя сторонников жесткого курса, понимая, что военное столкновение с Советским Союзом может окончиться печальными последствиями, некоторые американские авторы хотели бы перенести разоружение и на сферу идеологии, призывая абстрагироваться от оценки современного буржуазного общества, от «справедливости или порочности капитализма»³³.

Социалистическая идеология, естественно, отвергалась. Сторонников идеологического разоружения не устраивало учение марксизма-ленинизма о классах и классовой борьбе, об определяющем значении бытия. Так же как и У. Липпман, они пытались заменить экономические интересы более простыми «психологическими понятиями», а борьбу классов — «передачей богатства» от одного поколения к другому. Такой путь облегчал стремление «навязать коммунизму интеллектуальную свободу», то есть навязать ему идею культа личного успеха.

В поисках аргументов «деидеологизации» американ-

ские авторы ссылались на то, что идеологические столкновения, по их мнению, усложняют борьбу за разоружение, за принципы мирного сосуществования, порождают непримиримость систем и не позволяют якобы решить с русскими политические вопросы.

Авторы такой аргументации умышленно или по незнанию смешивали понятия «идеология» и «политика». Идеология в силу своего характера никогда не вела к миру между двумя диаметрально противоположными классами — рабочими и буржуазией. Так было в истории прошлого, так было и будет и впредь, пока существует классовое общество. Между тем история показывает, что идеологические расхождения никогда не служили побудительными причинами военных столкновений. Были в истории случаи, когда войны начинались между государствами с одинаковыми идеологическими системами. Например, первая мировая война была столкновением капиталистических государств. И вторая мировая война также начиналась между капиталистическими государствами. История также знает, что союзниками в борьбе против общего врага были государства с различными идеологическими системами. Достаточно обратиться к антигитлеровской коалиции, сложившейся в годы второй мировой войны.

Что же касается идеологического противоборства, то буржуазия никогда его не прекращала. Об этом говорят и события 60-х годов, когда под видом «идеологического разоружения» раздавались требования к социалистическим странам «открыть каналы пропаганды» для идей Запада. Дело не ограничивалось призывами. Правящие круги США наращивали свои усилия по совершенствованию аппарата «психологической войны».

ЭКСПОРТНЫЙ ВАРИАНТ

Если внутри США средства информации наделялись самостоятельной силой, то для идеологической обработки зарубежных стран создавались специальные экспортные варианты на основе установок, вытекающих из прагматизма, фрейдизма и социально-психологических исследований, проводившихся в Соединенных Штатах. Обращение именно к этим разделам буржуазной теории преследовало цель под покровом ав-

торитета науки придать внешнеполитической пропаганде Соединенных Штатов не столь уж разрушительный экспансионистский характер.

В 1963 году радиостанция ЮСИА «Голос Америки» в программе «Форум» (на англ. яз.) организовала серию выступлений американских ученых. Позднее материалы были опубликованы отдельной книгой.

Видные американские специалисты в области психологии, социологии, изучения общественного мнения³⁴ рекламировали свои выступления по вопросам управления поведением. В их общих послылках можно выделить два направления. Одно — ссылки на основателей науки поведения, второе — пропаганда «американского образа жизни».

Говоря об основателях, американские психологи и социологи единодушно ссылались на Джеймса, Дьюи, Фрейда. «Джеймс, — говорили они, — дал психологам определенное качество, которое сохранилось в Америке». Прагматические традиции Джеймса и Дьюи в форме современного позитивизма или операционализма пропозывают как «чистую науку», так и практические интересы американской психологии.

Отставалось положение и о жизненности и необходимости применения «динамической концепции личности», разработанной Фрейдом. Особенно часто к идеям Фрейда в США стали обращаться после второй мировой войны. На основе «психологии Фрейда была создана доктрина бессознательности»³⁵.

Хотя и утверждалось, что на базе прагматизма американские психологи пошли дальше и признали «функции сознательности как руководства к действию», практически сознательность отрывалась от окружающего мира. «Все, что мы видим вокруг, — это предположение», и поэтому функция сознательности сводится только к исполнению. Человек ищет только то, что соответствует его образу. Последний же проверяется в условиях стандартов, в которых живет человек³⁶. Следовательно, человек привязывался к стандартам буржуазного образа жизни, а «образы», как мы увидим в дальнейшем, создавались не самим человеком, а целой системой пропагандистской обработки.

Второе направление — пропаганда «американского образа жизни». «Только в Америке могут быть написаны слова: все люди рождаются равными». «Рабочие Америки не чувствуют антагонизма в отношении групп бизне-

са и не благоволят политическому рабочему движению». «Молодое поколение не испытывает революционных отношений к старшему поколению». Во имя доказательства этих положений американские социологи вновь ссылались на Токвиля и Брайса. У Токвиля они брали утверждение о том, что в Америке нет больших различий в положении людей, благосостоянии или власти, у Брайса, — что в Америке нет классов, рангов, которые давали бы человеку право на отличие или уважение³⁷. Не смущал и тот факт, что выводы Токвиля и Брайса относились к XIX веку и вызвали возражение даже у некоторых американских историков и экономистов того времени.

Мало того, защитники «американского образа жизни» пошли дальше. Они заявили, что «корпорации бизнеса наделены общественным интересом», и, дабы утвердить в этом зарубежных слушателей, упорно повторяли слова о заинтересованности большого бизнеса в изучении науки поведения. После второй мировой войны, говорилось в одной из радиопередач, бизнес ежегодно тратит многие миллионы долларов на исследования в области поведенческой науки. За одну только фразу о «наделении корпораций бизнеса общественным интересом» монополистические объединения готовы были дать и больше.

Усилия американской науки, направляемые на повышение эффективности американского общества, на повышение производительности труда в промышленности, на разработку теории «социальной стратификации», авторы этой серии передач подавали как доказательство отсутствия классовых антагонизмов в Соединенных Штатах.

Психологи и социологи сокрушались, что читатели и зрители в США мало обращают внимание на «политическое содержание средств информации». Какой же выход? Ответ: нужен поиск новых примеров и методов — «лидер мнения», стандартизация тестов и опросов, изучение малых групп и др. И еще один примечательный факт. Дабы усилить «скрепление в американском обществе, внедрять «чувство партнерства».

Не исключалось и обращение к аудитории с различными угрозами, которые оценивались как фактор, «оказывающий влияние на человеческое поведение». При этом, правда, делалась оговорка, что такой прием «может быть использован неразборчивыми в средствах мо-

рали, жадными на деньги людьми, корруптируемыми или демагогическими политическими группами в личных целях»³⁸. Иными словами, отрицательные последствия пропаганды страха переключались на внешние «силы зла», тем самым действительный источник страха — капиталистическое общество — выводилось из-под критики.

Какую же цель преследовали организаторы передачи?

«Основные идеи социальной организации ныне используются в Америке», где сосредоточено «великое множество ученых в области поведения». Очевидно, руководители ЮСИА, пригласив большую группу американских психологов и социологов в передачу «Форум», хотели доказать, что американский опыт достоин подражания. Социальная организация капиталистического общества, а другими словами — его защита, должна строиться по американским образцам.

Для маскировки политических и идеологических целей США за рубежом совершалась еще одна, теперь уже не научная, а практическая, манипуляция. Из «экспортной идеологии» исключался термин «пропаганда», что позволяло приписать пропаганде манипулирование, искажение фактов, навязываемых будто бы Соединенным Штатам извне, а американскую обработку общественного мнения за рубежом скрыть под видом средств информации, которые якобы действуют только методом убеждения. При этом термин «манипулирование» сохранялся, но якобы очищался от искажений, поскольку в нем закреплялось использование слов и символов только в интересах поведения и отношений людей.

Отбрасывая термин «идеология», теоретики буржуазии отнюдь не отказывались от применения «идеологической стратегии» в своих экспортных вариантах. Не располагая привлекательными установками для зарубежной аудитории, они ратовали за «убеждение», которое в конечном итоге весь процесс связей с внешним миром подчинит влиянию США. Исходя из того, что человек не имеет якобы возможности для выяснения всех аспектов политических и экономических проблем, ему надлежит дать американскую версию событий путем манипулирования фактами и словами.

В ходе «холодной войны» пропагандистские организации США в значительной степени дискредитировали термин «пропаганда». Они наполняли ее такими методами, как стирание грани между правдой и ложью, де-

информацией, утаиванием фактов, прямым обманом, культивировали низменные чувства и т. д. Вводя новый термин, американские авторы, видимо, надеялись снять страх перед опасным словом «пропаганда» и использовать рост интереса людей к общению между странами в своих политических целях.

Научный сотрудник Совета по вопросам внешних отношений У. Дэвисон рекомендовал забыть «предвзятое мнение о пропаганде». Аналогичные мысли были высказаны и на симпозиуме в Принстонском университете по вопросам пропаганды в новых условиях³⁹. Используя рост интереса людей к политическим событиям в мире, к идеям мирного сосуществования, предлагалось под видом «внешнеполитического общения» получить возможности для «свободного, без всяких ограничений» распространения за рубежом информации о США.

Такая информация подразделялась на два вида, содержащих «полезные идеи» и «успокоительные». «Полезные» — это материалы, практически прославляющие «американский образ жизни» в цветастой, пропагандистской оболочке, «успокоительные» — действия, направляющие зарубежную аудиторию в нужную США политическую сторону.

Под новым определением «внешнеполитическое общение» государственно-монополистический капитал получал рекомендацию привлечь к зарубежной пропаганде правительственные учреждения, газеты, журналы, радио и телевидение, различные частные организации. Наряду с профессиональными пропагандистами в «процессе внешнеполитического общения» стали принимать участие бизнесмены, ученые, туристы, артисты, спортсмены, профсоюзные лидеры, выезжающие за рубеж.

На симпозиуме, организованном в 1963 году в Принстонском университете, собрались руководители большинства правительственных органов и крупных монополистических объединений. Обеспокоенные падением престижа США за рубежом, они были единодушны в том, что необходимо «создавать перед всем миром образ Соединенных Штатов как сильного, демократического и динамического государства», применяя «психологические инструменты» для «продвижения американских целей» и восстановления «недостатка веры к Америке»⁴⁰.

«Психологические инструменты» включали прославление «американского образа жизни», чтобы сделать его приемлемым для иностранцев и убедить их в том, что

политика США гармонирует с их собственными устремлениями. Буржуазные авторы не скрывали своей цели — создание таких условий, когда те или иные стимулы, основанные на иллюзорных стереотипах, вызывали бы автоматический ответ и не вели бы к «сознательной борьбе». Повторялся старый тезис о применении стимулов, действующих «заранее предусмотренным образом на устные или зрительные образы», чтобы «оказывать влияние и манипулирование комплексом поведения человека».

В реализации «идеологической стратегии» возникали трудноразрешимые проблемы. Как внедрить установки культуры личного успеха — главный стержень «американского образа жизни». Народы многих стран мира решительно отвергали капиталистические принципы, искали другие альтернативы, позволяющие им строить свободную жизнь без эксплуатации и угнетения. И «экспортная идеология» начиналась различными вариантами. Одни обращались к «идеям демократического свободного мира». Другие — «ратовали за рекламную технику», предписывали «американским идеям» нужные качества, дабы не касаться недостатков США. Третьи — подбирали слова, чтобы скоординировать внешнюю политику с общественными отношениями. Это были все поиски в области техники идеологической обработки. Главная же манипуляция совершалась в другом плане: попытке отождествить частную собственность и личность, навязать ей стандарты культа личного успеха. Активно взялся за этот вопрос У. Ростоу — профессор экономики Массачусетского технологического института, который в 1960 году разрабатывал для кандидата от демократической партии на пост президента программу внутренней и внешней политики. Его книга называлась «Соединенные Штаты на мировой арене».

Поиск идеологических установок велся в рамках «традиционных ценностей». Автор вспомнил о пуританской морали, культе личного успеха, индивидуализме, которые могли, по его мнению, обеспечить американцам сохранение чувства собственного достоинства, бережливость, способность к самопожертвованию. Столь же красочно описывался и культ личного успеха как возможность для каждого (?), достаточно настойчивого человека достичь вершин общественной иерархии.

Почему же многие американцы не достигли таких вершин? Почему в американском обществе постоянно

возрождаются эгоцентризм, пренебрежение к интересам других людей?

Оказывается, во всем виновата «человеческая природа». С одной стороны, есть ленивые и глупые, а с другой — люди забывают о традиционных установках Америки. Дело легко поправить, сто́ит только твердо следовать культу личного успеха, придать ему вид «независимости и оригинальности».

Установки культа личного успеха в рассуждениях Ростоу представляли в качестве магического оружия против классовых инструментов, как инструмент объединения людей. Во имя этого «американский образ жизни» освобождался от изъянов. Ростоу утверждал, что культ личного успеха может воспитать общительность, терпимость в отношениях людей друг к другу, преодолеть одиночество и изолированность. А чтобы укрепить подобную иллюзию, настойчиво внедрялась мысль, что люди должны довольствоваться настоящим, так как будущее предвидеть нельзя⁴¹.

Но украшательство культа личного успеха не спасало, а, наоборот, усиливало элементы манипулирования в «экспортной идеологии» США. Французский исследователь Ж. Эллюль в книге «Пропаганда. Формирование отношений человека» довольно откровенно показал, что Соединенные Штаты с помощью «американского образа жизни» стараются создать обстановку «психологического единства», представляя этот образ как «единственный путь к спасению»⁴². И в этом деле допустимо применение различных трюков, различных технических приемов, направленных на то, чтобы оказать влияние на поведение людей, разрушить их привычные культурные и социологические образы и заменить их американскими стандартами. Притом не всегда экспорт образа жизни реализуется в открытой форме. Наоборот, предпочтение отдается медленному подтачиванию под видом так называемой «социологической пропаганды», которая может «быстрее адаптировать человека к специфическим социологическим условиям», к необходимой «экономической и политической структуре». Она «находит свое выражение в рекламе, кино (коммерческие и аполитичные фильмы), в технике вообще, в системе образования, в журналах типа «Ридерс дайджест», в сфере бытовых услуг, во всем том, что «заставляет человека принять именно этот, а не другой образ жизни»⁴³.

Все дело состоит будто бы в том, что не все буржу-

азные идеи можно выразить при помощи лозунгов или определенных целей. А вот определенная «социологическая атмосфера» позволяет внедрять «новые навыки» как «неосознанные привычки», создавая иллюзию, что «человек избрал их сам». На основе фильмов, рекламы, печатных изданий, научно-технических связей и т. д. создается «американский образ жизни», чтобы заставить человека рассматривать этот «образ» как собственный критерий ценностей. Эта тенденция в американской пропаганде еще раз свидетельствовала о расширении функций манипулирования, охватывающего не только поведение людей, их действия, но и «образ жизни».

Механизм «социологической пропаганды» опирается на определенную практику. Кино, телепередачи, книги, журналы, газеты использовались для того, чтобы вызвать у зарубежной аудитории реакцию заинтересованности. С этой целью выдвигались «образцы поведения», такие как развлекательные программы, демонстрации мод, особенно для групп населения, слабо связанных с традициями своего образа жизни и легко поддающихся влиянию. При этом применялись образцы, не требующие глубоких размышлений над тем, верны они или нет, хороши или плохи. Они должны быть просто привлекательными, удобными для восприятия. Образцы такого поведения часто совмещались с демонстрацией достижений государства, от которого они исходят. Речь шла об оказании дополнительного впечатления на избранные объекты, внушения им, что США представляют собой «экономический и социальный» образец для других.

«Социологическая пропаганда», естественно, стремилась к разрушению обязательных для общества систем ценностей, к эрозии эстетических норм, к изменению вкусов, признанных в группе или обществе. А на следующем этапе происходит подрыв существующих в группе или обществе авторитетов и ценностей, размягчение нравственно-моральных норм и принципов, таких институтов, как семья, школа, общественная организация и т. д.

Наряду с «социологической пропагандой» «экспортная идеология» включала прославление внутренней и внешней политики Соединенных Штатов, чтобы подлатать падение престижа США и представление «прекрасной картины американского образа жизни». Естественно, не забывалось и об имперских планах США, чтобы дать бой силам, «враждебным или вредным для США». Пре-

тензии к мировому господству обретали трескучую рекламную оболочку: «стратегия убеждения», «война слов», «правда — наше оружие» и т. п. Все они под покровом буйного словесного оформления пытались восстановить уверенность в американских целях, которые забыты или которым угрожает будущее.

Организаторы очередных кампаний получили своеобразную индульгенцию на применение манипуляций вокруг витрины «американского образа жизни».

Но оправдано ли трюкачество, обман? Можно ли применять искусственные возбудители, мешать людям критически и разумно мыслить? Можно ли жонглировать фактами, доказывая, что в американской системе нет капиталистической эксплуатации?

Благоприятные ответы на такие вопросы нашлись довольно быстро. Обратимся к книге М. Чукаса «Пропаганда становится зрелой».

В качестве доказательства манипулятивных приемов пропаганды выступали отдельные положения Липпмана и Фрейда. Из книги «Общественное мнение» часто цитировалось положение о том, что «человек видит не действительность, а то, как он себя представляет». Откровенно признавалось также, что пропагандисты «усвоили фрейдовские представления о человеке», «иррациональные глубины психики»⁴⁴.

Стереотипы выступали как исключительно субъективные образы, не имеющие никакой связи с общественной практикой. Оставалось только заимствование от других людей, и тем обосновывалось и право журналиста, пропагандиста внушать людям такие требования, которые призваны вызвать желательную реакцию.

Фрейдовская схема применялась к практике манипулирования символами в целях воздействия на эмоции, чтобы «мобилизовать, подчинить», а затем придать скрытым в человеке силам (инстинктам) определенную направленность. Различные беспокойства, страхи, всевозможные мании, ощущение непрочности положения человека в капиталистическом обществе, предрассудки и ненависть, воспитываемые капитализмом, объяснялись в духе фрейдовской схемы внутренними задатками человека, результатами «права личности добиться самовыражения».

В целях оправдания манипулирования эмоциями выступали не как субъективное отношение человека к окружающей действительности, а как механизм приспособ-

ления к среде, где искусственное эмоциональное возбуждение с помощью иллюзорных символов вынуждало бы человека автоматически и бессознательно воспринимать образ той вещи, которую его побуждают любить или ненавидеть.

На выводах, противоречащих данным науки и научного познания, — «разум не познает факты окружающей действительности», «качество вещей недоступно органам чувств», «человеческое мышление вязнет в эмоциях» и т. п. — были сделаны выводы, оправдывающие в пропаганде трюкачество, признание полуправды или неправды, чтобы внедрить большую ложь, сгущение красок для создания истерии чувств, упрощенное представление событий, игру на незнании или плохой осведомленности аудитории, отвлечение внимания от важных событий, эмоциональное возбуждение, чтобы парализовать мышление, и др.

Во имя манипулятивного характера пропаганды автор немало приложил труда, чтобы доказать свой тезис — обман и ложь присущи пропагандисту в такой же мере, как и фокуснику. Первобытные люди обращались к духам. Хитрость троянцев, уловка Сципиона при осаде Нового Карфагена, ссылки на труды Макиавелли, на очерк Ф. Бэкона «О хитрости». Манипулятивные функции присущи каждому этапу исторического развития. Всякая ложь на благо общества полезна и оправданна.

Есть ссылки на Липпмана: «...Наш ум выбирает то, что наша цивилизация уже уготовила для нас. Нам свойственна склонность постигать то, что мы воспринимали в форме, определенной для нас цивилизацией». К ошибкам, свойственным разуму человека, добавляются ошибки и неточности, накопленные в прошлом опыте цивилизации. Дабы воздействовать на человека, ничего не остается, как черпать необходимые представления из «резервуара накопленных ошибок». Преувеличение и фабрикация фактов, искажение фактов действительности вполне допустимы.

Как же сплотить разобщенное капиталистическое общество? Классы и классовая борьба подменялись понятием «культура». Теперь можно было говорить об «общих идеях, общих верованиях, общих традициях». А различное толкование явлений объяснялось тем, что культура одновременно «дублирует биологическую борьбу», отсюда и разные «рецепты поведения».

Не в первый раз произвольный подход к истории

приводил буржуазных авторов к оправданию антигуманизма, античеловечности капиталистического общества. По их суждению, культура в силу своего «биологического характера» порождает противоречивые толкования смысла явлений и реакции на окружающую действительность. Поэтому необходимо приобщиться к определенному толкованию культуры, иначе она не выживет. Но так как путаница и смятение характерны «для мышления современного человека», ему ничего не оставляли, кроме подчинения руководителю «общественной группы», приобщения личности к требованиям общественной группы, к ее культурным ценностям. Дабы не допустить враждебного отношения личности к своей общественной группе и не создать опасности революции, руководители наделялись «чувством ответственности, долга по отношению к личности и ко всему обществу». Полицейские силы, сабля и пистолет полицейского украшались блестящей кокардой. Произвольным построением были перечеркнуты репрессии правящих кругов в отношении бастующих рабочих, «охоты за ведьмами», судилища расистов и т. д. Убедив группу в добропорядочности руководителей, можно перейти к «методу убеждения», то есть давать свою оценку реальности, которая должна стать основой поведения.

Возникал еще один манипулятивный прием, связанный с проблемой роли средств информации в формировании общественного мнения. Очевидно, что они играют важную роль в формировании общественного мнения. Но все дело в том, как представить коллективное суждение об общественных событиях. Если исходить из старой посылки буржуазных авторов о том, что «массам свойственна только» восприимчивость, или о том, что общественное мнение складывается путем простого соединения мнений отдельных людей, то открывается путь для отождествления мнения средств информации, подчиненных монополиям, то есть мнений меньшинства, с суждениями большинства.

Могут ли средства информации воздействовать на общественное мнение только эмоциональными призывами? Известно, что переживания в форме эмоций, настроений, чувств связаны с действительностью человека. Однако противопоставление чувственности рациональному как оторванных друг от друга категорий оправдывало манипулятивные действия со стороны средств информации. Склонности, чувства определялись исключительно

но биологическим фактором, и их проявление ставили в зависимость от воздействия средств информации. Последние «управляют приспособлением людей к требованиям общества». Поэтому люди могут под видом убеждения принять заблуждение за правду.

В такой обстановке менялся характер «убеждения», наступает момент, когда включается метод манипулятивного воздействия на основе взаимодействий иллюзий, то есть психологическая обработка. «Поскольку реальная психологическая обстановка — то, что люди думают и чувствуют, — значительно более доступна для воздействия пропагандиста, чем социальная действительность, пропагандист должен, как правило, отдавать предпочтение манипулятивному воздействию на психологию»⁴⁵.

Итак, круг замкнулся. Утверждения о том, что нет общества, в основе жизнедеятельности которого лежала бы идеология, приводили к выводу о неспособности людей познать окружающую действительность, и слепое подчинение установкам средств буржуазной пропаганды превратилось в «закономерность».

Можно ли после всего этого всерьез принимать утверждения о том, что имеются возможности «повышения уровня демократии» внутри США с помощью «этики политических кампаний», «уменьшения напряженности» между различными группами американского общества, борьбы школьных преподавателей против пропаганды?

СРОЧНО МЕНЯЮТ «ОБРАЗ»

На основе рекомендаций «теоретиков» официальные установки правящих кругов США облекались в специальные «экспортные варианты» тезисов ЮСИА. Если до сих пор правящие круги говорили у себя в стране о праве США на мировое господство, о торжестве принципов частного предпринимательства, то теперь стали добиваться того же в других странах, сопровождая их рассуждениями о «свободе и демократии». Ранее они говорили о верности «революционным традициям Америки», теперь же под видом «друзей свободы» помогают за рубежом противникам национального освобождения народов, берут под защиту изменников родины и создают с помощью их «откровений» «правдивые» материалы.

Фасад ЮСИА с первых же практических шагов обставлялся заверениями, что агентство занимается только «информационной деятельностью». Правительственная информационная машина США, утверждал один из руководителей ЮСИА Т. Соренсен, заинтересована в установлении «дружеских контактов» с населением различных стран. И потому она, как он считает, занимается исключительно «информационными и культурными программами». Не обошлось и без фальшивых аналогий. Отчет Информационного агентства за 1971 год открывался цитатой из статьи В. Франклина «К сведению тех, кто собирается приехать в Америку»: «Многие лица в Европе непосредственно или через письма выразили автору этих строк, который хорошо знаком с Северной Америкой, свое желание переехать и устроиться в этой стране. Но они, по-видимому, по незнанию составили себе ошибочное представление о том, чего можно ожидать, и автор считает, что он принесет пользу ...если даст несколько более ясных и более верных заключений об этой части мира, чем те, которые преобладали до сих пор». В цитате опущено важное место: «предотвратит неудобные, дорогие и бесплодные переезды и путешествия неподходящих людей».

Знак равенства между идеями Франклина и деятельностью Информационного агентства США потребовался для заверения, что ЮСИА будет снабжать зарубежную аудиторию «правдивыми фактами о Соединенных Штатах». Что же касается бранного слова «пропаганда», то оно оказывается «навязано» американцам. Позиция: противник наступает, мы обороняемся — оценивалась как наиболее выгодная для манипулирования.

Обратимся же к некоторым фактам, которые показывали истинное лицо «экспортной практики».

Аппарат Информационного агентства, сложившийся после многочисленных перестроек (Информационное агентство США подвергалось реконструкциям семь раз: в 1957, 1962 (дважды), 1965 (дважды), 1967 и 1969 гг.), впитал в себя сотрудинок, основная масса которых, по признанию Соренсена, была воспитана в духе «холодной войны»⁴⁶. Они принесли с собой довольно примитивные формы работы. Порой между дипломатами и пропагандистами перед распределением ассигнований на деятельность агентства возникали перепалки: дипломаты обвиняли ЮСИА в провале международных акций США, сотрудники ЮСИА — дипломатов.

По своему положению в общей системе государственного аппарата США правящие круги всегда держали ЮСИА на коротком поводке. Его структура была построена на системе жесткой внутренней централизации, связанной на высшем и среднем уровне с правительственными органами, ведающими вопросами «психологической войны», с «частными организациями», представляющими интересы монополий.

Связи руководящих звеньев агентства и правительственных учреждений осуществлялись путем координации функций и определения общих задач, а также задач отдельных звеньев агентства в сотрудничестве с соответствующими службами государственного департамента, министерства обороны и ЦРУ.

Материалы «информационных программ» складывались из данных, которые директор ЮСИА получал от президента и совета национальной безопасности, материалов государственного департамента и американских посольств, региональных совещаний в государственном департаменте и ведомственных территориальных групп.

Министерство обороны и ЦРУ направляли руководству ЮСИА сводки, обзоры прессы по районам и проблемам, которые могли быть использованы без ссылки на источники. Во время обсуждения в 1963 году деятельности ЮСИА в конгрессе представитель агентства признал, что его сотрудники поддерживали контакты с американской разведкой на «различных уровнях», на заседаниях межведомственных комитетов, в которых принимали участие представители госдепартамента, ЦРУ, министерства обороны и других ведомств, то есть наряду с «белой пропагандой» ЮСИА вело и «черную пропаганду».

Пентагон получал от агентства «книжки фактов по вопросам общения». Они содержали анализ информационной деятельности по отдельным странам, изложение форм и методов подготовки материалов, средства их распространения.

Тесные контакты существовали с так называемыми «частными организациями». На средства, полученные от монополистических объединений, готовились специалисты, содержались органы печати, радио- и телестанции. К 60-м годам 3300 американских компаний имели за рубежом свои отделения, дочерние фирмы или доли участия. В своеобразных посольствах монополий в зарубежных странах насчитывалось 40 тыс. сотрудников-амери-

канцев и более 3 млн. служащих из числа местных жителей, то есть в несколько раз больше, чем во всей службе госдепартамента и ЮСИА, вместе взятых.

«Американская промышленность, — заявил представитель «Стандард ойл оф Нью-Джерси», — играет важную роль во внешнеполитическом общении». В Венесуэле, например, эта компания оказывала помощь школам журналистики в Центральном и Католическом университетах. Она основала за рубежом журналы на местных языках, в которых наряду с рекламой публиковались материалы об истории, культуре, искусстве, проводились конкурсы местных художников, писателей, поэтов.

Компания ИТТ неоднократно вмешивалась во внутренние дела ряда стран по таким вопросам, как проблема учетных ставок и налогов, национализации возмещений за нее. Как оказалось, в 1959 году чиновники Трухильо в Доминиканской Республике заплатили 750 тыс. долл. представителям «Мючуэл рэдио нетуорк», входящей в ИТТ, за благоприятную для этого режима пропаганду, распространенную под видом новостей.

В 1969 году ИТТ разослала отчет-рекламу. На первое место были вынесены текст и фотографии, рассказывающие о «динамизме» корпорации в исследовании космического пространства, в производстве товаров потребления, бытовых электроприборов и т. д.

На самом деле далеко не мирные цели дали корпорации чистые доходы в 130 млн. долл. О выполнении военных заказов Пентагона — ни слова, тогда как в списке 25 крупных исполнителей заказов Пентагона компания стояла тогда на шестом месте — 766 млн. долл. в 1968 году против 206 млн. в 1965 году.

Не случайно этот отчет довольно широко распространялся за рубежом, поскольку ИТТ имела отношение к зарубежным средствам информации, контролируя 6600-мильный южноатлантический кабель и международную телефонную систему в Европе и на Ближнем Востоке.

Так называемые неправительственные или «частные организации» обладают значительными средствами воздействия на зарубежное общественное мнение. Если подсчитать их общий объем пропагандистской деятельности, включая специальные издания газеты «Нью-Йорк таймс», журналов «Тайм», «Ньюсуик», радио- и телестанций, крупных компаний и корпораций, то он намного превышает правительственную службу как по количе-

ству сотрудников, так и по тиражу печатной продукции, часам радио- и телепередач. Крупные буржуазные газеты и журналы США имеют специальные зарубежные издания. Редакция «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост» выпускают в Париже ежедневную газету «Интернейшл геральд трибюн»; газета «Крисчен сайенс монитор» ежедневно выходит в Лондоне в европейском варианте. Широко распространяются за рубежом журналы «Ньюсуик», «Тайм», на десяти иностранных языках выходит журнал «Ридерс дайджест». На его страницах воспроизводятся статьи американской печати. Тираж журнала превышает 18 млн. экз.

Наиболее крупные газеты организуют подписку на специальные колонки своих обозревателей по наиболее важным политическим вопросам. В частности, газета «Нью-Йорк таймс» имеет 100 подписчиков, газета «Чикаго дейли ньюс» — 70, газета «Вашингтон пост» — 700 (из них 100 за рубежом).

Американская церковь расходует ежегодно 225 млн. долл. на содержание за границей 35 тыс. миссионеров. Им принадлежат 23 радиостанции, ведущие вещание на страны Юго-Восточной Азии, Среднего Востока, Африки и Европы.

«Частные организации» имеют выход и на иновещание. Такие органы «черной пропаганды», как радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа», хотя формально и выступают как неправительственные, возглавляются лицами, связанными с правительственными и монополистическими кругами. Факты подтверждали тесные связи правящих кругов США с этими рупорами клеветы. В 1950 году была проведена кампания по сбору средств в пользу «Свободной Европы». Правительство Соединенных Штатов разрешило распространить сообщение по этому вопросу через почтовую службу США. По признанию Роберта Холта, автора многих передач для «Свободной Европы», данную организацию можно рассматривать «как инструмент американской внешней политики». В своих передачах сотрудники радиостанции используют «факты», которые не имеют ссылки на источники, на реально существующих людей, прибегая к прямым фальсификациям.

Как выяснилось позже, летом 1970 года, финансирование радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа» осуществлялось через Центральное разведывательное управление из секретных фондов для поддержания дея-

тельности этих радиостанций и распространения «информационных сообщений», носящих враждебный характер для коммунизма. За время своей деятельности они получили от американского правительства полмиллиарда долларов. Даже после разоблачений их связей с ЦРУ госдепартамент продолжал настаивать на государственном финансировании этих радиостанций.

Шестидесятые годы были отмечены и активными усилиями военно-промышленного комплекса США по созданию «мировой системы коммуникаций». Крупные монополии, связанные с военно-промышленным комплексом, прикрываясь лозунгом «свободного предпринимательства», рвались к мировым и внутренним рынкам информации. Возникла группа идеологов, призывающая к созданию «мировой коммуникационной системы». «То, в чем мы нуждаемся, — это коммуникационная система, — говорилось в вышедшей в 1961 году книге «Свобода и коммуникации». — Она дает индивидуальным потребителям величайший источник удовлетворения их потребностей в информации, обогащении, усиливает уверенность в личном развитии и автономии их взглядов...»⁴⁷.

Несмотря на то что президент США Эйзенхауэр в обращении к американскому народу вынужден был признать возрастание роли военно-промышленного комплекса, оказывающего влияние на принятие решений на каждом уровне жизни нации, правительство не могло остановить процесса проникновения этого комплекса в средства информации. Напротив, руководители крупных монополий, различные специалисты, занятые разработкой программ для военного ведомства, считали, что внутренняя и зарубежная коммуникационная система США должна отвечать военным целям. «Мы не можем, — говорил Г. Браун — директор исследовательских программ министерства обороны, — рассматривать наши коммуникационные системы как чисто гражданские. Они — необходимые инструменты национальной политики в нашей борьбе за выживание, политики и организаций, отвечающих нынешней обстановке»⁴⁸.

Крупные корпорации постоянно вносят средства на содержание Ассоциации вооруженных сил по вопросам электроники и коммуникаций. Ассоциация принимает также индивидуальные взносы. Среди ее пайщиков такие монополистические объединения, как «Америкен телефон энд телеграф компани», «Дженерал дайнамикс

корпорейшн», «Интернейшнл телефон энд телеграф компани», «Литтон индастри», «Нью-Йорк телефон», «Нос-американен Филипс», «Радио корпорейшн оф Америка», «Вестерн электрик» и др. — всего 150 корпораций США.

В военных контрактах Пентагона было представлено 18 крупных электронных и коммуникационных корпораций. Многие из них одновременно выступали как владельцы ведущих средств информации, «Радио корпорейшн оф Америка» владеет радиотелефонной организацией Эн-Би-Си, «Интернейшнл телефон энд телеграф компани» — Эй-Би-Си. По словам журнала «Вариештэ» (декабрь 1968 г.), «радиотитаны благодаря своим родственным связям практически опутаны военными контрактами, бизнесом в национальном и международном масштабах».

И пропагандистские органы оплачивали затраченные монополиями средства верной защитой устоев капитализма. ЮСИА представляло за рубежом США как страну «народного капитализма», созданную с помощью «преимуществ частного сектора». Большими тиражами издавались книги: «Капитализм — экономический прогресс свободного мира», «Реальная опора американской экономики», «Новый экономический век Америки», «Правда о Соединенных Штатах».

Для малограмотного читателя выпускались книжкартинки. Только в Латинской Америке за шесть месяцев 1963 года было распространено 7 млн. экз. таких книг, «показывающих, что коммунизм — это зло» и «какими путями слаборазвитым странам можно поднять жизненный уровень». Иллюстрация — фотография, рисунок, карикатура... Противники капитализма — жестокие, воинственные лица, озадаченные одним — как бы «поглотить весь мир». Американцы — добрые, отзывчивые, трудолюбивые, готовы защищать развивающиеся страны от «угрозы коммунизма».

Действия сотрудников ЮСИА напоминали трюк. В отношении противной стороны преднамеренное скрытие аргументов и фактов. Своя версия — единственно правильная «истина» в последней инстанции. Социализм, в материалах ЮСИА, был представлен как простая «идея коллективизма», которая якобы подрывает «истинную свободу». Из-за боязни идей подлинного коллективизма грубо извращались все коренные преобразования социализма: социалистические индустриализация и коллек-

тивизация, решение национального вопроса. В «Учебном пособии» ЮСИА «Что такое коммунизм» говорилось, например: «50 лет назад идею о коллективном обществе разделяла небольшая группа людей. Сегодня она одна из могущественных сил в мире»⁴⁹. Коллективизму противопоставлялся принцип капиталистической частной собственности. Естественно, скрывалось, что частная собственность и построенная на ее основе система эксплуатации не предоставляют свободы личности ни в экономическом, ни в идеологическом отношении, что действия человека в капиталистическом обществе регламентируются строгими рамками, что каждый из переступавших их подвергается жестоким преследованиям и вокруг «нарушителей» создается атмосфера «общественного осуждения».

Разорение мелкого собственника, неравенство экономическое и политическое, угнетенное состояние национальных меньшинств — все объяснялось «угрозами» якобы равным возможностям иметь собственность. Необходимость и закономерность замены капиталистической формации выдавалась за угрозу всей нации, всем — богатым и бедным, эксплуататорам и эксплуатируемым, а частная собственность — за всеобщий интерес и всеобщее благо.

До 1917 года буржуазные идеологи предпочитали даже не упоминать о теории научного социализма. Они отмахивались от нее и после Октябрьской революции, предсказывали «крушение планов Кремля». Вслед за победой над гитлеровским фашизмом и тем более в 60-х годах они уже не в состоянии были отрицать успехи в строительстве социализма. Напротив, в печати и радиопередачах часто можно было встретить признания, что Октябрь принес с собой социальные преобразования в России, что в Советском Союзе достигнуты значительные успехи в развитии промышленности, в области культуры и образования. Но подобно тому как в первые годы враги Советской власти провозглашали лозунги — «Советы без коммунистов», так и в 60-х годах апологеты капитализма согласны были на признание успехов русских, но только при условии отбрасывания руководящей роли партии и марксизма-ленинизма в целом.

Рассуждениями об «устарелости ленинизма», об «устарелости руководящей роли партии» они старались нейтрализовать недовольство народных масс капиталистической практикой, погасить огромный и быстрый рост на

Западе, особенно среди молодежи и интеллигенции, интереса к теории и практике социалистического строительства.

Протест масс против политических и духовных установок капитализма потрясал устои империализма. Не всегда он носил осознанный характер, но его мощные волны постоянно накатывались на опоры капитализма. И рядом с «угрозой коммунизма» выбрасывались лозунги «устарелости коммунизма», «устарелости руководящей роли партии», дабы помешать росту политической сознательности трудящихся.

Известно, что сознательное выступление против капитализма основано на глубоком научном знании, раскрывающем общие закономерности общественного развития, неизбежность замены капитализма социализмом. Разработка и внесение элементов сознательной борьбы невозможны без коммунистической партии, учреждаемой, как писал В. И. Ленин, «для борьбы с «мыслями» (читай: с идеологией) буржуазии, для защиты и проведения в жизнь одного определенного, именно: марксистского мирозерцания»⁵⁰.

В. И. Ленин писал о манере буржуа проводить «свои взгляды и пожелания под прикрытием «марксизма», — *очищенного от революционности*. Теоретики буржуазии стремятся «убить марксизм «посредством мягкости», удушить посредством объятий». Они готовы «взять из марксизма все, что приемлемо для либеральной буржуазии, вплоть до борьбы за реформы, вплоть до классовой борьбы (без диктатуры пролетариата), вплоть до «общего» признания «социалистических идеалов» и смены капитализма «новым строем», и отбросить «только» живую душу марксизма, «только» его революционность»⁵¹.

Если раньше буржуазная пропаганда действовала грубо, призывая к открытым выступлениям против Советской власти, то теперь она пыталась прикинуться «советчиком» и «другом» людей, в том числе и в социалистических странах. Под видом объективности она готова была даже подказать социалистическим странам ошибки и недостатки в распределении жилья, качестве строительства и т. д. Как показали события 60-х годов, провалившись в попытках силой ниспровергнуть социалистический строй, империализм перешел к новой атаке. Теперь захват власти изнутри рассматривался как заключительный этап идеологической обработки. В первом эшелоне шли не вооруженные отряды, а проповед-

ники «особых моделей», сторонники «подправления и улучшения» социализма.

В 60-х годах на Западе распространились взгляды, что единственным революционным классом второй трети XX века стала будто бы интеллигенция и университетская молодежь. Рабочие же, где бы они ни были, якобы давно перестали быть эксплуатируемыми и превратились в часть некоего «среднего класса». Провозглашая тезис «об утрате рабочим классом революционности», буржуазная пропаганда пыталась противопоставить рабочих студентам и представителям интеллигенции, которые поднимаются, часто стихийно, против лицемерия и ханжества капиталистических установок. Она хотела изолировать движение протеста молодежи и студентов от борьбы рабочего класса, утопить его в стихийном потоке.

Особую тревогу вызывали успехи советской пропаганды, рост интереса мировой общественности к Советскому Союзу. Можно было встретить признание о том, что «советская пропаганда наиболее эффективна своими обращениями к массам». Сотрудники ЮСИА попадали в трудное положение. Годами они вырабатывали негативное отношение к самому слову «пропаганда». И их обращения к зарубежной аудитории с ложными установками, естественно, вызывали критику. Профессор политических наук Р. Элдер в книге «Информационная машина. Информационное агентство США и американская внешняя политика» признавал: «Американцы не доверяют пропаганде, особенно правительственной, хотя они и одобряют создание правительством сильной пропагандистской машины. Эта машина, которая обходится налогоплательщикам в 170 млн. долл. в год, призвана убедить народы остального мира в том, что политика Соединенных Штатов и их действия благоприятны для него или по крайней мере не приносят вреда его основным интересам»⁵².

Речь шла не об отношении американцев и зарубежной аудитории к самому слову «пропаганда». Дело было в падении престижа Соединенных Штатов за рубежом, в том, что США не могут нести привлекательный образ на базе ошибочной или неадекватной политики и неразумных действий.

Какой же выход из создавшейся ситуации?

Многочисленные рекомендации вновь сводились к ложным отождествлениям политики США, которую сое-

диници с «революцией возрастающих ожиданий» и мирных устремлений других народов.

Примечательно, что демократы и республиканцы, когда они не находились у власти, как правило, выступали с критикой ЮСИА за недостаточно активную пропаганду вообще и антикоммунистическую в частности. В 1964 году республиканцы заявляли, что ЮСИА «должно более активно вести холодную войну на всех фронтах. Необходимо вещать не о ...слабости, а о силе». Информационное агентство призвано вести «психологическую войну» во имя свободы и американизма, против коммунистической доктрины. Приходя к власти, и те и другие наращивали темпы антикоммунистической пропаганды, получая с помощью критики новые финансовые ассигнования на деятельность ЮСИА.

Полемика вокруг деятельности ЮСИА, естественно, не очищала агентство от манипулятивных приемов. Напротив, их становилось все больше и больше. Программа ЮСИА, разработанная в 1967 году тогдашним президентом Джонсоном, содержала довольно откровенные признания. Главное — защита принципа «частных вложений», маскировка расовых антагонизмов путем показа движения США к «расовому и этническому равенству», «программы борьбы с бедностью» и широкого участия американских граждан «в использовании благ американской культуры». Не менее фальшиво звучали и установки в защиту внешней политики США. Призывы оказывать «поддержку международным позициям США» сопрягались с раздуванием «угрозы коммунизма», «военных устремлений коммунистов».

Старая тактика империалистической пропаганды — под видом «угрозы коммунизма» обосновывать незыблемость капиталистических порядков — выражалась в тезисе о том, что «мятежи — одно из средств коммунистов для достижения политических целей». И президент Джонсон давал указания подчеркивать «необходимость сильного правительства» и создания «региональной обороны и сотрудничества».

Этот тезис требовал определенной изворотливости от американских пропагандистов, ведь надо было соединить воедино военные планы правящих кругов с утверждением «американской демократии». ЮСИА обязали изображать Соединенные Штаты «в качестве сильного, демократического, динамического государства, способного руководить усилиями мира, направленными на соз-

дание широкого сообщества свободных и независимых государств»⁵³. Правительственные круги нисколько не смущало, что лозунг «исключительности и могущества США» соседствует с противоположным тезисом «отождествления США с силами прогресса». Два взаимоисключающих пропагандистских стереотипа базировались на одном — стремлении к мировому господству. «Исключительность и могущество США» выражались в попытках оправдать внешнюю политику Соединенных Штатов, а «отождествление США с силами прогресса» — навязать «американский образ жизни» другим народам путем создания «общего рынка идей».

Однако вместо «общего рынка идей» (из-за отсутствия такового в реальной жизни) менялась декорация фасада-«образа» Соединенных Штатов. В него вплетались некоторые элементы критики, а вернее манипуляции с помощью критики. В начале 60-х годов ЮСИА обходило молчанием расовые конфликты в Соединенных Штатах. Органы печати различных стран Азии, Африки и Латинской Америки вместе с органами печати других стран выражали солидарность с требованием угнетенных национальных меньшинств Америки предоставить им равные права с белыми. В такой обстановке «образ стабильного американского общества» выглядел откровенной фальсификацией.

Когда же руководство ЮСИА получило указание «обратиться к трактовке расовых волнений в США», то оно стало приглушать критику США за рубежом, изображая негров как «равных участников многоликого американского общества», а «расовые отношения» — как «продукт политики национальной концепции равных прав для всех». ЮСИА рассказывало о неграх — докторам, инженерах, писателях, композиторах, артистах, о количестве негров, обучающихся в высших учебных заведениях США, о количестве автомобилей, холодильников, стиральных машин и телевизоров, принадлежащих на негритянские семьи, жизнь которых якобы не отличается от стандартов жизни белого населения. На выставки за рубежом направлялись фотографии, рисующие идеальные картины жизни американских негров, книга «История успехов в Америке». В ней приводились биографии негров, добившихся «равноправного положения в американском обществе». Подъем негритянского движения в США наблюдался в 1967 году и шел по возрастающей линии в последующие годы. ЮСИА была дана директи-

ва сообщать «некоторые детали о расовых бунтах», сохранив некоторое правдоподобие.

Лето 1968 года принесло еще более острую вспышку протестов. В Мэмфисе был убит доктор Лютер Кинг. Средства информации США не скрывали, что Америка стоит на пороге гражданской войны.

В сообщениях же на зарубежные страны преобладали иные мотивы. В информациях об убийстве доктора Кинга всячески раздувалось «глубокое горе» официальной Америки, противопоставление правительственных позиций умеренности насильственным действиям «бунтовщиков». Протесты негритянского населения в сообщениях ЮСИА выглядели как «рядовой бунт» не столько против убийства Кинга, сколько «во имя разрушения и ограбления».

Из аппарата ЮСИА выходили материалы типа «Изменившийся Юг», вопросы и ответы «О прогрессе негров в США», о «Росте политической власти черных». Была выпущена инструкция о том, как подавать мировой общественности суд над Анджелой Дэвис, дабы «доказать», что ее «обвиняют в убийстве, похищении оружия и заговоре» и что «эти обвинения справедливы». Впоследствии даже судьи вынуждены были отказаться от ложных фактов.

Примечательно, что при каждом обострении расовой проблемы в Америке ЮСИА, как и американская буржуазная пресса, активизировало искусственное нагнетание «угрозы коммунизма». Комиссия палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности, юридическая комиссия сената в 1967 году представляли протесты национальных меньшинств как «результат коммунистического заговора», чтобы оправдать карательные действия в отношении борцов за гражданские права.

Между тем в материалах на страны Азии, Африки и Латинской Америки ЮСИА говорилось об «изменении характера американского общества». Оно якобы не имеет ничего общего с капитализмом XIX века. Вместо слова «капитализм» вводился термин «послекапиталистическое общество». Это общество, дескать, устранило концентрацию капитала в одних руках, обеспечило «всеобщее благоденствие», «перераспределение национального дохода в пользу трудящихся». В «послекапиталистическом обществе» стирались грани классовых противопоставлений, не существовало противоречий между бога-

тыми и бедными. Есть только «противоречия между людьми с высшим образованием и лицами, не имеющими образования». И наконец, раз «послекапиталистическое общество» устранило все противоречия, то причина внутренних конфликтов Америки не в капиталистической действительности, а в проведении в жизнь «неоправданно обширных программ благосостояния».

Крушение агрессивных военных планов США, критика опасных планов создавали трудности для аппарата ЮСИА. Внутри США и за рубежом все резче звучало осуждение в адрес тех, кто привел страну к ошибочным действиям. Все громче звучали голоса о том, что Соединенным Штатам следует научиться улаживать разногласия без войны и что политические иллюзии привели правящие круги к ряду ошибочных решений и действий. Они имели полное основание утверждать, что взгляды откровенного антикоммунизма порождают страсти, страхи, позволяют политику не углубляться в анализ, а рядовому избирателю не утруждать себя размышлениями». В правящих кругах бытовала иллюзия, что все вопросы на мировой арене следует рассматривать сквозь призму оружия, силы и угрозы коммунизма. Раздавались утверждения о намерении Советского Союза завоевать весь мир. Но они не несли в себе каких-либо доказательств.

Примеры пропагандистских служб вели поиск новых приемов. Он шел в двух основных направлениях: более активно использовать радиослужбу (как средство, которое легко проникает через национальные границы) и несколько укрепить агентство и расширить арсенал используемых средств. «Бескровная борьба за влияние и предпочтение, — отмечал тогдашний директор ЮСИА Шекспир, — быстро переходит из тиши дипломатических кабинетов на широкий простор радиоволн»⁵⁴.

Дипломаты и пропагандисты в условиях широкой популярности принципов мирного сосуществования не могли не считаться с критическим отношением общественного мнения к американской внешней политике. Росло критическое отношение к американским книгам, печатным материалам. Поэтому радио выводилось на передний край.

Изменились и некоторые функции ЮСИА. По своему положению директор агентства был приравнен к членам кабинета и получил право на прямые контакты с президентом США. Ему же предоставили право на разработку «чрезвычайной информационной деятельности за ру-

бежом». В случае необходимости своим решением, при консультации с президентом, директор мог создавать «специальные организационные структуры» для срочных пропагандистских операций. На руководителя ЮСИА было возложено также представление материалов о реакции за рубежом на политику, программы и официальные заявления руководителей Соединенных Штатов, он выступал представителем США в координации деятельности с информационными службами союзников США. Подобные контакты начали проводиться с 1951 года с руководителями британской службы пропаганды, с 1961 года — с представителями ФРГ⁵⁵. Раньше в ряде случаев с антикоммунистическими, антисоциалистическими тезисами выступали органы печати Англии, а затем эти материалы переходили в другие страны, в том числе и в США. Буржуазные пропагандисты США как бы стояли в стороне, ограничиваясь заявлениями «солидарности». Иногда происходили перестановки. Начинали США, им вторили союзники.

В подготовке материалов для органов ЮСИА принимали участие многие ученые и научные учреждения США, Англии и других стран, радиостанция «Свободная Европа». Среди авторов журнала «Проблемы коммунизма», одного из главных изданий агентства, можно встретить экспертов из Гарвардского, Вашингтонского, Мичиганского, Корнэльского университетов, школы восточных и африканских исследований Лондонского университета, Лондонской школы экономических и политических наук и др.

Получив «новые права», руководство ЮСИА начало вытравлять «либеральные тенденции». Директором радиостанции «Голос Америки» стал миллионер из штата Алабама Кеннет Гидденс, связанный с «Обществом Джона Берча»; редактор консервативного журнала «Нэшнл ревью» Уильям Баккли был введен в консультативную комиссию ЮСИА, которая координировала пропагандистскую деятельность агентства. Сместили редактора журнала «Проблемс оф коммунизм»: вместо А. Брумберга этот пост получил руководитель библиотеки конгресса США Теодор Фрэнкел.

Тогдашний директор ЮСИА Фрэнк Шекспир «вытравлял слишком укоренившийся в агентстве либерализм». Весьма уважаемый сотрудник ЮСИА, действующий в одной коммунистической стране, сообщал журнал «Тайм», был освобожден от своих обязанностей, так как

его сочли слишком академичным в дипломатии и недостаточно активным. Редактор еще одного журнала ЮСИА был предупрежден, что его освободят от занимаемого поста, если он не оставит свои опасно либеральные позиции.

Была проведена очередная чистка книг, предназначенных для распространения за границей. В «черный» список попали книги писателей Джона Апдайка, Нормана Мейлера, экономиста Джона Кеннета Гэлбрайта и др., поскольку они «не превозносили американские идеалы». Зарубежным отделениям ЮСИА рекомендовано было иметь в библиотеках «консервативные книги», включая сборник речей губернатора Р. Рейгана, сенатора Б. Голдуотера и др.

Руководство ЮСИА стало заполнять важнейшие посты сотрудниками, которые работали в столицах коммунистических стран, рассматривая эту меру как шаг по «усилению борьбы с социалистической идеологией»⁵⁶.

Спустя два года, в 1972 году, Ф. Шекспир был освобожден от обязанностей директора ЮСИА. Газета «Нью-Йорк таймс» в редакционной статье отмечала, что прежний директор «своим резким подходом к разъяснению политики США за рубежом в духе пропаганды жесткого курса раздражал иностранцев, деморализовал старых сотрудников агентства и не раз ставил американскую дипломатию в неловкое положение». Вместе с тем в статье подчеркивалось, что назначение на пост директора ЮСИА Джеймса Кио (бывшего специального помощника президента, сотрудника журнала «Тайм») «не позволяет надеяться на то, что в будущем изложение точки зрения США за рубежом станет носить более уравновешенный и сдержанный характер... Настало время Соединенным Штатам понизить свой голос, равно как и изменить свой образ»⁵⁷.

В новой обстановке, характеризующейся ростом идей мирного сосуществования, авторитета мирового социализма, монополистическим кругам стало значительно труднее распространять облыжный лозунг «угрозы коммунизма» с его старым оформлением в виде «стремления Советов напасть на США», а принципы мирного сосуществования представлять как «ловушка Кремля» и т. д.

Вместе с тем материалы буржуазной печати США показывали, что правящие круги не собирались сдавать в архив тезисы антикоммунизма. Напротив, по мере рас-

пространения идей мирного сосуществования идеологическая борьба обострялась. Заметно было разделение пропагандистских действий между правящими кругами и средствами информации. Если первые стали несколько сдержаннее в официальных заявлениях, делали основной упор на «мирную инициативу США» с выходом на старый тезис прославления американизма, то вторые подняли шум о том, что «Советский Союз заполучил лучшую часть переговоров», что, хотя «Советы и не собираются напасть на США», они не изменили своих «агрессивных намерений». По линии ЮСИА на зарубежные страны увеличился поток материалов, фальсифицирующих принципы «социалистической демократии» и т. п.

Уже сами по себе эти факты говорили о продолжении кризиса американской пропаганды. Подобная тактика создавала все новые и новые трудности. Противоречивые тезисы «мирной инициативы» и антикоммунизма принесли с собой элементы новых провалов пропагандистской машины США.

В целом применение различных приемов манипулирования не всегда развивалось по схемам «теоретиков». Они формировались в недрах пропагандистского аппарата как ответ на потребность защиты внешнеполитической стратегии империализма. Поэтому по внешней форме этот процесс иногда носил стихийный характер. Однако суть дела в том, что любой из приемов зарубежной пропаганды США, подсказанный «теоретиками», внедренный практиками или заимствованный из политической реальности капитализма, в итоге выражал стремление скрыть истинную природу капиталистического общества, создать иллюзорный «образ» капитализма, подорвать политические и идеологические основы социалистических стран.

НЕ МОГУТ ДАТЬ ЧЕСТНЫЙ И ОТКРОВЕННЫЙ ОТВЕТ

Агрессия США во Вьетнаме всколыхнула американское общественное мнение, вызвала не только кризис доверия к политике Вашингтона, но и к средствам информации. Все больше и больше людей стали понимать, что война во Вьетнаме породила жестокий политический и моральный кризис. На книжном рынке США выходят исследования, которые частично раскрывали и осуждали механизм манипулирования сознанием людей.

Правящие круги и верные им средства информации главные усилия прилагали к восстановлению рушившихся идеалов и установок, чтобы люди быстрее забыли позор агрессии США во Вьетнаме.

С запозданием ведущие средства информации ринулись в разоблачение истории войны, в раскрытие некоторых политических махинаций. А рядом звучали традиционные лозунги «демократии» и «свободы», тщательно затушевывая истинные пружины, приведшие в действие механизм критики.

ПРЕСТУПНАЯ ВОЙНА И СРЕДСТВА ИНФОРМАЦИИ

Позорная война во Вьетнаме подстегнула интерес общественности к средствам информации и выявлению их роли в обществе. Появившиеся на книжном рынке США работы вводили читателя в сложный и подчас закрытый от постороннего закулисный мир печати, телевидения и радио, мир, привлекающий все

большее внимание широких слоев населения и отнюдь не только специалистов¹.

Первоначально вспыхнувшая надежда, чуть было не возродившая легенду о буржуазной прессе как бесстрашном критике социальных недугов, быстро уступила место еще большему разочарованию. Ибо даже простое сопоставление реальных событий с их отражением в печати и по телевидению выявило все углубляющуюся пропасть между постоянно декларируемыми идеалами служения обществу, делу свободы и правды, с одной стороны, и непосредственно существующей практикой полуправды и полуобмана, тонкой фальсификации и односторонней информации — с другой.

Вновь, в который уже раз, перед профессиональными исследователями и общественностью встали старые вопросы:

— Так ли отважна буржуазная печать в своей критике социальных недугов капитализма и способствует ли она излечению его?

— Говорит ли она «правду и только правду» или же манипулирует общественным мнением?

— Свободна ли она, наконец, в своих действиях или же выступает, по сути дела, служанкой монополий?

Отвечая на эти вопросы, одни авторы утверждали, что журналистика разрушительна, подчеркивает из-за своего цинизма только плохое, полна предрассудков и жаждет сенсаций. Другие выстраивали аргументы в защиту свободы буржуазной печати. Третьи подчеркивали, что лишь общественные условия определяют направления и характер средств информации.

Среди тех, кто высказывался наиболее критически, был специалист в области американской пропаганды Герберт Шиллер. «Управляющие американскими средствами информации, — писал он в книге «Обработка умов», — создают, обрабатывают, совершенствуют и контролируют... сведения, которые определяют наши убеждения и позиции, а в конечном счете наше поведение»². Анализируя практику буржуазной прессы, телевидения и радиовещания, Г. Шиллер определял методы их работы как «манипулирование сознанием».

Вопрос о характере буржуазной пропаганды, о зависимости средств информации от большого бизнеса, конечно же, не случайно оказался в центре внимания многих исследователей. Мир менялся с поразительной быстротой. Ускорение темпов общественного развития,

экономическая и социальная неустойчивость капиталистического общества, изменение в соотношении сил на международной арене в пользу социализма — все это предопределило крах многих прежних идеологических установок буржуазии. Одновременно еще разительнее выявлялся тот исторический факт, что общество, где господствует частная собственность, не способно сделать обстоятельства жизни людей человеческими, что в силу своего положения буржуазия не может дать честный и открытый ответ на коренные проблемы современности, и именно поэтому она все чаще прибегает к фальсификации, обману и самообману.

Показательно, что ряд авторов, хотя они, возможно, и не признали бы приведенную выше оценку в ее полном объеме, подвергали резкой критике антикоммунистическую истерию, квалифицируя ее как один из самых злонамеренных методов манипулирования общественным сознанием. Преподаватель Нью-Йоркского университета Джемс Аронсон, в прошлом долгие годы работавший журналистом и, естественно, хорошо знавший практику средств информации, подробно описывал, как организовывались поездки во Вьетнам ряда журналистов для подготовки ура-репортажей об успехах, которых на самом деле не было. Он касался и такого деликатного вопроса: насколько действительно отважными были печать и телевидение в разоблачении преступной войны? Признавая мужество отдельных журналистов, Аронсон тем не менее подчеркивал, что лишь немногие, особенно в первый период войны, выступали за вывод войск из Вьетнама. В 1968 году газета «Бостон глоб» провела опрос среди 39 главных редакторов американских газет, выходящих общим тиражом в 22 млн. экз., относительно взглядов на войну во Вьетнаме. И, как выяснилось, лишь некоторые из них критически относились к войне, но ни один не высказался за вывод американских войск из Вьетнама. Мало того, они «хотели видеть эту войну выигранной»³.

Мечтая о победе, средства информации выбирали соответствующие объекты обработки, апеллируя к так называемому среднему классу, торговцам, лавочникам, владельцам домов тихой улицы «элм-стрит», встречающейся в каждом небольшом американском городе. Они боятся социальных волнений, выражают недовольство бурным проявлением протестов негров, озабочены могуществом преступных синдикатов, широким распростра-

нением наркомании среди молодежи, разгулом непристойности в театре и кино, нарушением этических норм в руководящих эшелонах правительства и бизнеса⁴.

Запуганный ужасами капитализма житель «элм-стрит» проглатывал и ложь об «угрозе коммунистов». Для него коммунисты представлялись чужаками, которые только и заняты тем, чтобы взорвать быт его тихой улицы. Из этой же среды выходили «герои» типа лейтенанта Колли. Один из очевидцев в телевизионной передаче 24 ноября 1969 г. рассказывал: «Мы собрали в центре деревни 40—45 человек — мужчин, женщин, детей. Лейтенант Колли открыл по ним огонь. Он приказал стрелять и мне. Я нажал на спуск. Возможно, убил 10—15 человек... Потом мы стали собирать больше людей: 70—75 человек. Лейтенант спихивал их в овраг и стрелял из автомата в мужчин, женщин, детей».

Пентагон потратил немало усилий для защиты Колли от гнева общественности. В газетах, листовках, телепередачах, оплаченных военным ведомством, воинствующий садист представал как «герой», который «собственноручно убил 100 коммунистов», за что ему «следовало бы дать медаль и возвести в чин генерала». Падкие на наживу фирмы спешили увековечить «боевой гимн лейтенанта Колли» на пластинке, распространенной тиражом 300 тыс. штук.

Не лучше Колли вели себя и другие «герои». Позднее общественность узнаёт о письмах американских солдат. «Сегодня, — говорилось в одном из них, — мы участвовали в операции. Но я не могу сказать, что испытываю чувство гордости за себя, своих друзей или моих коллег. Мы сжигали каждую хижину, встречавшуюся на пути... Мой приятель вначале кинул гранату в хижину. После взрыва мы обнаружили женщину с двумя детьми — мальчиком и девочкой 6—12 лет, тела убитых. Мы сожгли и эту хижину. Было ужасно».

Бомбовые удары США на мирное население унесли многие жизни ни в чем не повинных людей. На каждую квадратную милю Северного и Южного Вьетнама было сброшено 12 т бомб. Разрушены все провинции. Более 2 млн. человек остались без крова⁵.

Варварские методы ведения войны подкреплялись специально сфабрикованными стандартами пропаганды. На фоне ложной угрозы «национальной безопасности» США, путем искусственного нагнетания страха, подозрения, ярости внимание привлекалось не к жертвам вар-

варских бомбардировок территории ДРВ, а к «подвигам» американских солдат. На этом фоне выстраивались и соответствующие лозунги духовной обработки: «поражение во Вьетнаме через несколько дней приведет к столкновениям в Сан-Франциско»; «США — великая страна и не оставит в беде своих друзей»; «только победа обеспечит национальную безопасность США».

По мере нарастания антивоенных протестов усиливались репрессии.

22 апреля 1970 г. погиб студент Калифорнийского университета Кевин Моран.

4 мая 1970 г. от пуль национальных гвардейцев пали четверо студентов Кентского Университета.

16 мая 1970 г. в Джексоне полиция открыла огонь по антивоенной демонстрации. Двое студентов убито, девять — ранено⁶.

В средствах информации число «врагов», внутренних и внешних, все возрастало. Они становились все более опасными и поселялись почти в каждом человеке. Ни печать, ни «лидеры мнений» не оставляли американцам достаточного количества времени на размышления, обходя стремление людей к здравомыслию, к анализу и сопоставлению фактов. Они действовали по принципу «сгущения красок», преувеличения, создания обстановки беспокойства. За возбуждением «сильных чувств» следовало соединение обостренных чувств и эмоций. Если на какое-то время эта тактика и давала свои плоды, то за счет эксплуатации беспокойств, порождаемых капиталистическим обществом. Искусственное соединение страха и беспокойства с движениями протестов, выступлениями студентов и негров применялось для того, чтобы абстрагировать определенные слои общества от действительности, обострить чувства обывателя, запугать его страхами и угрозами.

Человеку в такой обстановке трудно отделить правду от искажений, сомнительную сенсацию — от действительно важного события. Занятый своими заботами, он не успевал освоить всего потока информации. Его приучили смотреть на информацию как на развлечение, где сенсации потакали нетребовательным вкусам, потрясали своим цинизмом, мелодраматическими сюжетами, обнаженностью пороков и недостатков. Привычка к восприятию информации как развлечения переносилась и на международные события. Поэтому в лучшем случае потребитель информации знакомился с заголовками первых по-

лос и колонок обозревателей. На чтение международных новостей американцы тратили в среднем 2,5 минуты в день. Не случайно, что при значительных тиражах газет, журналов многие не знали даже основные внешнеполитические акции США и их союзников. Причины такого положения следовало искать не во внутренней природе американского читателя, не в его «воображениях», а в той системе обработки, которой он постоянно подвергался.

Даже сами буржуазные органы печати позднее признают, что ими прилагались особые усилия, дабы представить войну во Вьетнаме чем-то объективным, закономерным. Такие словесные конструкции, заполнявшие официальные заявления, доклады, как «регулярные воздушные удары», ограниченные по времени и предпринимаемые в порядке «защитной реакции», «ограниченная воздушная преграда», «наша цель — не война, а мир», «умиротворение» и т. п., относились к «затуманивающей смысл терминологии»⁷.

Носителями затуманивающей смысл терминологии выступали также открытые и скрытые агенты Пентагона, ЦРУ и ФБР. «Репортеры и фотографы оборачивались агентами ФБР на внутреннем фронте и агентами ЦРУ на внешнем, когда сотрудники армейской контрразведки под видом корреспондентов засылались во Вьетнам для слежки за настоящими репортерами»⁸.

В самом Южном Вьетнаме американские службы информации в лице ЮСИА выступали организаторами и исполнителями «психологической войны» с ее жестокостью и репрессиями против мирных жителей. В апреле 1965 года президент США Л. Джонсон поручил ЮСИА проведение психологических операций во Вьетнаме. Координация и избрание каналов подрывных действий против вьетнамского народа возлагались на межведомственную рабочую группу по вопросам психологических операций под руководством вначале помощника директора, позднее — заместителя директора ЮСИА. В нее вошли представители госдепартамента, Белого дома, ЦРУ, министерства обороны. Под вывеской так называемого объединенного управления по связям с общественностью осуществлялись «все психологические операции во Вьетнаме»⁹.

Политика «вьетнамизации» касалась не только политических аспектов, но и области пропаганды. В содружестве с военными и разведывательными органами США

ЮСИА готовило и оснащало специальные отряды психологических операций. Сам характер войны США во Вьетнаме определял и ее формы: уничтожение мирных жителей, безжалостные бомбардировки деревень и городов, жестокость и насилие, выжигание напалмом лесов и полей. Такие «подвиги» бралось прославить ЮСИА.

Объединенное управление по связям с общественностью, как свидетельствуют материалы американского конгресса, распространило свои действия и на южно-вьетнамские вооруженные силы. Потому бюджет управления складывался не только из ассигнований ЮСИА, но и других ведомств. По линии министерства обороны поступило в 1970 году 2,1 млн. долл., из «программы военной помощи» — 2,4 млн. долл.

На местах управление опиралось на «совместные американо-вьетнамские психологические комитеты», созданные в 34 провинциях Южного Вьетнама; 761 американский специалист по вопросам «психологической войны» совместно с сотрудниками этих комитетов организовал «курсы поведения» для сельских полицейских, то есть практически ЮСИА содействовало карательным действиям сил марионеточного режима и американских войск против местного населения.

Внутри Южного Вьетнама осуществлялась «американизация» местных средств пропаганды. Советники США направляли работу министерства информации, радио и телеслужбы Южного Вьетнама, принимали меры к пресечению малейшей оппозиции в южновьетнамской печати. В 1968—1970 годах в Южном Вьетнаме было закрыто 18 газет, 16 — подверглись «временным запретам». Чиновники объединенного управления, американские советники ежедневно проводили заседания с представителями министерства информации Южного Вьетнама, «инструктировали» их насчет характера пропагандистских материалов, которые следует распространять, редактировали статьи и радиопередачи. Специальное подразделение управления имело отдел, который вел «психологическую радиовойну». Варварские бомбардировки территории ДРВ сопровождалась распространением листовок, призывающих к капитуляции.

Практически в Южном Вьетнаме издания ЮСИА представляли единственный источник информации. Еженедельник ЮСИА «Вьетнам сегодня» (тираж 600 тыс. экз.) распространялся силами американской армии

(300 тыс. экз.) и министерством информации Южного Вьетнама. Двухнедельник «Свободный Юг» (тираж 1,3 млн. экз.), как и «Вьетнам сегодня», прославлял «подвиги» американских солдат, «политику вьетнамизации» и т. д.

Основная часть пропагандистской литературы готовилась в Манильском региональном центре ЮСИА. В Южный Вьетнам доставлялся двухнедельник «Душа сельской личности», подготовленный для малограмотного читателя. В нем доказывалась необходимость борьбы с коммунизмом, прославлялась «помощь США в развитии Южного Вьетнама». Брошюры «Что такое Вьетконг», «Вьетнам: за полем битвы», «Вьетнамизация — поиск мира», «Вьетнам, 1970» распространялись не только в Южном Вьетнаме, но и в других странах — Индонезии, Новой Зеландии, Австралии, Малайзии, Израиле, Голландии, Ливане, Швейцарии, Бельгии и др. Их авторы пытались оправдать американскую агрессию, «политику вьетнамизации», доказать существующую якую угрозу национальной безопасности США». В этих же целях за счет США проводились поездки избранных групп журналистов из западных стран в Южный Вьетнам.

Внутренний и внешний рынок США заполнился фильмами и телепрограммами: «Ночь дракона», «Молчаливое большинство», фальсифицирующими протесты американской общественности против войны во Вьетнаме.

Радиостанция «Голос Америки» с сентября 1965 года увеличила передачи на вьетнамском языке. В Южный Вьетнам были доставлены транзисторы с фиксированной программой, которые позволяли принимать передачи «Голоса Америки» или сайгонской станции.

Несмотря на все усилия, ЮСИА не смогло оправдать агрессию против народов Вьетнама. Еще в 1967 году опросы, проведенные в 11 странах, показали, что даже «прочные друзья Америки» высказывались за вывод американских войск. Не удалось обмануть общественность в утверждении о доброжелательном отношении населения Южного Вьетнама к американским войскам. При обсуждении деятельности агентства в Южном Вьетнаме руководитель объединенного управления заявил, что ЮСИА не проводило опросов местного населения об отношении к американским войскам. Вскоре газета «Вашингтон пост» сообщила, что «секретные обследо-

вания выявили ненависть вьетнамцев к США». Результаты опроса были засекречены, чтобы американский народ не узнал, к чему привела агрессия США. Присутствие американских войск принесло огромные человеческие и материальные жертвы, привело к падению морали, грабежам, взяточничеству, продажности, торговле наркотиками, к росту преступности в Южном Вьетнаме¹⁰.

Агрессия США во Вьетнаме показала, что политика «с позиции силы» не дает никаких преимуществ. Напротив, она нанесла удар по престижу США, обострила внутренние конфликты американского общества. Она заставляла задуматься о причинах посылки американских войск во Вьетнам, о причинах болезненного состояния американского общества.

Беспокойство охватило различные слои населения. «Для многих американцев, — признавал Р. Барнет в книге «Корни войны», — жизнь на ферме, в узком семейном кругу, в укоренившейся общине закончилась»¹¹. В ходе агрессии во Вьетнаме потрясения в той или иной степени затронули многих. Одни потеряли своих близких, другие оказались в рядах протестующих. Антивоенные демонстрации охватили всю Америку. Ветераны войны отказывались от наград, призывники сжигали повестки. В рядах демонстрантов объединялись люди различных профессий, цвета кожи.

Политические деятели, идеологи, пропагандисты сходились в одном — агрессия во Вьетнаме обнажила социальные болезни американского общества. Америка была «охвачена уникальным, многогранным кризисом», особенно среди молодежи, которая «не находила приложение своим силам и умению, возмущена разрывом между провозглашенными лозунгами и практическими делами. Молодежь видит, что в стране проповедуют демократию, а практикуют расизм...». Она видела, что «богатейшая страна» не может искоренить нищету, что «страна ведет несправедливую и аморальную войну». Было замечено и развращающее влияние средств информации, которые «уводили людей от общественных интересов», «затрудняли ориентировку человека в окружающем мире», «заслоняли окружающий реальный мир»¹².

Складывалась угрожающая обстановка не только для всей политической системы, но и для средств информации. «Кризис доверия» затрагивал Белый дом,

конгресс, владельцев газет, радио- и телецентров. И средства информации с запоздалой реакцией выступили с разоблачением истории агрессии США во Вьетнаме, призывая теперь к быстрейшему окончанию войны. Только понимание неизбежного провала военной авантюры заставило многих издателей пересмотреть свои позиции. Однако поворот средств информации в сторону критики агрессии США во Вьетнаме был в определенной степени вынужденным, а мужество издателей — запоздалым.

13 июня 1971 г. газета «Нью-Йорк таймс» вышла под сенсационным заголовком: «Главные моменты доклада Пентагона о Вьетнаме». На основе 47 томов документов, хранившихся в сейфах министерства обороны США под грифом «секретно» и «совершенно секретно», газета описала историю о том, как втайне от конгресса, от общественности правящие круги США готовили войну против Северного Вьетнама, как был инсценирован так называемый инцидент в Тонкинском заливе.

На следующий день — публикации были продолжены. Читатели узнали, как в Белом доме в феврале 1965 года принималось решение начать бомбардировки территории Северного Вьетнама.

Белый дом делает все, чтобы не допустить разглашения секретных документов Пентагона. 15 июня министр юстиции Митчелл в письме владельцу «Нью-Йорк таймс» требует прекратить публикацию материалов, ссылаясь на то, что они содержат информацию, касающуюся национальной обороны Соединенных Штатов, и имеют гриф «совершенно секретно». Министр писал, что оглашение подобных материалов «запрещено положениями закона о шпионаже, часть 18 Свода законов Соединенных Штатов, раздел 793», что оно «причинит непоправимый ущерб интересам обороны Соединенных Штатов».

Пока суд рассматривает вопрос, газета «Вашингтон пост», а затем «Бостон глоб» продолжают начатое «Нью-Йорк таймс».

30 июня — Верховный суд США шестью голосами против трех разрешает газетам «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост» публиковать материалы, основанные на секретных материалах Пентагона.

«Оргия правдивости» потрясла общественность. Оказалось, что ей врали официальные лица, законодатели, органы печати. Ее втянули в войну, которая унесла

350 тыс. убитых и раненых, обошлась растратой 120 млрд. долл., привела к политическому и моральному позору Америки. Стало ясно, что так называемое информирование общественности США на деле оборачивалось грубой фальсификацией. Президенты, министры говорили одно, а делали другое; распинались о мире, о защите «национальных интересов США», а сами готовили войну против Демократической Республики Вьетнам. Обнаружилось, что конгресс США на основе ложной информации принял Тонкинскую резолюцию, оправдывающую начало бомбардировок территории Северного Вьетнама. Вторжение двух американских эсминцев в территориальные воды ДРВ в июле 1964 года было выдано за нападение вьетнамских торпедных катеров на американские суда в международных водах. Оказалось, что данный «инцидент» входил в заранее разработанный сценарий развязывания войны против ДРВ.

Бомбовые удары по вьетнамским городам и селам, применение напалма, введение в боевые действия соединений американской армии сопровождалось разжиганием военного психоза, лживых угроз, призывами к поддержке американской «стратегии победы, чего бы это ни стоило».

Многие факты, содержащиеся в документах Пентагона, не были откровением для мировой общественности. В материалах, опубликованных в Советском Союзе, Демократической Республике Вьетнам, других социалистических странах, неоднократно указывалось на провокационный характер действий США, пагубность политики «с позиции силы», на лживость тезиса об «угрозе коммунизма». Средства информации США утаивали правдивую информацию. И, когда агрессия довела американское общество до крайней черты, в США стали искать средства ослабления напряженности, пути выхода из позорного тупика.

Публикуя документы Пентагона, средства информации не забывали и об ограничительных фильтрах. Комментаторы, владельцы газет, журналов, телевизионных станций пытались доказать, что разглашение «секретов Пентагона» — это еще одно свидетельство свободы печати, американской демократии, которая освобождает политическую жизнь от отдельных ошибок и недостатков. Но в погоне за «правдивостью» средства информации многое не договаривали, они не раскрывали многие

закулисные причины действий «Нью-Йорк таймс» и других ведущих американских газет.

Ведь незадолго до этого «Нью-Йорк таймс» занимала иную позицию насчет действий Белого дома в сложные для Америки времена, в том числе и в отношении агрессии США против Вьетнама, изменяя своему девизу «печатать все новости, которые того заслуживают».

В 1960 году газета узнала о шпионских полетах американского самолета «У-2» над территорией Советского Союза за несколько месяцев до того, как был сбит пилот шпионского самолета Пауэрс.

В 1961 году «Нью-Йорк таймс» загодя узнала о готовящемся вторжении США на Кубу, но ничего об этом не писала, упорно хранила молчание.

Руководители газеты отказались помещать репортажи Дэвида Хальберстама из Южного Вьетнама, выдержанные в пессимистических тонах, относительно войны во Вьетнаме. Этого хотел официальный Вашингтон, и «Нью-Йорк таймс» строго выполняла рекомендации, убрав этого корреспондента из Вьетнама.

Газета «Нью-Йорк таймс», входившая в крупное монополистическое объединение, всегда выступала в защиту американской системы, умело отбирая нужную информацию. «Только непрерывное воздействие день за днем, — отмечал один из сотрудников газеты Г. Эррет, — заставляет читателя бессознательно воспринимать оценку новостей, которую дает «Нью-Йорк таймс», то есть читать с наибольшим интересом и вниманием то, что выделяется газетой, и обращать меньше внимания на то, чего газета не выделяет»¹³.

И вдруг такая смелость, поддержанная другими газетами, Верховным судом США. Если верхушка айсберга «правдивости» украшалась славницей в честь «свободы печати», то большая, подводная часть имела иной смысл.

Война во Вьетнаме вызвала недовольство ведущих представителей делового мира США. Первоначально обильные военные заказы Пентагона воспринимались как вполне оправданные и справедливые. Большая их часть попадала в карманы военно-промышленных монополий. Пять компаний («Дженерал дайнэмикс», «Локхид эйркрафт», «Дженерал электрик», «Юнайтед эйркрафт», «Макдонелл-Дуглас корпорейшн») получили около 21% всех военных заказов. Не внакладе остались

и другие монополии: «Америкэн телефон энд телеграф», «Форд мотор компани», «Дженерал моторз» и др.

Однако по мере расширения агрессии экономика США стала испытывать значительные трудности. Возрос дефицит платежного баланса, падал курс доллара. Обещанное экономическое процветание на основе агрессивной войны оборачивалось тяжелыми последствиями. Представители делового мира не столь единодушно встречали призывы к продолжению войны. В середине 1967 года создается организация «Бизнесмены за мир во Вьетнаме», в которую вошли представители крупных банков, страховых компаний. Они опасались, что война во Вьетнаме не даст никаких шансов на успех, отвлекает средства от других сфер приложения, особенно в Западной Европе, на Ближнем Востоке и других регионах¹⁴.

Обнаруживались и другие причины — обострение конкурентной борьбы между крупными монополистическими объединениями. Взбужшие на военных заказах бизнесмены обращали взоры на менее слабые компании, подчиняли их себе. Монополии, связанные с республиканской администрацией, получали определенные привилегии. Хотя в документах Пентагона содержались материалы о том, как республиканцы и демократы совместно вели подготовку к войне во Вьетнаме, создавали лживые послышки для расширения военных действий, тем не менее основной удар пришелся по республиканцам, чей ставленник находился в Белом доме.

Газета «Нью-Йорк таймс», идя на конфликт с администрацией, должна была иметь могущественных покровителей в лице ведущих представителей делового мира. Сама газета принадлежала довольно крупному объединению «Нью-Йорк таймс компани», имеющей интересы не только в Америке, но и за рубежом. Она владела двумя журналами, газетой в штате Северная Каролина, четырьмя газетами в штате Флорида, радиостанцией в Нью-Йорке. В 1970—1972 годах, воспользовавшись благоприятной конъюнктурой, компания приобрела шесть газет в штате Флорида, телевизионную станцию в Мемфисе, журнал «Фемили серкл» (тираж 7 млн. экз.), издательство «Кэмбридж бук компани» (выпускающее ежегодно 4 млн. экз. учебников для высшей школы), группу медицинских журналов. Компания имела также значительную долю в бумажных фабриках и издательствах Канады, совместно с газетой «Вашингтон пост»

издавала газету «Интернейшнл геральд трибюн» (выходит в Париже и распространяется в странах Европы, Ближнего и Среднего Востока).

«Нью-Йорк таймс компани» связана своими коммерческими операциями с «Морган гэранти траст компани», которая, в свою очередь, входит в один из крупнейших банков США «Морган энд компани инкорпорейтед»¹⁵, так что «свобода» газеты «Нью-Йорк таймс» была обеспечена достаточными гарантиями.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ДОВЕРИЕ!

Опубликование документов Пентагона отнюдь не восстановило доверие читателей к средствам информации. Напротив, этот вопрос еще больше обострился.

Известно, что процесс монополизации многих отраслей производства США затронул в не меньшей степени и сферу средств информации. Ко времени разоблачений секретных материалов военного ведомства в США выходило 1750 ежедневных газет общим тиражом свыше 63 млн. экз., насчитывалось 930 коммерческих телевизионных станций, более 7 тыс. радиостанций, свыше 83 млн. телевизоров. Монополии, разбухшие на военных поставках, обращали внимание на новое поле битвы, в частности на подчинение себе средств информации. Крупные корпорации, ведущие банки приглядывали объекты поглощения. К тому же оказалось, что вкладывать капиталы в газеты, издательства, теле- и радиостанции — дело прибыльное. Доход, например, крупной ежедневной газеты в среднем составлял 8,8% годовых — выше, чем в других отраслях. Прибыли радиомонополий составляли 1 млрд. долл. в год, а телевизионных — в 2 раза больше.

Если раньше так называемые «цепи» (газетно-журнальные и издательские объединения) включали ежедневные издания, радио- и телестанции, полиграфические предприятия, то в конце 60 — начале 70-х годов к выгодным сделкам в средствах массовой информации стали примыкать военно-промышленные концерны. Одна из ведущих теле- и радиоконпаний «Коламбия бродкастинг систем» (Си-Би-Эс) вложила 21 млн. долл. в дочерние предприятия таких монополий, как «Дженерал

моторз», «Форд», «Крайслер». Крупный подрядчик по производству военной продукции, в частности оборудования для систем противоракетной обороны «Рэйдио корпорейшн оф Америка», владеет теле- и радиоконпанией «Нэшнл бродкастинг компани» (Эн-Би-Си). Монополистическое объединение «Тайм, инкорпорейтед» имеет деловые связи с концерном «Дженерал электрик» — одним из крупных поставщиков Пентагона¹⁶.

Правящие круги, связанные различными путями с монополистическими кругами, не могли, да и не проявляли особого желания воспрепятствовать этому процессу. Напротив, конгресс и президент санкционировали законы, которые расчищали небольшие завалы в анти-трестовских ограничениях. В 1968—1969 годах по инициативе «Херст корпорейшн» началась кампания в пользу принятия «закона о защите газет», который был принят сенатом и одобрен президентом Никсоном. Закон выводил из-под действия антитрестовского законодательства газетные издательства, фактически одобрил монополистический характер их деятельности, облегчал поглощение более мелких газет и издательств.

16 сентября 1970 г. сенат США одобрил законопроект, который поддержал практику создания американскими банками своих «холдинг-компаний», под вывеской которых могли действовать другие предприятия, будучи свободными от ограничений, налагаемых антитрестовским законодательством. Банки получили возможность вкладывать свои доллары и в монополистические объединения средств информации.

Монополистические «цепи» довольно быстро укрепляли свои позиции. Они контролировали к 1971 году более 52% всего тиража американских ежедневных газет, ведущие радио- и телестанции, получали возможность использовать средства информации в своих политических и экономических потребностях. Попытки хотя бы минимально отрегулировать процесс монополизации закончились, как всегда, общими пожеланиями.

В ноябре 1969 года выходит доклад «Средства массовой информации и насилие», подготовленный национальной комиссией по изучению причин и предотвращению насилия. Однако большая часть доклада была посвящена роли средств информации в американском обществе. Тема насилия не нова. О ней много писали журналисты, социологи, психологи. В докладе частично повторялись известные факты: показ насилия по теле-

видению, в кино, распространение комиксов порождают «цепную реакцию», подрывают моральные устои общества и т. д. Безусловно, остались в стороне социально-экономические условия, порождающие насилие, вся система капиталистического общества, которая воспитывает и проповедует антигуманные, античеловеческие нормы поведения.

Цель доклада состояла не столько в разборе причин насилия, сколько в попытках определить место средств информации в распространении нужных политических установок. Дело в том, что все более очевидным становился разрыв между официальной политикой и интересами большинства американского народа, между хозяевами средств информации и читателями, слушателями. Возникал вопрос — как воздействовать на участвовавшие бойкоты, сидячие демонстрации, пикетирование, протесты, в которых участвовали большие группы людей.

«Средства массовой информации, — по словам авторов доклада, — представляют собой смесь журнализма, трюкачества, информации и развлечения, профессионального альтруизма и возможностей рыночной площади». Такая формулировка была использована для того, чтобы под видом критики утвердить тезис о необходимости создания «настоящей гармонии» с помощью средств информации. «Мы ожидаем, — писали авторы, — что средства информации будут играть активную роль в процессе управления путем критики, интерпретации, а также путем защиты действия. И мы будем поддерживать все эти функции...»¹⁷.

Функции печати определялись в нескольких направлениях. Правящие круги в довольно завуалированной форме вели наступление на буржуазные свободы слова, дабы получить «законное право» на подавление оппозиции из среды своего же класса. Оправдывая окрик и разнос печати за несогласие с политикой во Вьетнаме, авторы доклада представляли правительство как сторону, пострадавшую в результате несправедливых нападок печати, рассчитывая, видимо, на сострадание общественности. Вместе с тем они недвусмысленно дали понять, что в отношениях с печатью правительство США не будет связывать себя первой поправкой конституции, гарантирующей «свободу печати», и, если потребуется, прибегнет к методам давления. Возлагалась также надежда, что средства информации будут действовать в

соответствии с законом и порядком и что реакция аудитории «изменится в рациональную сторону». Последнее, пожалуй, один из стержневых тезисов доклада. Установление контроля над ростом протестов не столько против насилия, сколько против внутренней и внешней политики империалистических кругов, перевод этого протеста в русло «закона и порядка», сохранения существующих порядков и был главной целью доклада.

В критическом запале авторы доклада выявили определенные недостатки средств информации, которые не часто встретишь в официальных документах. В печати, по телевидению много места уделяется показу способов наживы, развлечениям, отвлекающим читателей и слушателей от поиска знаний, американской культуры, экономических традиций. Пороки названы, но не осуждены. Напротив, требовалось «меньше обращать внимания на драматизм конфликтующих идей». Главное, чтобы преобладали «сбалансированные суждения»¹⁸, то есть средства информации должны были и впредь верно служить политическим установкам правящих кругов США.

Монополизация средств информации вызвала резкую критику со стороны многих исследователей и журналистов. Они указывали, что подчинение газет, радио, телевидения большому бизнесу ведет к стандартизации газет, новостей, теле- и радиопередач, что действует удручающе. «Впечатление такое, — писал Дж. Аронсон, — что газеты выбрасываются колоссальной машиной, вроде той, что выбрасывает сосиски. Эта машина перерабатывает слова и распределяет их в удобоваримые пачки для каждого района страны»¹⁹.

Еще в период маккартизма члены комиссии по расследованию антиамериканской деятельности установили тесные контакты с газетами и журналами. Между ними начался «обмен информацией, анонимными и неофициальными заявлениями». По таким вопросам, как коммунизм, закон и порядок, «американский образ жизни», буржуазные газеты выступают с одного голоса монополизированной информации, когда другие оценки, объективные описания любого другого образа жизни приравнивались к греху и измене «национальным интересам».

«Свобода печати» сохраняется в рамках очерченных политических установок, и журналисты могут писать все, что им вздумается, о «заговорах и угрозах коммунизма». Они могут критиковать законодательные акты

конгресса, местных законодательных органов, крушение моральных ценностей, коррупцию среди определенных должностных лиц, но ни в коем случае не должны касаться основных принципов национальной политики.

Существовавшая ранее практика «управления новостями» не изменилась. По важным внутренним и международным вопросам американцы по-прежнему располагали неполной или неверной информацией. Эта практика складывалась при помощи искусственно созданных фактов, которые должны были вызывать искаженное мнение о политических событиях. Под видом секретности и цензуры правительственная служба ставила специальные фильтры и просто утаивала от общественности нежелательную информацию.

Эти и другие факты довольно остро ставили вопрос об отношениях средств информации с правящими администрациями, с читателями. Возникла потребность защиты газет, телевидения, радио от критического потока, сглаживания недоверия читателей. Заметно, что к таким проблемам правящие круги и буржуазные идеологи обращались в периоды наибольшего обострения внутренней и внешней политики капитализма. Непосредственно ощущая на себе кризис доверия к политическим и идеологическим установкам администраций, они вынуждены были вести поиск новых методов манипулирования.

В 1971 году появилась книга Бена Бегдикяна «Машины информации. Их влияние на людей и средства массовой информации». Автор много лет занимал ведущие должности в редакции «Вашингтон пост», выводил ее в число наиболее влиятельных органов печати. Сама книга готовилась с помощью «Рэнд корпорейшн», что свидетельствовало о ее значении, которое ей придавали в поисках аргументации во имя смягчения «кризиса доверия» к средствам информации.

С первых страниц внимание читателя направляется на результаты различных опросов, проведенных в конце 60-х годов, на значительный объем статистических данных, его отсылают к подтвержденным разными документами фактам, успокаивают незыблемостью «демократических» принципов американской печати, телевидения, радио. Не остались в стороне и проблемы взаимоотношения средств информации с человеком и окружающей его действительностью.

Уже во введении выдвигается положение об огромной

власти систем информации. Они объявляются «единственным средством познания себя и окружающей действительности»²⁰. Сравним это с выводом Липпмана: газетная информация — это единственный канал связи человека с окружающим его миром, полным таинственности.

Если Липпман использовал данный термин для доказательства невооруженности человека перед сложным окружением, то Бегдикян обращался к техническим новшествам в средствах информации, чтобы показать «более широкое и нешаблонное распространение информации в свободном обществе».

Обратимся к его аргументации: мир огромен, жизнь в своем многообразии сложна. Объем потенциальной информации со всех концов света неизмерим. Узнать обо всем невозможно, так как передать такой объем информации не представляется реальным. А если опять допустить, что будет передана вся информация, то ни один человек никогда ее не усвоит.

Как же выйти из заколдованного круга?

«Информация, — писал Бегдикян, — это периферическая нервная система политического организма, которая, все ощущая, отбирает только то, что должно быть передано общественности». И действуя таким образом, информация переделывает восприятие человеком окружающего мира».

Наделение информации самостоятельной силой, «способностью к ощущению» вело к пассивной роли самого человека, к игнорированию общественных процессов, социально-экономических и политических факторов. Превеличение роли информации уже давно привело к утверждениям о том, что изобретение шрифта содействовало в XIV веке реформации и ренессансу, изобретение телеграфа, железных дорог в XIX веке — ниспровержению олигархий и «рождению новых политиков». А телевидение в 50-х годах — «кристаллизировало революцию» гражданских прав, мятежи в университетах и «неурядицы между теми, кто сформировался под воздействием машины и кто не был сформирован ею»²¹.

Все острые проблемы капитализма обойдены. Виноват, дескать, не капитализм, а средства информации, не засилье монополий, а «воспитание» под влиянием техники или без оной. Но человека утешали. Новые средства связи, компьютеры, видеопрограммы кабельного телевидения, возрастание скорости сбора и распростра-

нения информации и т. п. — вовлекают его в сферу «серьезной информации», устанавливают систему обратной связи, когда любой человек, находящийся у себя дома, сделав запрос, сможет получить ответ по телевидению или по видеотелефону, связанному с библиотеками и другими источниками информации, получить изображение требуемого графического материала или текста.

Слов нет, такая картина возможна. Но остается проблема содержания, направления, качества передаваемого материала, чему он будет учить человека. И здесь был готов ответ: «свободное общество», оказывается, лучше всего приспособлено для распространения информации, и оно устойчиво к ее влиянию.

В чем же здесь преимущества «свободного мира»?

Выходит, в частной собственности, что делает средство информации... «независимым исследователем окружающей действительности»²². Оказывается, американская публика научилась слушать выступления демагогов-политиков и справляется с колоссальным наплывом рекламы. Паника, демагогия и непонимание уже больше не представляют опасности, как это было раньше. Даже у выдавших виды практиков буржуазной печати такое утверждение вызывало улыбку. Видимо, поэтому вводился «смягчающий момент». Нельзя сбрасывать со счетов нравственность людей, в руках которых будут находиться современные технические средства. Итак, главное — защита частной собственности соединилась с «американской демократией». Факты говорят сами за себя: частная собственность, источник неравенства, сопрягалась с «американской демократией».

Американский потребитель, по Бегдикяну, находится в весьма благоприятных условиях: он получает все ежедневные печатные, радио- и теленовости от местной, находящейся в частной собственности компании. Эта, так называемая, «локализация» американских средств информации подавалась как преимущество американской системы, поскольку-де такие сферы, как образование, здравоохранение, политические и социальные вопросы, «контролируются в США избранными на месте органами, тогда как в других странах — национальными правительствами».

В доказательство преимуществ США приводились цифры: газеты, издающиеся в Нью-Йорке и Вашингтоне (население этих городов составляет 6,6% населения страны), давали только 9,6% ежедневного тиража аме-

риканских газет. Сам по себе этот факт не мог служить доказательством «локализации» или «отсутствия контроля» над информацией. Издающиеся в Нью-Йорке и Вашингтоне газеты оказывали и оказывают значительное воздействие на тех, кто определяет внутреннюю и внешнюю политику. При всей «локализации» местной жизни основные вопросы бюджета, государственных заказов, различных программ решаются в Вашингтоне. Все газеты, как столичные, так и местные, имеют один монополизированный источник новостей в лице двух информационных агентств АП и ЮПИ.

В качестве довода в пользу «локализации» средств информации приводилось утверждение, что аудиторию газет, радио и телевидения в США прежде всего составляют «люди с ярко выраженными потребительскими интересами, а потом уже граждане, которых волнуют общественные проблемы»²³. Тем самым косвенно подтверждалось, что главная цель средств информации состоит в сохранении и развитии данного направления, а новая техника не может изменить такие приоритеты, то есть преимущества потребительских интересов. Поэтому-то внимание корпораций обращалось на необходимость внимательного подхода к средствам информации, чтобы не произошло нежелательных изменений в общественном мнении США.

Монополизация вела к централизации контроля над информацией, а погоня за прибылью создавала «конфликт между новостями как образовательным институтом и новостями как продуктом безбожной корпорации». Но это половина правды. Оказывается, можно оправдать и приукрасить действия монополий в средствах информации. Утверждалось, что владельцы газет, радио- и телестанций заняты не получением личной прибыли, а гражданскими услугами, заинтересованностью в делах сообщества, в котором они живут. Поэтому они проявляли, дескать, заботу об улучшении качества журналистики, а не просто об извлечении прибыли. Мало того, «цепи» якобы ведут себя прилично и власть прессы достаточно, чтобы ограничить дальнейшую концентрацию в средствах информации.

Известно, что наиболее сильное средство контроля монополий над средствами информации, как подчеркивали некоторые исследователи, заключается в коммерческой рекламе. «Каждый день, — писал П. Хоч, — сотней разных способов нас бомбит непрерывный поток про-

паганды по самым различным вопросам, коммерческим или политическим. Часть ее, меньшую, мы распознаем как крикливую рекламу или политическую болтовню и стараемся ее игнорировать. Однако значительно большую часть (особенно коммерческо-политическую пропаганду, навязывающую потребителю понятие «счастья») нас приучили считать совершенно «нормальной и не вызывающей сомнения. Поэтому она проскальзывает незамеченной»²⁴.

С этим выводом солидарны и другие исследователи. Реклама «американского образа жизни», отмечал, например, Дж. Аронсон, — это «пропаганда единообразия». Любой другой способ жизни, выходящий за пределы рекламного образа, равносителен грехопадению. Именно в рамках концепций, пропагандируемых хозяевами газетной индустрии, издатели, редакторы, комментаторы, репортеры «наслаждаются полной свободой» и могут говорить все, что им вздумается. Вместе с тем монополизация ведет к «стандартизации новостей» и общественного мнения в целом. Поскольку право на интерпретацию всех вопросов, в том числе касающихся «национальных интересов», принадлежит владельцам журнально-газетных синдикатов, то они «в силу своей финансовой заинтересованности отождествляют свои интересы с национальной политикой, защищающей эти финансовые интересы»²⁵.

Защищая систему частной собственности, Бегдикян полагал, что технические новшества «должны быть защищены от вредного уединения и умышленного манипулирования» путем распространения информации на различные вкусы, документальностью, профессионализмом журналистов, выработкой у аудитории «массового аппетита к новостям». Вместе с тем он пытался освободить монополию от погони за прибылью и установления контроля над сознанием, чтобы прославить «открытое общество», которое рисовалось как «система, доступная для национального сознания»²⁶.

Недостаток «свободного потока идей», утверждал Бегдикян, ведет к отрыву от реальности. По его мнению, «механизм гражданского недовольства, выражение различных мнений, разоблачение спекуляций дают знания, с помощью которых встречается новая ситуация и тем самым человек избегает опасности совершения ошибок». Однако многочисленные примеры прошлого и настоящего — разоблачение различных политических махинаций отнюдь не освободили капиталистическое общество от

ошибок. Напротив, они использовались для различных манипуляций, которые отрывали читателей и слушателей от реальности.

Бегдикян затронул некоторые положения М. Маклюэна, в частности, его высказывания о том, что печатное оформление информации, применение абстрактных символов «толкают современного человека на зыбкий и ограниченный путь познания мира, подавляя при этом его чувства и способности». Данное положение не устраивало Бегдикяна. Он доказывал, что новые средства информации «несут с собой возврат к более естественному процессу освоения человеком окружающей действительности, побуждая его чувства и мозг к более плодотворной деятельности». Мнение Маклюэна и его сторонников Бегдикян относил к «драматическим и достаточно серьезным, так как они нашли поддержку со стороны некоторой части ученых, работников просвещения и тех, кто связан со сферой средств массовой информации»²⁷.

Практически Бегдикян не привел каких-либо убедительных доводов против данных оценок Маклюэна. Он ограничился цифрами, свидетельствующими о том, что внедрение телевидения не ограничило тягу людей к чтению и что сочетание всех видов информации дает человеку необходимое представление о действительности и служит предпосылкой для участия в общественной жизни. Однако, приводя цифры, Бегдикян обходил молчанием рост апатии среди американской аудитории, преступности, наркомании и других пороков, воспитываемых капиталистическим обществом.

Бегдикян касался и другого утверждения Маклюэна о том, что «сообщением является само средство коммуникации». Он высказывал предположение, что данное положение относилось только к коммерческим объявлениям, где «возможно циничное манипулирование символами». Вывод Маклюэна вызывал критику, видимо, и потому, что автор книги «Машины информации» не соглашался с подходом к средствам информации лишь с точки зрения их технического оснащения, опасаясь, что это может привести к забвению вопроса о «специфическом содержании коммуникаций». Признавая важность технических новшеств, Бегдикян требовал «интеллектуализации средств информации», с тем чтобы они вызывали «групповые эмоции»²⁸, то есть речь шла об использовании новых технических средств информации для более широкого манипулирования поведением людей.

Положения Бегдикяна находились в довольно резком конфликте с мнением других буржуазных авторов, которые видели угрозу манипулирования в первую очередь для самого капиталистического общества.

«Независимость» и «демократизм» буржуазных средств информации ни до, ни после окончания войны во Вьетнаме так и не получили реальных доказательств. Напротив, стали выходить книги, в которых были показаны методы манипулирования американской печати, радио и телевидения. Тот же Г. Шиллер признавал, что «управляющие американскими средствами информации» «намеренно создают ложное чувство реальности», что США — это «разделенное общество, в котором обработка служит одним из главных орудий управления»²⁹.

Манипулирование строилось на различных мифах.

«Миф об индивидуализме и личном выборе». Его основной смысл сводился к защите частной собственности на средства производства, к отождествлению частной собственности и свободы личности, утверждению, что «благополучие личности недостижимо без частной собственности»³⁰.

«Миф о нейтралитете». Он был направлен на маскировку системы манипулирования, дабы доказать, что правительство, средства информации, просвещение, наука, культура не участвуют в социальных конфликтах. На данной основе выстраивалось утверждение о «честности», «независимости» этих институтов. Коррупция, обман, местничество относились к «человеческим слабостям»³¹.

«Миф о неизменности человеческой природы». Этот миф был создан для обоснования утверждения о том, что мир, будто бы, не изменился, как не изменилась и человеческая природа. Конфликты присущи только «человеческой природе», и они не порождены социальными условиями. Отсюда вытекали антиидеологическая позиция, антинаучный подход к условиям существования людей, распространение пороков человеческого поведения. «Что касается тех частей мира, которые претерпели глубокую социальную перестройку, — писал Г. Шиллер, — то в сообщениях о них, если такие и появляются, подчеркиваются недостатки, нерешенные проблемы. За такую информацию с наслаждением хватаются те, кто ведет обработку сознания в Америке»³².

«Миф об отсутствии социальных конфликтов». Он скрывал от общественности существование в капитали-

стическом обществе элементов господства и эксплуатации. На первый взгляд это кажется невозможным. Ведь во многих газетах, по телевидению и радио говорили и писали о случаях коррупции, мошенничества, насилия и т. п. Дело в том, что они практически не раскрывали корни конфликтов, представляли эти события по принципу «хорошие» и «плохие парни». «Черные, коричневые, желтые, красные, — подчеркивал Шиллер, — всегда представлены плохо... Нежелание признать и объяснить глубочайшую конфликтную ситуацию в социальном строе — это нормы работы».

«Миф о плюрализме средств информации». Иллюзия выбора информации широко распространена в США. Между тем монополии в этой сфере ограничивают выбор информации повсюду, где они действуют. Видимость «плюрализма», «широкого потока информации» скрывает ограниченность выбора³³.

Содержание «мифов» определяло и методы манипулирования.

«Фрагментация», или «локализация», служила и служит одной из главных форм коммуникации. Газеты, радио, телевидение дают большой поток не связанной между собой информации. Она распространяется почти беспорядочно, не дает, а, напротив, маскирует связь между социальными явлениями. Между тем у аудитории создается иллюзия, что она имеет «свободный доступ» к информации и «свободному обмену мнениями».

Оперативность информации — самый почитаемый принцип американской журналистики. «Быстрота доставки информации, — по мнению Шиллера, — вряд ли служит достоинством», так как в американской практике формируется «ложное чувство крайней срочности», что ведет к «забвению содержания». Информация, вместо того чтобы сосредоточить внимание и устанавливать значение, ведет к подсознательному признанию неспособности справиться с волнами событий, непрерывно бьющими на сознание, что снижает восприятие действительно важных событий³⁴.

Конечная цель методов манипулирования — воспитание пассивности. Огромное количество различных зрелищ (парадов, кино и телевизионных программ, реклам) «ослабляет человеческие реакции», «порождает умственную апатию»³⁵. Вместе с тем утверждалось, что средства информации дают народу то, что он сам хочет. Касаясь этого же, другой исследователь Пол Хоч, про-

фессор колледжа в Монреале, замечал: «Если давать народу только то, что он хочет, не стоит ли попытаться устроить так, чтобы народ захотел именно то, что вы хотите ему дать». И Хоч приводил немало примеров, подтверждающих обоснованность такого вывода. Он подчеркивал, что мифотворчество прививает «определенный стереотипный взгляд на действительность»³⁶. Этому служит и специальная подача информации, цель которой — скрыть социальную связь, существующую между различными явлениями. Этому служит и постоянное нагнетание атмосферы неистовой истерии, в результате чего заглушается или искажается смысл событий, утрачивается способность различать их по степени важности. Этому служит и специально изобретенная терминология, с помощью которой, например, варварские бомбардировки мирных городов и деревень, расширение агрессии превращались в туманную «эскалацию».

Столкнувшись с осуществляемой в гигантских масштабах практикой манипулирования сознанием, многие авторы исследований невольно спрашивали себя: а возможна ли в этих условиях «свобода печати», «независимость редактора», «журналистская неподкупность»?

В общем, как полагают наиболее проницательные авторы, все «зависит от экономической организации самой прессы и общества в целом»³⁷. Однако анализ положения дел именно в этой области не оставлял никаких надежд для оптимизма. Подчиняя себе газеты, журналы, радиостанции, издательства, крупные объединения осуществляют контроль над распространением и содержанием информации и получают возможность во все более крупных масштабах манипулировать сознанием миллионов людей. С развитием межнациональных монополистических и государственно-монополистических конгломератов этот процесс выходит за рамки национальных границ и ведет к установлению единообразного и жесткого контроля над содержанием средств информации во многих странах.

Конечно, критические взгляды некоторых авторов еще не означали, что большинство исследователей выступало за коренной пересмотр основ буржуазной пропаганды, и тем более буржуазного общества. Дело обстоит совсем иначе. В лучшем случае авторы говорили о необходимости исправить положение с помощью людей, обладающих высокой технической и административной подготовкой и широким критическим взглядом. Вместе с тем осужде-

ние, критика характера и методов, лежащих в основе буржуазной пропаганды, отражали постоянно растущую дифференциацию в среде буржуазии.

Критика деятельности средств информации, падение доверия читателей внутри США и за рубежом к американским источникам информации потребовали от владельцев газет, радио- и телестанций принятия срочных мер.

На рубеже 1971—1972 годов начинается техническое переоснащение средств информации путем внедрения достижений электронно-вычислительной техники. Процесс сбора и обработки информации значительно ускорился. Оперативность, первая версия события (факта) рассматривалась как возможность повышения доверия к американским источникам.

Ассоциация американских издателей на своей 85-й сессии (апр. 1971 г.) приняла программу, которая должна была способствовать «пониманию общественностью принципов свободной печати» и «повышению информированности читателей». Но не «свобода» и не слабая информированность вызывали беспокойство, тем более сами издатели прекрасно знали, кто и как в США определяет политическое лицо средств информации. Кризис доверия привел к тому, что 24% читателей не брали в руки ежедневных газет. Вина за это возлагалась на владельцев объявлений, которые, дескать, воспитывают потребительские вкусы, а некоторые слои населения, особенно молодежь, «стали более идеалистическими и циничными».

Программа восстановления доверия состояла из нескольких положений. Прежде всего улучшить образование журналистских кадров. Учитывая обострение национальных отношений (расовые бунты), рекомендовалось привлечь к журналистике лиц из национальных групп. Что касается молодежи, то провозглашалась линия на повышение лояльности молодежи к средствам информации путем предоставления «фактической информации и реальной перспективы». В связи с критикой в адрес американской печати за искажение фактов издатели обещали «улучшить дело подготовки новостей»³⁸.

При всей очевидности остроты проблемы ни издатели, ни журналисты, ни владельцы газет, радио- и телестанций не могли выйти за рамки теоретических посылок свободы американской печати: люди хотят читать и слышать не то, что есть, а только то, что они сами считают действительностью. И время неумолимо срывало

покров с этой посылки. Читатели и слушатели выражали недоверие по поводу того, что им предлагают искаженные образы, далекие от действительных событий и фактов. Открыто обвинять читателей за то, что они сами хотят искажения действительности, было бы самоубийством, обостряя и без того напряженную проблему доверия читателей к средствам информации. Поэтому хотя бы поверхностное исправление пороков выливалось в новые приемы манипулирования, приводило к модернизации некоторых старых посылок.

Прилагались усилия для защиты критики в средствах информации. Признавалось, что критические выступления в адрес правительственных кругов за просчеты во внутренней и внешней политике не несут элементов разрушения американской системы. И поэтому ее нужно правильно воспринимать и использовать в качестве «методов социального контроля над поведением людей». А если некоторые члены правительства, например вице-президент Агню, не поняли критики печати, то следует создать специальную организацию, которая обучала бы правильно пониманию такой критики³⁹.

Успокоительные реверансы в сторону правящих кругов не снимали разрыва между средствами информации, с одной стороны, и читателями, слушателями, зрителями — с другой. И, видимо, потому в схему — кто, что и кому сказал, по какому каналу и с каким эффектом — вводились некоторые добавления.

Вместо «кому» рекомендовали элемент «с кем», подчеркивая, что пресса, радио и телевидение в полной мере удовлетворяют запросы и требования аудитории.

Освобождали от критики и первый элемент «кто», особенно, когда речь заходила о политических деятелях. Они имеют, дескать, надежную репутацию, видят проблемы и обещают что-то сделать для их решения.

Пропагандисты получали рецепт в период политических кризисов, экономической депрессии, внутренних беспорядков прибегать к «стилю сжатому, горячему, повторяющемуся, контрастному», а в более спокойное время — к многословию, разнообразным заявлениям, которые должны быть холодны и шаблонны⁴⁰.

Что же касается содержания материалов, то они должны и впредь носить увещательный характер. Называя ту или иную проблему, средства информации предлагают план и ведут людей к действию в направлении именно этого плана. Прибегая к языку конституции, до-

говоров и других документов, журналисты символизируют «законность, святость, непреложность, правильность принятых решений». Возможна «конфликтная интерпретация словами и фразами», ведущая к многословию, к бюрократическому жаргону.

При рассмотрении внутренних и международных проблем перед средствами информации ставилась задача «формирования социальных обстоятельств». Политические новости выступали как «совместный продукт» журналистов и политических деятелей. Средства информации содействуют политическим деятелям в реализации их планов. Так, заявление представителей министерства обороны США о «превосходстве» советских военно-морских сил может перейти с первых страниц газет в законопроект конгресса о принятии более высокого военного бюджета. В обработке читателя средства информации в данном случае приводят не реальные факты, а так называемый «конфликтующий расчет». Например, будучи не в состоянии опровергнуть согласие Советского Союза на заключение договора с США о сокращении вооружений, репортер может привести заявление представителя госдепартамента о согласии СССР и рядом с ним заявление представителя министерства обороны США о том, что Советский Союз выступает против этого соглашения.

И, наконец, еще один совет средствам информации — «создавать массовое согласие» путем объединительных стимулов, исторических личностей, с помощью празднований, ссылок на Декларацию независимости, конституцию.

В теоретическом плане методы восстановления доверия не выходили за рамки старых положений, высказанных Липпманом и другими авторами, о том, что знание того или иного события человек извлекает только из собственного опыта, который непосредственно владеет им. Поэтому новость оставалась «перечислением событий, отбираемых и интерпретируемых журналистами, которые придают им окончательный вид»⁴¹. Другими словами, сохранялась возможность применения наряду с правдой полуправды, искажений, слухов, неточностей, откровенных фальсификаций. Ведь всегда можно найти в обществе, разделенном на противоположные классы, хотя бы одного человека, который объявит своим «внутренним опытом» борьбу с забастовками, с коммунизмом и т. д. Источники кризиса доверия оставались.

«ЕРЕТИКИ» ИЗ «ВАШИНГТОН ПОСТ»

...17 июня 1972 г. в редакции газеты «Вашингтон пост» раздался телефонный звонок.

Полицейский репортер сообщил: городская полиция Вашингтона арестовала в штаб-квартире национального комитета демократической партии пятерых взломщиков. Они фотографировали документы и устанавливали подслушивающие устройства в помещении административного здания гостиницы «Уотергейт», расположенной на берегу реки Потомак.

Далее следовали подробности: как были одеты взломщики, что у них изъято.

Редакция срочно поручает расследование двум сотрудникам: Карлу Бернстину и Бобу Вудворду.

Имена этих журналистов вскоре станут известны всей стране, а книги «Вся президентская рать», «Последние дни» выдержат не один десяток изданий. Средства информации США будут рекламировать их в качестве примера того, как «свободная пресса, американская журналистика служат делу свободы». Они получают премию Пулитцера — как признание заслуг перед журналистикой. Неизвестные доселе репортеры сделают головокружительную карьеру, обретут богатство, станут самыми популярными авторами телевидения и кино.

«Уотергейтское дело» вылилось в очередной политический скандал. Общественность узнала о фактах мошенничества, взяток, манипулирования, нечистоплотных приемов борьбы с политическими противниками, в которых участвовали работники аппарата Белого дома и политических партий. В итоге последуют отставки вице-президента и президента США, 20 человек будут осуждены на различные сроки тюремного заключения.

Об «Уотергейте» уже много написано в американской печати и политической литературе. В подробностях изложено, кто давал взятки, какие меры принимались к тому, чтобы не допустить скандала, какими путями формировались фонды для подкупа и т. д.

Аналогичные факты — не новое явление в политической практике Соединенных Штатов.

В 20-х годах министр внутренних дел в администрации президента Гардинга сдал в аренду двум бизнесменам нефтеносные участки на условиях, обеспечивающих им громадную прибыль.

В 1958 году конгресс США вынужден был заслушать дело Адамса Шермана — помощника президента Эйзенхауэра. Он обвинялся в том, что получал большие подарки от текстильных фабрикантов.

В. Ласки, уже после того как утихнут страсти, публикует книгу под сенсационным названием: «Это не началось с Уотергейта». По его мнению, предшественники Никсона на посту президента были «не меньшими мошенниками».

Приведем лишь один факт из этой книги.

Л. Джонсон использовал Федеральное бюро расследований для сбора секретных данных против своих противников во время предвыборного съезда демократической партии в 1964 году.

Американским авторам лучше знать политическую кухню Вашингтона. Однако и для них некоторые существенные элементы расследования «Уотергейта» со стороны «Вашингтон пост» и других органов печати представляются странными, они не поднимают завесу над рядом важных обстоятельств.

Книга «Вся президентская рать» не дает четкого ответа на вопрос: почему расследование «Уотергейта» в редакции «Вашингтон пост» было поручено двум начинающим репортерам?

Боб Вудворд, 29 лет, только девять месяцев проработал в «Вашингтон пост».

Карл Бернстин, 28 лет, имел за плечами шестилетний стаж репортерской деятельности в «Вашингтон пост». Но он был далек от политических вопросов. Его специальность — материалы о рокк-музыке.

Можно предположить, что первоначально руководители газеты не могли предусмотреть последствий самого факта ареста пяти взломщиков. Молодые репортеры были избраны, видимо, ввиду чрезвычайности положения. Они должны были выступить против высокопоставленных лиц, находящихся на руководящих постах в правящей администрации. И здесь трудно предусмотреть все ответные меры. Да и сами К. Бернстин и Б. Вудворд признали, что «риск был весьма велик».

Сбор первой информации проходил довольно гладко.

Уже 18 июня «Вашингтон пост» на первой полосе сообщила: «Вчера вечером было арестовано пять человек. Один из них заявил, что он бывший сотрудник Центрального разведывательного управления. Соответствующие власти предполагают, что это заговор, направленный

на проникновение со взломом в помещение национально-го комитета демократической партии».

Полицейские репортеры приносят новый факт: в записной книжке одного из арестованных упоминается имя и телефон Г. Ханта.

Где же получают репортеры информацию о Ханте?

В результате телефонного разговора с Белым домом у заместителя директора службы коммуникаций Белого дома К. Кладсона, бывшего репортера «Вашингтон пост», они узнают должность Ханта — юристконсульт Белого дома, у президента фирмы «По вопросам общественных отношений» — о связи Ханта с ЦРУ.

Мало того, по телефону один из чиновников ЦРУ... «подтвердит, что Хант с 1949 по 1970 год был в контактах с управлением».

В результате в «Вашингтон пост» появится материал: «Консультант Белого дома связан с подозреваемыми взломщиками».

После первых успехов находки репортеров «Вашингтон пост» неожиданно прервались. «Казалось, что Уотергейт умрет». Репортеры не могли понять, почему? Контакты Бернстина по административной линии с бывшими официальными лицами не давали возможности получить пригодную информацию. Белый дом как бы «ушел в подполье».

На помощь приходят другие газеты. 22 июля 1972 г. газета «Ньюсдей» сообщает: бывший сотрудник Белого дома Гордон Лидди, который работал в качестве юристконсультанта комитета по переизбранию президента (речь идет о республиканцах. — А. В.), был уволен Митчеллом (министром юстиции) в июне за отказ отвечать на вопросы ФБР относительно «Уотергейта».

Через три дня газета «Нью-Йорк таймс» на первой полосе сообщила, что раздалось не менее 15 звонков из Майями в комитет по переизбранию президента. Большая их часть состоялась между 15 марта и 16 июня в «кабинете Лидди...».

С помощью других газет «Вашингтон пост» получила, таким образом, дополнительное направление, что позволило ей выйти на новые имена. Заметим, что такая «координация» органов информации будет проявляться в этом деле неоднократно.

У авторов «Всей президентской рати» были свои, тайные источники информации. Имена этих людей не

раскрыты. Они фигурируют под кличками или знаками, например свидетельница Z.

Наибольшую ценность, судя по содержанию книги, представлял некий «источник в исполнительных органах власти, который имел доступ к информации комитета по переизбранию президента, а также Белого дома... министерства юстиции и ФБР»⁴². Имя его не разглашалось. Работа с анонимным источником велась «на основе глубокого бэкграунда» (т. е. подоплеки). Этот человек получил кличку Глубокая Глотка. Вначале Вудворд, а это был «его друг», договаривался с ним о встречах по телефону. Позднее была разработана... тайная система сигналов. Если Вудворд вызывал Глубокую Глотку на свидание, он поднимал занавеску в окне своей квартиры...

От Глубокой Глотки была получена информация о причастности высших чиновников комитета по переизбранию президента к созданию специального фонда по проведению операции «Уотергейт», о записях разговоров в Белом доме, о попытках ФБР узнать источники информации «Вашингтон пост», о причастности бывшего министра юстиции Митчелла, других лиц Белого дома к «Уотергейту». По признанию авторов «Всей президентской рати», законспирированная Глубокая Глотка была «их мудрым учителем»⁴³.

Свидетельница Z также располагала «секретными данными о деятельности Белого дома и комитета по переизбранию президента». Она, в частности, посоветовала «рассматривать Хелдемана и Эрлихмана» (бывших помощников президента) «как группу». Имея «такие источники», Бернстин и Вудворд стали прибегать в своих материалах к традиционным ссылкам: «как стало известно», «в определенных кругах», «полагают» и т. п.

«Каноны» американской журналистики запрещают такую практику. Напомним, как было сформулировано данное запрещение: «новости, полученные от так называемых частных источников, не могут быть опубликованы без того, чтобы общественность не узнала их происхождение или их ценность по форме и содержанию». Но обвинение в нарушении этого правила, очевидно, встретило бы возражение — объявление источников создало бы угрозу их личной безопасности. Да и были ли анонимные источники случайностью?

Слишком часто в ходе газетного расследования у молодых репортеров, не искушенных еще в политичес-

кой кухне Вашингтона, вовремя и с поразительной быстротой появлялись находки и нужные данные порой «случайно» попадали на их стол.

Исходные данные и готовые материалы подвергались тщательному просмотру со стороны руководителей «Вашингтон пост». От Бернстина и Вудворда они шли к Розенфельду (ред. по отделу столичных новостей), далее к Суссману (ред. по отделу новостей округа Колумбия), Бредли (глав. ред.), Симонсу (управляющий газеты). Розенфельд проявлял «настойчивость в проверке материалов Уотергейта», Бредли — «требовал информации», Симонс — «рассуждений и теоретического подхода»⁴⁴. И был еще консультант, это — юрист «Вашингтон пост» Э. Вильямс. Все они, конечно, лучше, чем рядовые сотрудники газеты, знали коридоры власти Вашингтона.

Обращал на себя внимание и тот факт, что малоопытные репортеры «Вашингтон пост» постоянно выходили сухими из серьезных ситуаций. Первоначально их разоблачения не пользовались широкой поддержкой со стороны средств информации США. В 1972 году развернулась очередная кампания по выборам президента. По подсчетам специалистов, изучающих общественное мнение, в 1972 году из 1000 вашингтонских корреспондентов, только 14 могли сказать более или менее полно о «тайнах Уотергейта». Большинство газет не хотели выносить на первые страницы сообщения, которые начинались словами: «„Вашингтон пост“ сегодня заявила».

Причина?

Желание «сохранить баланс в предвыборной кампании». Негласная договоренность между политическими партиями о прекращении взаимных обвинений в период выборов сработала и в данном случае. Однако репортеры «Вашингтон пост» продолжали накапливание материала. Бернстин и Вудворд накануне выборов составили список лиц, у которых они хотели бы получить новые данные об «Уотергейте». Однако вечерние визиты по домам не давали результатов. Оставалось уповать на то, что после выборов «люди будут более разговорчивыми».

Несмотря на первые публикации об «Уотергейте», кандидат в президенты от республиканской партии Р. Никсон в борьбе с демократом Макговерном одержал убедительную победу на выборах 1972 года, получив

60,8% голосов (против 43,4% — в 1968 г.), и вновь стал президентом США.

После выборов руководители «Вашингтон пост» Бредли и Симонс дали указание подготовить докладную записку о том, в каких направлениях Бернстин и Вудворд намерены продолжить расследование. В подготовленном ответе (его написал Суссман) говорилось: «Вудворд и Бернстин намерены обратиться к старому источнику и некоторым новым, которые проявят интерес к беседам после выборов. Ряд наших материалов, отмеченных как украшение газеты, возникли неожиданно, а не на основе какой-либо определенной линии, и вполне возможно, что такой путь будет правилен и на будущее»⁴⁵. Вряд ли можно согласиться, что путь поиска без «определенной линии» мог бы распутать клубок имен и фактов.

Вскоре после выборов, 11 ноября, репортеры от Суссмана узнают, опять случайно (!), что появился еще один свидетель, который до этого «неожиданно исчез». Он готов встретиться и «рассказать всю историю».

В ноябре один из сотрудников газеты принес новость: соседка по дому рассказала, что ее тетка входит в состав присяжных по «Уотергейту».

Начинаются поиски списка присяжных, дабы получить у них интервью. В суде отказываются давать данные, ссылаясь на секретность состава присяжных до начала суда. Тогда Бернстин у одного из клерков отдела регистрации документов (опять случайно!) получает список.

Факт обращения репортеров к присяжным становится известным суду. Судья Сирика вызывает их. Несмотря на то что он был «чрезвычайно строг» и охарактеризовал факт обращения к присяжным «чрезвычайно серьезным», репортеры отделались внушением. Через два дня от юриста «Вашингтон пост» они узнали окончательную формулировку судьи: «Нельзя говорить со свидетелями, если они не выразили готовность поддерживать беседу». Сами авторы «Всей президентской рати» признали, что это был один из неприятных моментов в их деятельности. Они совершили ошибку, получив список присяжных, и обратились к ним за интервью. Но худшие опасения не подтвердились, «угроза миновала».

И в этом случае, когда репортеры дали повод к их обвинению в оказании давления на присяжных до начала суда над взломщиками в здании «Уотергейт», они благополучно миновали очередной риф.

Вторая книга Бернстина и Вудворда «Последние дни» была написана на основе интервью, которые были взяты у 394 человек. В тексте книги нет документальных ссылок. В хронологической последовательности изложена их версия последних 100 дней администрации Никсона.

Как отмечалось в предисловии к этой книге, «репортеры провели в беседах с некоторыми лицами много часов. Один человек интервьюировался в течение 17 час. Многие снабдили репортеров письменными материалами, меморандумами, корреспонденциями, записками, записными книжками. Другие в интервью давали свои версии событий или высказывали свое отношение к информации, которая была получена от других источников»⁴⁶. Ради получения фактов Бернстин выдавал себя в беседах «за сторонника республиканской партии», Вудворд высказывал «антипатию к обеим политическим партиям, и такой подход часто помогал»⁴⁷.

После выхода книги «Последние дни» некоторые американские журналисты высказывали о ней критические замечания. Так руководитель вашингтонского бюро газеты «Лос-Анджелес таймс» Д. Нельсон говорил, что Боб Вудворд и Карл Бернстин «растянули книгу с помощью репортажей без источников». По мнению журналиста Молленгоффа, «Последние дни» — это «недобросовестный материал»⁴⁸.

После окончания избирательной кампании помимо «Вашингтон пост» в кампанию по разоблачению «Уотергейта» активно включились газеты «Нью-Йорк таймс» и «Лос-Анджелес таймс», журналы «Ньюсуик» и «Таймс» и др.

5 мая «Ньюсуик» сообщил о том, что один из обвиняемых готов описать факты, показывающие причастность президента к «Уотергейту» и т. д.

11 мая 1973 г. газета «Нью-Йорк таймс» поместила сообщение с том, что бывший министр юстиции Митчелл и бывший министр торговли Стэнс тайно приняли в предвыборный фонд республиканской партии 200 тыс. долл.

Еще накануне суда над взломщиками (он проходил с 8 по 30 янв. 1973 г.), а также сенатского расследования «Уотергейта» (началось 17 мая 1973 г.) «Вашингтон пост» и другие органы печати создавали соответствующее общественное мнение. В поисках дополнительных фактов следовали опросы многочисленных свидетелей,

частных лиц. «Каноны» американской журналистики предполагают, что газета не должна вторгаться в частные права и чувства без уверенности, что это отвечает требованиям общественности. Факты, полученные у частных лиц, становились основанием для вызова любопытства, и тем самым формировалось право общественности и газеты вторгаться в частные права и чувства, так что с соблюдением и этого положения «канонов» журналистики все было в порядке. Не исключено, что материалы печати и газетные расследования оказывали воздействие на некоторых свидетелей, которые отказывались от своих прежних показаний и выступали с разоблачениями.

Естественно, возникает вопрос: каковы побудительные причины газетного расследования «Уотергейта»?

Для многих ответ выглядит просто: желание раскрыть политические махинации, очистить государственный аппарат от недобросовестных лиц. Но было бы преждевременным ставить точку на таком утверждении.

До «Уотергейта» в политической жизни США произошли не менее значительные события: убийства президента Дж. Кеннеди и его брата Р. Кеннеди, раскрытие неправомочных действий Пентагона в связи с агрессией США во Вьетнаме, борьба крупных монополистических объединений и военно-промышленных корпораций за государственные заказы, конкурентная борьба за рынки сбыта и, наконец, поглощение крупным бизнесом своих противников в лице различных фирм и компаний.

Могли они отразиться на событиях вокруг «Уотергейта»?

Некоторые факты дают основания для утвердительного ответа.

Сами авторы «Всей президентской рати» намекают на то, что за «Уотергейтом» стоят события недавнего прошлого. Среди участников «Уотергейта» Бернстин и Вудворд выделяли на первом этапе имя Ханта. Последний проявлял интерес к материалу о братьях Кеннеди. У него свидетели видели книги по этим вопросам.

Авторы не скрывали, что главный редактор «Вашингтон пост» Бредли «был личным другом президента Кеннеди» и «чувствительно относился к материалам о семье Кеннеди». Они даже привели заявление сенатора Роберта Доула о том, что «Вашингтон пост» поддерживает демократов, а главный ее редактор — старый швейцар Кеннеди⁴⁹.

И еще одно напоминание о прошлом.

В книге «Последние дни» факт публикации газетой «Нью-Йорк таймс» документов Пентагона, разоблачивших политические махинации в связи с агрессивной США во Вьетнаме, фигурирует в качестве первого пункта хроники «Уотергейта».

Тем самым, вольно или невольно, создавалось впечатление, что месть за прошлое — достаточное основание для разоблачения до конца, хотя оно и не дало каких-либо новых фактов о том, кто же в действительности стоял за спиной убийц братьев Кеннеди. Что касается документов Пентагона, то они затрагивали не только действия республиканцев, но и демократов.

Симпатии «Вашингтон пост» к демократам просматривались и по другой линии — позиции хозяев газеты. Ф. Ландберг в книге «Богачи и сверхбогачи» подчеркивал, что буржуазные газеты Америки, как правило, «принадлежат финансистам-политикам, контролируются ими и получают от них финансовую поддержку...». Но сами газеты «никогда не привлекают внимания к своим высокочтимым покровителям: финансистам и политикам»⁵⁰.

Авторы «Всей президентской рати» утверждали, что в ходе расследования Вудворд только однажды встретился со своей хозяйкой К. Грэхем: когда нависла опасность вызова в суд за обращение к присяжным. Грэхем интересовал главный вопрос — «Что случилось в суде?». Успокоенная покровительница перешла к перспективам расследования. Вудворд подтвердил, что «все выйдет наружу».

Затем был затронут вопрос об источниках. Репортер рассказал о своих поездках, о свидетелях из министерства юстиции и, естественно, о Глубокой Глотке. Имя, по словам Вудворда, не было раскрыто и здесь (!).

Спустя четыре года известный фельетонист А. Бухвальд на 60-летию владелицы «Вашингтон пост» произнесет каламбур, подхваченный газетчиками: «Для людей, которые не знают лично Грэхем — она самая могущественная женщина Америки. Для тех из нас, кто ее знает, — она самая могущественная женщина мира».

Но обратимся к истории.

В 1933 году газета «Вашингтон пост» была куплена банкиром Ю. Мейером. Последний, в свою очередь, был связан с уолл-стритовским банком «Браун Бразерс, Гарриман энд компани». Не без помощи этого банка

Мейер вдохнул жизнь в газету, которую он в 1948 году передал своему сыну Филиппу Грэхему. За 15 лет сын прикупил себе журнал «Ньюсуик», газету «Вашингтон таймс геральд».

В 1963 году Ф. Грэхем покончил жизнь самоубийством и «Вашингтон пост компани» перешла в руки его вдовы — Катарины Грэхем. Она привлекла к газете Б. Бредли, Б. Бегдикяна, нескольких лауреатов премии Пулитцера, повысила оклады.

«Вашингтон пост компани» владеет не только газетой «Вашингтон пост», одним из ведущих американских журналов «Ньюсуик», но и четырьмя телевизионными компаниями, двумя радиостанциями, она входит в состав пайщиков газеты «Интернейшнл геральд трибюн», службы новостей газет «Вашингтон пост» и «Лос-Анджелес таймс». Свои финансовые операции эта компания, так же как и «Нью-Йорк таймс», осуществляет через банк «Морган гэранти траст».

Не ослабли и старые контакты с банком «Браун Бразерс, Гарриман энд компани», который также укрепил свои позиции. Наряду с крупнейшей железнодорожной компанией «Юнион пасифик» он имел решающее влияние в «Поларойд корпорейшн», «Колумбия бродкастинг систем» и др.

Руководители банка не скрывали свои симпатии к демократам. После прихода Дж. Картера к власти один из партнеров банка рассматривался как возможный кандидат на пост председателя федеральной резервной системы, связанной с деятельностью американских банков.

Один из владельцев банка А. Гарриман занимал видные посты в администрациях демократической партии. В 1943 году он был послом США в СССР, в 1946 — 1948 годах — министром торговли, затем специальным помощником президента Трумэна по внешнеполитическим вопросам, губернатором штата Нью-Йорк. На этом посту он в 1958 году потерпел поражение от крупного магната Америки Н. Рокфеллера — сторонника республиканцев.

В одной из книг по вопросам «Уотергейта» промелькнуло утверждение об экономических причинах выступления «Вашингтон пост». Администрация Никсона пыталась атаковать фонд «Вашингтон пост» и лишить ее лицензий на телевизионные станции в Майями и Джексонвиле⁵¹. При этом напоминалось, что «Вашинг-

тон пост» «никогда громко не поднимала голоса против войны во Вьетнаме» и «всегда поддерживала президента, любого президента». На этом основании предполагалось, что разоблачение «Вашингтон пост» было не просто делом хорошего газетчика, получившего вовремя «величайший материал». Речь могла идти о «скрытом заговоре»⁵². Однако никаких конкретных данных на данный счет не приводилось.

Обошел этот вопрос и сам Р. Никсон в телевизионном интервью Д. Фросту (май 1977 г.). Не называя имен Вудворда и Бернстина, Никсон охарактеризовал их книги «пустозвонством», а методы работы — «презренным журнализмом». Бывший президент опроверг утверждения, что он покинул свой пост в результате «организованного заговора»⁵³.

Итак, «Вашингтон пост» впервые в своей истории замахивалась на самые высокие этажи власти. В условиях США ни у компании «Вашингтон пост», ни у банка «Браун Бразерс, Гарриман энд компани» не хватило бы на это смелости и решительности. Они делали слишком высокую ставку. И должны были иметь солидные гарантии среди владык Уолл-стрита. И, очевидно, они их имели.

Вернемся к концу 50 — началу 60-х годов. Между крупными монополистическими объединениями развернулась борьба за получение правительственных заказов, связанных с гонкой вооружений, за распределение американских капиталовложений за границей. Одновременно продолжался процесс объединения и подчинения самых различных фирм и компаний крупным монополистическим объединениям. Обнаружились подделки в финансовых документах крупных монополий, которые использовались не столько для разоблачений, сколько для подавления своих противников. Правительство США прямо или косвенно содействовало концентрации финансовой мощи. С другой стороны, политические партии внимательно следили за положением связанных с ними финансово-промышленных кругов. И как только объединение и поглощение затрагивало партийные интересы, вступал в действие правительственный механизм.

В 1969 году министерство юстиции решило возбудить дело против фирмы «Линг-Темко-воут» с целью отделить от нее «Джонс энд Лафлин стил корпорейшн», шестую по размерам сталелитейную компанию США. В том же

году правительство сорвало попытки «Нортуэст индастриз» поглотить резиновую компанию «Б. Ф. Гудрич».

У республиканской администрации складывались напряженные отношения с крупнейшими корпорациями «Интернэшнл бизнес машинз», производящей три четверти компьютеров в мире, «Дженерал моторз», «Форд», «Алюминум компани оф Америка». Правящие круги опасались, что огромный объем сделок «внутри транснациональных компаний окажется вне контроля, который правительство пожелало бы осуществить посредством валютной или бюджетной политики»⁵⁴.

Но не только это беспокоило республиканскую администрацию. К расширению своих финансовых и политических интересов стремилась группа банков, крупных компаний Калифорнии и других западных районов Соединенных Штатов, связанных с республиканцами.

1 февраля 1952 г. журнал «Нью Рипаблик» сообщил, что вице-президент Никсон был выдвинут на политическую арену с помощью представителей «Бэнк оф Америка» — своеобразного финансового центра Калифорнии. Там же, в Калифорнии, размещались «Уэстерн бэнк корпорейшн», «Юнайтед Калифорния бэнк», калифорнийские корпорации «Локхид», «Литтон индастриз», «Макдонелл-Дуглас», военно-электронная фирма «Хьюлет-Паккард».

Представители некоторых из этих компаний позднее войдут в состав правительства республиканцев. В 1968 — 1972 годах бывший руководитель чикагского банка «Континентл Иллинойс нэшнл бэнк энд траст компани» Дэвид М. Кеннеди станет министром финансов; директор национальной ассоциации промышленников, промышленного совета южных штатов Уинтон Блаунт — министром почт; один из руководителей банков «Уэстерн бэнк корпорейшн», «Юнайтед Калифорния бэнк» Морис Губерт Стэнс — министром торговли. В 1973 году директором Административного и бюджетного управления был назначен Рой Эш, бывший президент компании «Литтон индастриз», занимающейся производством электронных приборов и тесно связанной с оборонной промышленностью. До этого он восемь лет работал в «Бэнк оф Америка». Р. Эш являлся одновременно членом директоров «Бэнк оф Америка», «Глобал Марин» и «Пасифик мьючуал лайф иншуренс», членом административного комитета и комитета попечителей «Бэнк оф Америка».

Но вот, когда монополистические объединения, ис-

пользуя правящую администрацию, старались прибрать к рукам своих финансовых противников, тут уж интересы прибыли ставились превыше всего.

История восхождения «Бэнк оф Америка» — это острая конкурентная борьба со своими противниками на Уолл-стрите, в частности с Морганом и его банком «Ферст нэшнл бэнк оф Нью-Йорк» (ныне «Сити-бэнк»), который пытался не допустить слияния банков Калифорнии. Используя свои связи с правительственными кругами, «Бэнк оф Америка» в 60—70-х годах вместе со своими конкурентами «Сити-бэнк», «Чейз Манхэттен бэнк» включился в процесс концентрации и централизации банковского капитала на американском рынке, а также к расширению активности за рубежом, к сращиванию промышленного и банковского капитала в международном масштабе.

«Бэнк оф Америка» совместно с республиканской администрацией приходит на выручку своим партнерам. В 1969—1970 годах трудное положение сложилось в военно-промышленной корпорации «Локхид». Она была спасена от банкротства в 1971 году с помощью правительственной гарантии и получения кредита от «Бэнк оф Америка».

Уже после «Уотергейта» в печать просочатся сведения о том, что руководители корпорации израсходовали 38 млн. долл. на взятки высокопоставленным лицам за рубежом для получения заказов на продажу их самолетов. Премьер-министр Японии Танака вынужден будет уйти в отставку. Уйдут со своих постов президент и представитель корпорации. Конкуренты «Локхид» — такие крупные корпорации, как «Боинг», «Макдонелл-Дуглас», выразят удовлетворение. «Локхид» станет «подбитым самолетом», упадут его прибыли, подешевеют акции. Однако «Локхид» выстоит. Военные ведомства не оставят без внимания своего партнера. Один миллиард долларов будет с согласия Пентагона получен от продажи за границей 44 противолодочных самолетов, у корпорации останутся заказы и на крупные партии другой военной продукции.

Оказалось, что дача взяток — тоже прибыльное дело. После «Уотергейта» была раскрыта еще одна махинация другой компании «Стандард ойл», принадлежащей семье Рокфеллеров — сторонников республиканской партии. До 1973 года в кассы политических партий правительственной коалиции Италии и отдельных полити-

ческих деятелей этой страны компания передала около 48 млн. долл. Чтобы обойти контроль налоговой инстанции, компания симулировала свою задолженность итальянской нефтяной компании «Разном». Чистый доход «Стандард ойл» от налоговых льгот составлял каждые четыре месяца 89,4 млн. долл.

И еще один штрих к борьбе монополистических объединений. Журнал «Тайм» 7 августа 1978 г. поместил пространную статью о лоббистах в американском конгрессе — явлении, специфическом в практике законодательных органов США. Журнал не открыл ничего нового. Приведены были факты увеличения числа этих лиц в Вашингтоне, их расходы на обработку членов конгресса и формирование общественного мнения (2 млрд. долл. в год) в пользу принятия тех или иных законопроектов. Важно другое. Журнал признает, что американские корпорации значительно расширили свое влияние, используя «ослабление президентской власти».

Существовали побудительные причины к борьбе крупных монополистических групп и внутри самой республиканской партии. Автор книги «Создание президента в 1960 году» Т. Уайт отмечал, что во время предвыборной кампании 1960 года «бизнес выступил против Нильсона Рокфеллера. Он хотел Никсона». Н. Рокфеллер, будучи тогда губернатором штата Нью-Йорк, понимал, что в 1960 году у него был последний шанс добиться выдвижения его кандидатуры на пост президента на съезде республиканской партии. Однако внутри республиканцев он встретил противодействие со стороны не менее могущественных сил. «Рокфеллеры, — писал Уайт, — всегда присваивали себе право первой семьи в американском бизнесе. И они в течение десятилетий оказывали решающее влияние в вопросах финансирования республиканской партии. Ныне они обнаружили, что у них недостаточно сил и власти, чтобы контролировать американский бизнес»⁵⁵.

Конкуренты, как подтвердили дальнейшие события, в лице Морганов, Дюпонов, калифорнийских групп были обеспокоены тем, что «Чейз Манхэттен бэнк», «Стандард ойл компани оф Нью-Джерси» и др., принадлежащие семье Рокфеллеров, могут получить пост президента и используют его для расширения своего финансового и политического влияния.

В американских же средствах информации борьба монополистических групп оставалась в тени, притом до-

вольно плотной. Общественности была предложена другая подоплека «Уотергейта» — конфликт между печатью и правящей администрацией, между общественным мнением и печатью. В практике США — это были острые вопросы. Но критика данных конфликтов затрагивала лишь фасад, на котором были прикреплены рекламные щиты «свободы» и «демократии». Побудительные причины — капиталистическая частная собственность на средства информации не затрагивались.

«Уотергейт» дал владельцам ведущих органов печати неплохой доход. Газеты «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост», «Лос-Анджелес таймс» стали «приобретать все большее общенациональное значение». Не был подорван и процесс монополизации рынка печати и телевидения, когда крупные объединения поглощали более мелкие органы средств информации. На конец 1977 года 170 газетных синдикатов США контролировали 60% всех газет Америки и 72% их тиража⁵⁶.

Возникла и другая иллюзия в связи с «Уотергейтом». Утверждалось, что прошедшие разоблачения изменили характер американских средств информации, которые сбросили «оковы извращенного чувства действительности», отказались от стереотипного освещения событий, а журналисты стали «не безразличными людьми в отношении рутины жизни». Они хотели «рисовать правдивую картину мира», покончить с зависимостью газет «от традиционных учреждений и организаций».

Журнал «Форчун», который нарисовал в номере за апрель 1975 года оптимистические последствия «Уотергейта», утверждал, что американские газеты стали, дескать, вести себя «свободно в редакционной политике, в выборе тем и методов своих действий». Правда, все дело испортил журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», который 21 апреля 1975 года поместил список «наиболее влиятельных лиц в 12 областях жизни Соединенных Штатов. Оставим в стороне промышленность, банковское дело, труд, религию, образование и др. Обратимся к разделу «газеты». Вот кто фигурировал среди «наиболее влиятельных людей» в правительственных, деловых и общественных сферах:

А. Сульцбергер — издатель газеты «Нью-Йорк таймс»;

К. Грэхем — издательница газеты «Вашингтон пост»;

Дж. Кнайт — председатель объединения «Кнайт ньюспейперс»;

В. Бредли — главный редактор «Вашингтон пост»;
П. Миллер — президент объединения «Ганнет ньюспейперс».

Да и сам журнал «Форчун» отнюдь не опровергал, а, напротив, защищал связи средств информации с правящими кругами. Ведь печать, объяснял журнал, должна «информировать население о деятельности правительства, предпринимателей и др.». Да и «свобода печати» не самоцель, а «средство обеспечить более высокие идеалы, особенно права личности и жизнеспособность самого правительства», «приспособления журналистики к законным нуждам существующей системы».

Начав с лозунга «рисовать правдивую картину мира», «Форчун» пришел к тому, что американская печать призвана защищать «существующую систему». А иначе и не могло быть. Печать, несмотря на все разоблачения, оставалась служанкой политических институтов и капиталистической системы со всеми вытекающими последствиями.

И, очевидно, не случайно во всех критических материалах, публикуемых на страницах буржуазной американской печати, присутствуют элементы прославления существующей системы. В махинациях, манипуляциях виноватыми обычно оказываются отдельные лица, совершившие какие-то промахи, но не капиталистическая система. Разоблачали подкуп — но он оказывается не чем иным, как «личной ошибкой». Политические махинации относились на счет «плохих деятелей», и они будут исправлены «хорошими руководителями». Система не затрагивалась. В тех же случаях, когда буржуазные журналисты переступали грань дозволенного, их постигала неудача. И разоблачения, какими бы острыми и уничтожительными они ни были, не доводились до логического конца.

Поэтому не отбрасывалось, хотя и критиковалось, стереотипное извращение действительности. В конечном итоге в практике буржуазной печати США разоблачения стали всего лишь стереотипным методом манипулирования общественным мнением. На читателей и слушателей обрушивался поток предположений и фактов разоблачений в деятельности администрации, ЦРУ, Пентагона. Они не затрагивали главных побудительных причин. В пылу разоблачений политические противники сводили свои счеты, а общественность получала стереотип «динамизма» и «свободы» капиталистического общества.

В числе причин «Уотергейта» в американских версиях часто фигурирует негативное отношение печати США к Р. Никсону. Ее поддерживали как сторонники, так и противники республиканской партии. Во многих книгах и статьях можно было встретить ссылки на то, что «американская печать не любила Никсона».

Журнал «Эсквайер» еще в апреле 1974 года отмечал, что «Уотергейт» — результат взаимоотношений президента с прессой. Никсон не пользовался такой популярностью в печати, как Дж. Кеннеди. Республиканцы не поняли изменения в общественном мнении Америки в ходе войны во Вьетнаме. «Белый дом больше выступал за войну, чем против войны». Отмечалось, что большинство средств информации некритически относились к Дж. Кеннеди, в то время как Никсона они «трепали больше всех». Бывший помощник Никсона В. Сафире в своей книге «Накануне падения» среди главных причин «Уотергейта» называл «враждебность прессы», «злых и насмешливых» комментаторов и обозревателей из газет «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост»⁵⁷.

Республиканцы действительно отставали от изменений в американском общественном мнении, но правда также и то, что агрессивную войну начали во Вьетнаме демократы, а республиканцы ее закончили. В манипуляциях общественным мнением в одинаковой степени были также замешаны республиканцы и демократы. Следовательно, ссылки на плохие и хорошие отношения с прессой не раскрывали всей правды. А сам «Уотергейт», как показали последующие события, отнюдь не изменил характера средств информации, не дал им права на разоблачения и критику всех и вся.

Итак, агрессивная война во Вьетнаме привела к крушению не только внешнеполитических установок США, но и вызвала кризис доверия к системе принятия решений в государственном аппарате США. Она обнажила и частично раскрыла методы грубого манипулирования со стороны газет, радио и телевидения США. Однако правящие круги, владельцы средств информации на основе ограниченной критики защищали свои позиции. Понеся определенный урон, они вновь обратились к средствам защиты политических и идеологических стандартов капитализма, сбивали волну протестов, уводили людей с помощью различной техники манипулирования от идей коренной перестройки внешней и внутренней политики.

Глава VI

В УГОДУ ОПАСНЫМ РЕШЕНИЯМ

События 70-х годов были отмечены возрастающим разладом в американском обществе. Многие стали понимать, что провалы политики «с позиции силы», пороки политического механизма США отнюдь не случайные явления.

Требования американской общественностью изменений во внутренней и внешней политике вызывали серьезную тревогу в правящих кругах. Они настраивают средства информации на иную тональность. Принимаются меры к тому, чтобы люди быстрее забыли поражение США во Вьетнаме, а разоблачения, связанные с обманом и дезинформацией, стараются повернуть на пользу создания новых и восстановления старых идеологических мифов.

ПЕЧАЛЬНЫЕ ИТОГИ 200-ЛЕТИЯ США

На юбилей 200-летия Соединенных Штатов Америки затрачены немалые средства. В праздничную фиесту включилось огромное число политических деятелей, пропагандистов, идеологов, ученых. «История или наследие», «Горизонты-76», «США — путь свободы» — эти темы были выбраны как ударные в прославлении Соединенных Штатов.

Защищая историю США и их наследие, министры, конгрессмены, бизнесмены, журналисты прославляли «американскую мечту», «идеи отцов-основателей», «уникальность американской революции», которая восприняла опыт Рима, английских традиций и пошла дальше,

«установив самую демократическую в мире систему с точки зрения эффективности прав человека»¹.

Итак, «самая демократическая система». Что это — описка или некритическое отношение к опыту США, где было и оставалось экономическое и идеологическое неравенство, где была и оставалась расовая дискриминация, где господствуют жестокие подавления волнений, расстрелы, разгоны демонстраций, где бросают в тюрьмы инакомыслящих, где города окутаны разгулом преступности.

Нет, не описка. Скорее, пропагандистский умысел.

Как быть с неприятным и отвратительным прошлым, притом не таким и далеким — агрессией США во Вьетнаме? Оказывается, война и обман, о котором поведали материалы «Уотергейта», — всего лишь «мелкие травмы». Они, дескать, пройдут, так как «нетипичны для американской системы».

Обратимся к мнению самих американских авторов. Известный историк Артур Шлесинджер (младший) в книге «Имперское президентство», написанной под влиянием начального периода «Уотергейта», подвел определенный итог внешнеполитической деятельности США. Его оценки отражали мнение представителей либерально-буржуазных кругов, озабоченных провалами Соединенных Штатов на международной арене.

По мнению Шлесинджера, «холодная война» сопровождалась «серьезными проблемами для американской внешней политики»². Их создали: война в Корее (1951 г.), свержение правительства Мосаддыка в Иране (1953 г.), интервенция в Гватемале (1954 г.), провокация против Кубы (1960—1961 гг.), начало войны против ДРВ (1964 г.), посылка американских войск в Доминиканскую Республику.

Во многих случаях Белый дом дезинформировал конгресс и общественность. Так, Тонкинская резолюция «несла штамп дезинформации и неправильного представления, если не преднамеренного обмана». США вступили в войну, которая «была самой продолжительной в американской истории и принесла Америке потери бóльшие, чем гражданская война в США и две мировые войны, вместе взятые».

Под покровом стимулов «холодной войны» создавались иллюзии «мирового руководства США». Мистика «национальной безопасности» «определялась в военных терминах, которые становились единственным критери-

ем». «Если Чан Кайши, Батиста, Нго Дин Дьем, Франко были до конца антикоммунистами, то национальная безопасность США требовала их поддержки, несмотря на тяжелые последствия для народов этих стран, да и самих Соединенных Штатов»³. «Национальная безопасность» США требовала выступлений против запрещения испытаний ядерного оружия, ограничения других видов вооружений.

Осуждая имперский характер системы принятия решений в США и их тяжелые последствия для престижа Америки на мировой арене, представители либерально-буржуазных кругов требовали возвращения конгрессу его законодательных функций, полагая, что это освободит страну от ошибок в будущем.

Лозунг «история или наследство» наполнялся и другими передержками. Красочные парады на исторические темы создавали «образ» «идеальной революции, которая якобы служит маяком для всех народов» и оказала «самое сильное и длительное воздействие», более сильное, чем «французская и октябрьская революции»⁴.

На выставках «мир Франклина и Джефферсона», в серии кинофильмов «американский эксперимент, начатый 200 лет назад», идеи американской революции, борьба американского народа за национальное освобождение переносились на последующие периоды, когда США стали оплотом империализма, вступили на путь территориальных захватов.

Как ни парадоксально, но именно такая газета, как «Нью-Йорк таймс», раскрыла подоплеку столь фальшивого отношения к историческому наследию. Празднование 200-летия, отмечалось в статье, помещенной на ее страницах, должно «породить новое понимание освободительной борьбы, которой постоянно давали все новые и новые стимулы такие люди, как Авраам Линкольн, Вудро Вильсон, Франклин Рузвельт, Гораций Манн, Джон Дьюи, Мартин Лютер Кинг». Лишь такой подход может расчистить путь к тому, чтобы «Соединенные Штаты и в собственной стране, и за ее рубежами вновь заняли место на стороне тех, кто устремлен к свободе»⁵.

Как же быть с неприглядными историческими фактами, например, с расширением территории США за счет захватов земель соседних государств?

Вооруженное отторжение части Мексики объяснялось как «исключительно мирная акция», продиктованная «культурным освоением новых мексиканских земель»⁶.

Не менее манипулятивно излагался и лозунг «Горизонты-76». Он фактически имел в своей основе имперские амбиции США. Вскоре после юбилея (лето 1977 г.) тогдашний президент Картер признавал: «Война во Вьетнаме породила глубокий моральный кризис, подорвав доверие к американской политике во всем мире. Скрытый пессимизм некоторых наших руководителей еще более углубил этот кризис доверия... Лидерство в этом плане вернет нам тот моральный престиж, который мы когда-то имели»⁷.

Восстановление «морального престижа» рассматривалось в рамках мессианской роли США. Провозглашалось стремление распространить американские стандарты «на другие государства и народы». Восстановление «морального престижа» было равнозначно оправданию мессианской роли США. Освободив «образ» Соединенных Штатов от изъянов, правящие круги и пропагандисты убеждали, что «американский образ жизни — самый революционный» и он достоин «распространения на другие государства и народы»⁸. В этом плане весьма показательным было интервью Бжезинского, советника тогдашнего президента (окт. 1977 г.). Началось оно с тезиса о мессианской роли США. «Америка дает перспективу будущего, к которому стремится большинство людей...»⁹. Важно провозгласить величие Америки, затем представить американские стандарты как достойные не просто внимания, а принятия народами других стран. Какая может быть пропаганда без полуправды?

Бжезинский признавал, что война во Вьетнаме — «неприятный и отвратительный феномен». Но она, дескать, «не носила колониальный или имперский характер». Была «ошибочная вовлеченность». Ответственность за войну перекладывалась на предшественников, а сама американская система освобождалась от такого порока, как агрессия.

Многим политикам и простым американцам война во Вьетнаме принесла глубокие идеологические и политические потрясения. Одними из ее тяжких последствий стали утрата доверия к институтам власти, глубокий скептицизм, величайшие расхождения с правящими кругами. Утрата веры в возможности американской системы пришла с войны во Вьетнаме. Бжезинский обошел такие проблемы. Он хотел представить тяжелые последствия войны во Вьетнаме как далекое прошлое, мешающее рассмотрению новых проблем.

Какие же это проблемы?

Главная, чтобы другие страны следовали Соединенным Штатам. Но, чтобы никто не заподозрил США во вмешательстве во внутренние дела других стран, Бжезинский делал оговорку: США «не выступают за производство американской системы в других частях мира». Правда, в другой части этого же интервью маскировка отбрасывалась: Соединенные Штаты «не хотят прихода к власти коммунистических партий в Западной Европе».

Америка, утверждал Бжезинский, оказывает «свое интеллектуальное и культурное воздействие с помощью телевидения, кино, своих товаров и технических новинок, с помощью проявления социального динамизма системы с ее возможностями к быстрому развитию». Что же касается недостатков, то они объяснялись «стремлением к материальным благам и вульгарностям», подрывающим «традиционные верования», без выдвижения «альтернативных философских концепций».

«Альтернативные философские концепции» имели одну цель — прославить американский капитализм. В своих книгах и статьях Бжезинский приложил немало сил к тому, чтобы доказать тезис: «Соединенные Штаты — новаторское и созидательное общество». «Теоретические» экскурсы подкреплялись призывами разработать специальные «программы», которые сняли бы критику капитализма. Крупные компании и корпорации стали вносить немалые средства в фонды различных американских институтов для разработки «этических и философских основ капитализма», «защиты свободного предпринимательства», чтобы «погасить антибизнесовский уклон».

Представители бизнеса гасили недовольство собственными средствами, но и прилагали немало сил, чтобы внедрить в «Горизонты-76» тезис о том, что частное предпринимательство — «главный стержень мировой истории», дающий возможности решения всех социальных вопросов. Оставалось только непонятным, почему США за 200 лет существования не устранили социальное и политическое неравенство. От пропагандистов, взявших на себя труд доказать «жизненную силу частного предпринимательства», потребовалась немалая изворотливость, которая приводила их к выводам, противоречащим самой практике США.

Частное предпринимательство устранило конфликты между рабочими (!), «открыло путь к американской демократии». Приводились и другие довольно странные аргументы. «В Германии (речь идет о ФРГ.— А. В.) и Японии демократия стала эффективной в результате американской оккупации». В Латинской же Америке наблюдается ослабление американского влияния, что привело к снижению демократии в этом районе¹⁰. Нет, это не шутка. Это оказывается «серьезный» аргумент. Чего не сделаешь ради праздника. В Чили с помощью американского империализма произошел военный переворот, было свергнуто законное правительство. Какое же тут ослабление американского влияния. Военная хунта с ее тюрьмами, концлагерями — чем не пример «американской демократии».

Уже не впервые система частного предпринимательства выдавалась за демократизм. И авторов таких мифов не смущало, что буржуазная демократия воспроизводит стяжательство, индивидуализм, уродует человеческую личность, уводит ее в мир несбыточных грез, воспитывает отношение к внутренним и международным вопросам «с позиции силы», полагаясь на власть денег и капитала. С индейцами боролись, чтобы отнять у них плодородные земли, с бедными белыми, — чтобы эксплуатировать их труд, ввозили черных рабов, чтобы умножить капиталы плантаторов, захватывали территории соседей, чтобы прикарманить плодородные земли. И все это осеялось частным предпринимательством и «свободой».

Не менее остро стоял вопрос и о расовой дискриминации в США. В юбилейные дни предпочитали говорить о некоторых представителях черного населения, избранных в конгресс, о выдающихся писателях, артистах, художниках, ученых из числа национальных меньшинств. Они становились объектами манипулирования, чтобы скрыть или приукрасить положение угнетенных и униженных.

Но факты, приводимые самой американской печатью, говорили о другом. Спустя 200 лет во многих районах США возможность белых и черных детей учиться за одной партой остается еще мечтой.

Спустя 200 лет можно было встретить опросные листы, где стояли расистские по своему духу вопросы: «Считаете ли вы, что черные менее честолобивы, чем белые?», «Считаете ли вы, что черные менее развиты

от природы, чем белые?». Но даже такие опросы фиксировали, что в США «расовая дискриминация остается значительной», что для «черных безработица — наибольшая проблема».

С расовой дискриминацией тесно связана и другая проблема — бедность. Удивительно, что для США, народ которых достиг значительных успехов в различных областях знаний, народ которых построил заводы, фабрики, дороги, остро стоит вопрос обеспечения работой, жильем, питанием, пособий нуждающимся. В бедности жили и живут не сотни и тысячи, а миллионы людей. По данным некоторых органов печати, в США насчитывается около 10 млн. человек, которые выброшены на дно общества и которых «американская мечта» обошла стороной. В их число входят представители различных национальностей. Но в значительной степени — это черные, доведенные до нищеты, до сих пор страдающие от наследия рабства и расовой дискриминации. Они живут в антисанитарных условиях, в домах аварийного состояния. Дети этих семей страдают от недоедания, инфекционных болезней. Родители не имеют средств на приобретение пищи, одежды. И все это происходит в наше время.

Лозунг «США — путь свободы» как бы дополнил предыдущие два и был предназначен для обоснования тех же имперских идей. Празднование 200-летия и пышные слова «об американских свободах» имели целью преодолеть внутренний моральный кризис и переключить внимание американцев на ложные уверения об отсутствии свобод и демократии в других странах, в частности в Советском Союзе.

Лозунг «США — путь свободы» должен был растопить «ледники политической жизни» США. Ведущий обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Джеймс Рестон до юбилея (в номере от 24 нояб. 1974 г.) писал, что последние десять лет были периодом глубоких политических и духовных потрясений в Америке. «На протяжении этого периода политические руководители склоняли нас к мысли, что нам судьбой было предначертано обрести больше процветания.., больше изобилия, больше машин и больше вещей. Но если нам сейчас есть за что быть благодарными, то за то, что грубые факты ныне разбивают эти иллюзии».

В оценке причин болезненного состояния США не было, да и не могло быть единого мнения. Сторонники

видеть в них издержки «американской демократии» и «свободы» не получали большинства. Их оппоненты, размышляя над причинами глубокого морального кризиса Америки, видели, что рассуждения о «великих идеалах» превращаются в пустые штампы. Пропагандистские стандарты вступали в острейшее противоречие с практикой, наполненной политическими убийствами, коррупцией, мошенничеством, проповедью насилия, культа силы. Угроза нависала над определяющими принципами капиталистической частной собственности, американского индивидуализма, «американского образа жизни» с его стандартами накопительства, прилежной работы, удовлетворения частнособственнических стремлений.

Не лучше обстояло дело и с вопросами внешней политики. Постоянные призывы к «освобождению» и «сдерживанию» других народов во имя «национальных интересов» США сопровождались провалами, потерей престижа. Мессианство на международной арене, претензии на мировое господство сопровождались даже нарушениями принципов американской конституции. Законодательные органы становились пешкой в руках действующей системы имперских решений Белого дома.

Если обратиться к внутренним и внешним проблемам США, то юбилей 200-летия отнюдь не излечил общество от главных недостатков. Так, исследователи избирательных кампаний в США давно обратили внимание на рекламный характер важного политического события в жизни страны. Это были зрелища, парады с плакатами, воздушными шарами, бесчисленным множеством речей. Внимание людей обращается не на существо политических программ, а на фотогеничное лицо, приятный голос кандидата или его любовь к спорту, животным, разведению цветов и т. д. Сам избиратель как бы становится соучастником красочного спектакля. Его захватывает калейдоскоп красок, обещаний, заверений. В конце концов, уставший от зрелищ, которые заслонили от него его реальную жизнь, его думы и стремления, он отдает голос за выборщика, а тот уже определит, кому быть президентом. Так создается иллюзия: удел широких слоев населения — участие в красочном рекламном спектакле; политика — удел правительства.

Накануне выборов кандидаты рассыпаются в благих намерениях. Неграм обещают равенство, фермерам — сохранение их участков, рабочим — занятость,

бизнесменам — неприкосновенность собственности, пенсионерам — достаток, в целом нации — мир и спокойствие. Но утихают предвыборные баталии, «избранники народа» забывают об обещаниях, ведут политику во многих случаях вопреки своим предвыборным лозунгам.

Выборы 1976 и 1981 годов не освободили избирательную систему США от ответов на трудные вопросы. Для избрания требуются огромные финансовые средства, поступающие в фонды политических партий от крупного бизнеса. После выборов представители его получают правительственные посты. Услуги щедро оплачиваются и возвращаются в виде выгодных предварительных постов и заказов. Избирателям все труднее ориентироваться в традиционном соперничестве республиканцев и демократов, во взаимных обвинениях, где теряются истинные ориентиры.

Косвенное избрание президента и вице-президента ограничивает выражение воли большинства. Избиратели голосуют за выборщиков, которые впоследствии выбирают президента. Поэтому уже не раз получалось так, что президентом становится кандидат, получивший меньше половины голосов от общего числа участвовавших в выборах. Даже буржуазная печать США вынуждена была признавать, что выборы не отражают волю большинства. Призывы к пересмотру порядка выборов, отмены системы выборщиков и перехода к прямым выборам президента остались нереализованными пожеланиями.

Приведенные выше факты взяты из средств информации США, и может создаться впечатление, что они выступают с решительным обличением существующих порядков. Напротив, здесь можно обнаружить еще один манипулятивный прием. Накануне выборов средства информации открывают для недовольства своеобразные шлюзы. На основании опросов, по итогам первичных выборов выясняется настроение избирателей. Наиболее острые вопросы — участие бизнеса в избирательных кампаниях, несовершенство избирательной системы — излагаются на страницах буржуазных изданий. Партии не скупятся на обвинения друг друга. Критика на страницах газет, в речах кандидатов как бы снимает напряжение и недовольство. Избирателю, неискушенному в политических вопросах, в течение многих десятков лет вбивали в голову, что его удел — личный успех, накопительство, узкий мир личных переживаний, и он восприни-

мает иллюзию критики всерьез, видит, что некоторые вопросы, которые вызывали его беспокойство, звучат на страницах печати, в речах кандидатов. Он успокаивается в надежде на их решение. Напряжение снимается критикой, но критикой, которая не колеблет основ капиталистического общества, напротив, она укрепляет иллюзию: политика — удел правительства.

Американские специалисты, знающие практику предвыборной борьбы, признавали, что в США сложился тип политического деятеля, претендующего на роль лидера. Он в первую очередь апеллирует к чувствам, чтобы вызвать немедленную реакцию, скрывая высокомерное честолюбие за модной риторикой о гласе народном. Такой лидер, будучи облечен властью, держит народ в неведении относительно своих истинных целей и может сохранить за собой власть таким же способом, каким ее получил, он распространяет невежество, выдавая его за мудрость¹¹.

Предвыборные манипуляции — одна сторона издержек «свободы». Другая, не менее сложная — моральный кризис американского общества. Обратимся только к некоторым данным, опубликованным в американской печати в 1975 году:

10 млн. американцев страдали алкоголизмом;

40 млн. единиц стрелкового оружия — на руках американцев;

число разводов за один год возросло почти на 5%;

многих молодых людей насилие уже не возмущает и не ужасает.

Пропагандисты склонны были объяснять эти и другие факты «американскими свободами». Средства информации предлагают читателям и слушателям сообщения на любой вкус, в том числе и насилие, склонность к обману и т. п. Особенно острая критика высказывалась в адрес телевидения и издателей. По телевидению в часы «пик» зрителям показывали от 5 до 9 случаев насилия в час, а по субботам — и до 30 в час. Издатели наводняют рынок порнографией, боевиками, наполненными эротикой и насилием, жестокостями и убийствами. Владельцы рекламных объявлений бомбардируют американцев адскими образами, прославляя склонность к удовольствиям и развлечениям, соединенным с порнографией, сексом и насилием, доводящими человека до умопомрачения.

Говоря об «издержках американских свобод», про-

пагандисты обходили главные источники морального кризиса — культ индивидуализма, его методы стандартизации и «воспитания» иррациональных сил человека, присущих в целом капиталистическому обществу.

Оставался в стороне и моральный аспект действий Соединенных Штатов. По зрелому рассуждению они просто не имели права говорить о человеческих правах в других странах, а тем более об их защите.

Могла ли брать на себя инициативу в защиту человеческих прав страна, где в избирательной кампании 1976 года приняло участие лишь 53,5% избирателей?

Можно ли говорить о демократизме американской системы, когда она определяется интересами меньшинства?

Можно ли говорить о полном удовлетворении желаний людей в стране, где снижение безработицы до 4% считается оптимальной нормой программ экономического развития?

Можно ли говорить о равенстве людей в стране, где меньшинство занимает господствующее положение в экономической и политической жизни, где деньги определяют общественный статус?

Можно ли говорить о динамизме американской системы, когда многие ее граждане считают, что «страна находится в тяжелом экономическом положении»?

Средства информации США, следуя за установками правящих кругов, уходили от рассмотрения подлинных причин нарушений свободы и демократии у себя дома и отвлекали от них внимание американцев ложным тезисом о «нарушении прав человека в Советском Союзе». Именно на волне лозунга «США — путь свободы», выдвинутого в период 200-летия США, официальные деятели Соединенных Штатов стали внедрять тезис о «защите человеческих прав в СССР», как один из принципов американской внешней политики.

Рассуждая об «универсальности американских свобод», «защитники прав человека» проговаривались о своих намерениях. Они вкладывали в «права человека» одно содержание — западную идеологию, западные стандарты, призванные вызвать брожение в умах советских людей, путем «медленного и неуклонного давления». Речь шла об активизации «психологической войны», грубого вмешательства во внутренние дела других государств и народов. И не случайно, что «борцами за человеческие права» в социалистических странах нарекались

отщепенцы, выступающие против социализма. Они видели свое «индивидуальное самовыражение» на путях борьбы с политической системой социализма и для этого обращались за помощью Запада.

Сотрудники Института современных исследований США в книге «Защищая Америку», касаясь целей «кампании борьбы за человеческие права», не скрывали, что она связывалась с американскими интересами, «дабы оказать влияние на политические позиции Советского Союза в сторону «психологического разоружения»¹².

Организаторы «кампании человеческих прав» прекрасно знали, что сравнение прав и обязанностей граждан социалистических и капиталистических стран складывается в пользу социалистических. Потому они уходили от такого сравнения, надевали на себя маску незнющих людей, которые ничего не ведают о принципах социалистической демократии. Никто из них не осмелился сравнить, например, Конституцию США с Конституцией СССР, систему выборов в Советском Союзе и США, действительное положение человека при социализме и капитализме. И все усилия в период празднования 200-летия США выправить положение не дали результата. Люди утрачивали веру в существующий политический и социальный строй, в навязываемую им идеологию. «По роковому сходству,— писал редактор журнала «Нейшн» (в номере от 12 апр. 1975 г.) К. Макдильямс,— 200-летняя годовщина совпала с унижающими национальное достоинство политическими скандалами и административной коррупцией». Даже союзники США, по свидетельству лондонской газеты «Файнэншл таймс» (в номере от 22 апр. 1975 г.), проявляли в дни 200-летия США, скорее, сдержанность, чем энтузиазм. Они задавали себе вопрос: стоит ли кричать «ура 200-летию»? Но пропагандисты, вторя официальным установкам, не колебались. Они кричали «ура» и активно включались в обработку общественности.

ШТАМПЫ ДЕЗИНФОРМАЦИИ

Американские политики и пропагандисты, обращаясь к событиям конца 70-х годов, как правило, выдвигают в качестве довода для объяснения причин обострения международной напряженности «агрессивные действия Советского Союза», «советскую военную угрозу», которые, дескать, нарушили договорен-

ности между Соединенными Штатами и Советским Союзом, в частности «Основы взаимоотношений между СССР и США», предусматривающие равенство и равную безопасность, отказ применения силы или угрозы ее применения. Преднамеренно американцам вбивался в головы тезис о том, что Советский Союз в одностороннем порядке нарушил принцип равенства и, воспользовавшись разрядкой, добился военно-стратегического превосходства над США. Реальное сопоставление событий и фактов того времени говорит о лживости таких утверждений.

В американской политике и, следовательно, в пропаганде были заметны две главные тенденции. Одна — признание бесперспективности политики «с позиции силы» и необходимости в современных условиях искать пути к мирному решению спорных международных вопросов, развитию взаимовыгодной торговли. Министерство торговли США в специальном докладе «Роль США в развитии торговли между Востоком и Западом» подчеркивало заинтересованность США в получении новейшей советской технологии и технологических процессов, невозможности проведения в отношении СССР дискриминационной торговой политики. Последняя ограничивает прежде всего американский экспорт и затрудняет доступ к рынкам, в которых заинтересованы Соединенные Штаты¹³.

Опросы общественного мнения при всей их условности фиксировали изменения в настроениях американцев. По данным газеты «Чикаго трибюн» (23 июня 1973 г.), большинство американцев (70%) высказывались за сокращение численности войск в Центральной и Западной Европе, 72% опрошенных поддерживали идею о расширении торговли между США и Советским Союзом, 73% — считали необходимым дальнейшее ограничение противоракетных систем.

Вторая тенденция отражала интересы тех кругов, которые были связаны с военно-промышленным комплексом и воспринимали разрядку, сокращение вооружений как непосредственную угрозу. Естественно, они не могли выступать открыто с изложением своих взглядов, поэтому использовали каналы пропаганды для выдвижения различных стандартов, препятствующих распространению идеи разрядки и взаимопонимания между народами.

Вновь проявлялась тенденция к разделению обязан-

ностей между правящими кругами и средствами информации. В одном случае брали на себя инициативу законодателя. Так, конгресс США в 1974 году принимает поправку Джексона — Вэника, которая поставила барьер на пути возможности установления торгово-экономических отношений между США и СССР.

В другом случае средства информации начинали атаку на само понятие «разрядка». Некоторые политологи и журналисты представляли дело таким образом, что разрядка — это-де не объективная закономерность международного развития, а некая привнесенная Советским Союзом категория, несущая для него одностороннюю выгоду. Они умышленно предавали забвению, что разрядка — это состояние международных отношений, переход к нормальным отношениям между равными государствами. «Разрядка — это готовность разрешать разногласия и споры не силой, не угрозами и бряцанием оружия, а мирными средствами, за столом переговоров. Разрядка — это определенное доверие и умение считаться с законными интересами друг друга»¹⁴.

Объективность и закономерность разрядки не подрывали интересов всех стран, не ставили их в неравное положение. Реализация принципов разрядки позволяла освободить людей от различных угроз, высвободить от сокращения вооружений значительные средства, могущие пойти на мирные нужды, на решение социальных проблем, столь остро стоящих перед Соединенными Штатами.

Миф о «советской военной угрозе» искусственно соединялся с проблемами разрядки напряженности. Ложная основа, как это неоднократно случалось в практике ведущих средств информации США, приводила к не менее ложным оценкам. Отсюда утверждения о «туманности и неопределенности» разрядки, под покровом которой Советский Союз, дескать, укрепляет свое стратегическое преимущество перед США, и потому процесс разрядки должен носить характер «умиротворения Советского Союза» и сопровождаться требованием к нему «изменить свою политику». Американцам вбивалась ложь о том, что разрядка — это «не период расслабления», а, наоборот, «более высокий уровень готовности»¹⁵, что «конфликты, политические и военные, будут продолжаться в силу многоплановости и многоконфликтности мира». В нынешнем же своем виде разрядка имеет-де только одну форму — форму «уступки Советскому Сою-

зу». Профессор права Корнельского университета Р. Роузкранс прямо призывал пропагандистов вести дело к тому, чтобы «оппозиция разрядке внутри США стала преобладающей тенденцией»¹⁶.

Чем активнее американская общественность выступала за продолжение процесса разрядки, тем сильнее нарастал поток пропагандистской обработки ее в обратном направлении. 30 декабря 1975 г. газета «Нью-Йорк таймс» провела интервью с десятками членов конгресса и официальных представителей, которые показали, что «политика разрядки все еще пользуется среди американского народа широкой поддержкой». Данный вывод вместе с тем соседствовал с утверждением о том, что у американской общественности якобы существуют «сильные подозрения относительно мотивов Москвы».

Спустя несколько недель та же газета, ссылаясь на опросы службы Харриса, писала, что 62% опрошенных высказались в поддержку поиска областей соглашения с Советским Союзом. И далее, «преобладающее число американцев по-прежнему поддерживает попытки добиться ослабления напряженности, а не возврата к «холодной войне». Основная причина этого «состоит в сохраняющемся у общественности беспокойстве относительно катастрофических последствий ядерной конфронтации между Соединенными Штатами и Советским Союзом»¹⁷.

Материалы же американской печати, включенные в документы американского конгресса, говорили о другом. Там можно было встретить утверждения, что разрядка — это просто вызов, естественно, со стороны Советского Союза, а Соединенным Штатам надо «опираться на доблесть военных лидеров»¹⁸. Оставалось не понятным, на какую доблесть? Гонки вооружений или поражения в Вьетнаме.

В поисках аргументов насчет «советской угрозы» некоторые авторы обращались к истории. Вспомнили Алексиса де Токвиля и то положение из его книги «Демократия в Америке», где противопоставлялись США и Россия. «Американец, — писал французский путешественник, — добивается победы плугом, а русский мечом... Главное орудие первого — свобода, второго — рабство... Их исходные позиции различны, и их курс не один и тот же». Цитата из Токвиля понадобилась для вывода: «сохранить позиции силы, достаточной для мощного сдерживания»¹⁹ Советского Союза.

Обращение к истории — дело похвальное. Но уж если вступать на путь исторических аналогий, то следовало быть более точным. Еще задолго до появления книги Токвиля «Демократия в Америке» (1835 г.) Россия оказывала немалую помощь американскому народу. Она ответила отказом на просьбу короля Англии Георга III послать 20 тыс. русских солдат для подавления восстания в североамериканских колониях. В борьбе американцев против английской короны Россия придерживалась строгого нейтралитета. И еще один штрих. В 1807 году, накануне установления дипломатических отношений между Россией и США, Джефферсон писал: «Россия — наш самый сердечный друг среди всех государств на земле и дальше всех пойдет в поддержке нас»²⁰.

В такое же положение незадачливых пропагандистов попали и те, кто ссылался на более близкие нам события. Во имя доказательства отказа от разрядки и перехода к «сдерживанию» русских следовала ссылка на то, что Москва якобы «не выполнила принципиальные положения соглашения Рузвельта — Литвинова»²¹.

Всему миру хорошо известно, что Советский Союз всегда строго выполнял взятые на себя обязательства. Соединенные Штаты же использовали упомянутое соглашение для манипулирования. Кампания, развернутая США, в защиту «человеческих прав» в Советском Союзе, апелляция к лицам, которые в своем оголтелом антисоветизме призывали США отказаться от политического, экономического и культурного сотрудничества с Советским Союзом, действительно нарушали принципы соглашения, подписанного официальными представителями Соединенных Штатов Америки и Советского Союза. Ведь в нем стороны обязались воздерживаться от «какого-либо явного или скрытого акта, могущего каким-либо образом нанести ущерб спокойствию, благосостоянию, порядку или безопасности, от любой агитации или пропаганды, имеющей целью «насильственное изменение политического или общественного строя».

Следует подчеркнуть, что на страницах газет и журналов звучали не только пессимистические голоса. Среди мрачных прогнозов об ослаблении военной мощи Соединенных Штатов, безопасность которых висит чуть ли не на волоске, раздавались призывы к сохранению и развитию разрядки. Дж. Кеннан — один из авторов доктрины «сдерживания» видел спасение разрядки в «установлении контроля над самоубийственной способ-

ностью к разрушению, которая является порождением страха». Страх и другие настроения, возникшие в результате «ядерного соперничества», отвлекают США от разумной политики переговоров и сотрудничества с Советским Союзом²².

Член редколлегии влиятельного журнала «Форин афферс» Дж. Чейз указывал, что политика «с позиции силы» была отличительной чертой курса США и исключала «сколько-нибудь выраженный моральный компонент». В американской политике преобладало «мессианское рвение». Значительными достижениями разрядки стали соглашения между США и СССР об ограничении ядерной войны, об ограничении стратегических вооружений, установлении ограничения в отношении числа наступательных ракет. Соединенным Штатам не следует увязывать разрядку с другими проблемами, в частности с идеологическими²³.

Но правящие круги не отбрасывали свое рвение в сторону «завинчивания пропагандистских гаек». Принимались меры к подавлению «нового журнализма» — иллюзии, возникшей в среде части американских журналистов под влиянием «Уотергейта», и по совершенствованию аппарата «психологической войны».

Спустя два года после «Уотергейта» разразился новый политический скандал. «Личный банкир Картера», директор административно-бюджетного управления Б. Лэнс был уличен в финансовых махинациях. Вспыхнувшие было надежды ведущих органов печати США на очередное расследование постепенно угасли. Открыть завесу тайн банковского и финансового дела газетчикам не удалось. Их к этому не допустили.

Стандарты дезинформации подводились и под деятельность внешнеполитического аппарата США.

В 1978 году Информационное агентство США и бюро государственного департамента по делам образования и культуры объединяются в Управление международных связей (УМС). Идея перестройки возникла еще в 1974 году, когда была создана специальная группа во главе с бывшим директором компании Си-Би-Эс Ф. Стэнтоном, который был известен как специалист в области средств информации, как человек, связанный с военно-промышленным комплексом. Ему поручались важные посты: президент правления «Рэнд корпорейшн», созданной на средства американских ВВС, президент Исполнительного комитета радиостанции

«Свободная Европа», президент радио- и телекорпорации Си-Би-Эс, председатель Консультативного комитета по вопросам информации. Во время агрессии США Стэнтон не скрывал своей позиции: «Вместо разговоров «голуби-ястребы» политику надо передать в руки главного командования».

Представленный им в начале 1978 года доклад выражал одну главную мысль — необходимо приспособить пропагандистский аппарат США к новой обстановке, соединить еще более прочными узами правительственную службу с частными каналами пропаганды.

Внешне, как и раньше, новый план обосновывался необходимостью соединения дипломатии и «общественной информации», растущим «идеологическим вызовом» Соединенным Штатам извне. Стали поговаривать даже о том, что ЮСИА, мол, получило большую самостоятельность. Система военно-политического аппарата США никогда не давала ЮСИА или какому-либо другому ведомству самостоятельности в решении внешнеполитических вопросов. Информационно-пропагандистская деятельность всегда звучала в унисон с внешней политикой. Поражения США объяснялись не только разрывом «общественной информации» и дипломатии, но и характером внешнеполитического курса США. В свое время один из директоров ЮСИА, отвечая на упреки конгрессменов, в пылу полемики заявил: «Какова политика, такова и информация».

Каждый раз при обсуждении пропагандистской деятельности создавался «критический фон», дабы обосновать новые ассигнования и создать обстановку «срочности и необходимости перестройки». Между тем правящие круги подводили дополнительные мощности под новые элементы политики. По отдельным высказываниям людей, стоящих близко к формированию информационной политики, можно было сделать вывод о том, что особое беспокойство вызывали огласки за рубежом теневых сторон «американского образа жизни», то есть разоблачения махинаций в связи с принятием решения об агрессии США во Вьетнаме (документы Пентагона), «уотергейтским делом», вмешательством Центрального разведывательного управления в вопросы внутренней и внешней политики США. Объясняя необходимость существования сильной пропагандистской организации, члены комиссии по вопросам информации указывали, что за рубежом следует давать соответствующие разъясне-

ния «основным внутренним проблемам и кризисам, которые невозможно сохранять в национальных рамках». Другое направление состояло в усилении антикоммунистической деятельности, дабы «вынудить коммунистов к обороне».

В соответствии с политическим курсом США Управление международных связей ставилось в особое положение. Директор стал одновременно главным советником президента по вопросам международной информации и обмена, а также Совета по вопросам национальной безопасности и государственного департамента. Это облегчило доступ к получению информации и определению политической линии.

В конгрессе вместо двух консультативных комиссий — по вопросам информации и по делам международного образования и культуры — была создана единая консультативная комиссия США по делам международной информации, культуры и образования. В ее задачу входило формирование основных направлений деятельности агентства, предоставление соответствующих рекомендаций президенту, государственному секретарю и директору агентства, оценка эффективности работы.

Объединение в Вашингтоне и за рубежом работников, занимающихся вопросами пропаганды, культурного и научного обмена, позволило сократить общую численность агентства с 10 000 человек до 8900 человек, но увеличить его годовой бюджет до 413 млн. долл. «Голос Америки» получил 30—40 млн. долл. на строительство новых передатчиков, чтобы «улучшить передачи на Европу, Ближний Восток и Африку, а также на изучение возможностей применения системы спутников для зарубежных телепередач».

Перемена вывесок во внешнеполитическом аппарате отнюдь не свидетельствовала об избавлении его от методов манипулирования. Оно, напротив, стало еще более изощренным и циничным. Редакторы американских газет стали получать директивы «подчеркивать такие концепции, как человеческие права, и откладывать в сторону некоторые материалы о жизни Америки, не отвечающие интересам Белого дома». Сотрудникам УМС предписывалось «информировать руководителей нации о реакции за рубежом на американскую внешнюю политику и на заявления официальных лиц по человеческим правам».

По каналам управления широко пошли официальные

материалы, статьи из американских газет и журналов о «советской военной угрозе», о необходимости усиления гонки вооружений. Запугивание «советской военной угрозой» сеяло подозрения и по отношению к области взаимоотношений государств, дезинформируя, в частности, руководителей тех стран, куда не было доступа советским источникам информации. Тем самым надуманная «угроза» становилась своеобразным инструментом подрыва доверия между государствами, порождая искаженные представления о путях развития международной обстановки.

Прилагались также усилия к тому, чтобы снять с американского аппарата внешнеполитической пропаганды обвинение за его связи с военно-промышленным комплексом, придать «убедительность» тезисам о «свободном обмене информацией» и «свободном потоке информации» и обосновать право США на более активное пропагандистское вторжение за рубежом. И в этом плане сторонникам этих тезисов пришлось вести полемику с рядом американских авторов, которые приводили в своих работах неопровержимые факты связей американских средств информации с военно-промышленным комплексом.

Именно на этих мотивах была построена книга профессора социологии Лондонского университета Д. Тунстола о роли англо-американских средств информации в мире. Он старался опровергнуть мнение Г. Шиллера о том, что экспорт американского телевидения связан с претензией военно-промышленного капитала США на мировое господство.

Тунстолл пытался представить Соединенные Штаты как первую в мире страну, которая отделила свою печать от государственной машины, первая предоставила печати свободу. В качестве доказательства в книге следовали ссылки на историю американской печати: появление дешевых газет, рост числа изданий, создание информационных агентств, появление радио- и телестанций. Их главная цель — описание различных аспектов жизни в самих США и за рубежом. И все. Нет, оказывается, конгломератов печати, нет подчиненности журналистов и редакторов интересам владельцев, нет ограничений в том, что и как писать, нет зависимости средств информации от рекламодателей.

Столь же вольно обошелся автор и с законодательством. В самом тексте американской конституции нет

статьи о свободе слова. Есть только поправка к конституции, принятая в 1791 году. Поправка отнюдь не исключала принятие конгрессом решений, которые прямо или косвенно затрагивали деятельность печати по вопросам монополистических объединений, по объявлениям, по лицензиям на радио- и телевизионное вещание и др.

Тезис Шиллера в его книге «Массовые коммуникации и американская империя» о связях некоторых крупных компаний, в частности Эн-Би-Си, с военно-промышленным комплексом был отнесен к числу «слабых». В качестве контраргумента провозглашалось, что американские средства информации будто бы не имели и не имеют имперского характера.

В числе аргументов Тунстолл приводил такие факты: значительная часть телевизионных программ ввозится во многие страны мира не только из США, но и из других капиталистических государств. Так, в Западной Европе американские телевизионные программы составляют 50% всех ввозимых программ и на них приходится 20% общего времени телепередач. Что же касается прибыли, то она, мол, не так уж высока.

Участие других западных стран в экспорте информации, кино, радио- и телепрограмм отнюдь не опровергает, а, наоборот, подтверждает общую тенденцию. И естественно, в этой области существует конкурентная борьба и определенная неравномерность. А вот прибыли Соединенные Штаты получают в больших, чем их союзники, объемах. Если суммировать доходы американских монополий только от экспорта за рубеж телевизионных программ и кино, то они составили (в 1977 г.) около 800 млн. долл. А если добавить доходы от продажи американской рекламы, информации, газет и журналов, то цифра в 800 млн. долл. увеличится раза в четыре, оставив далеко позади прибыли других западных стран.

Ссылки на то, что американские телевизионные программы продаются по низкой цене, значительно меньше их изначальной стоимости, не снимают очевидного факта о заинтересованности американских монополий в получении высоких прибылей за счет экспорта своей продукции. Внутри США они уже с лихвой вернули затраченные средства и потому за границей в конкурентной борьбе монополистические объединения могут играть на понижение. Такая политика подрывает национальные

телевизионные программы, так как во многих странах, даже развитых, местные телевизионные программы и фильмы не могут конкурировать с дешевой продукцией США.

Не меняют сути дела и ссылки на то, что распространение американской информации шло вслед за свободной торговлей и потому, дескать, возникла «свободная торговля новостями». Американские средства информации, как и другие службы Запада, дают якобы «нейтральные и тщательно сверенные новости, широкую панораму новостей»²⁴.

И здесь автору потребовалось освободить «свободную торговлю» от духа торгашества, наживы, конкуренции, дабы представить «свободный поток информации» наподобие «свободной торговли». Тут уже не до нейтрального и тщательного отбора новостей. Доллар и меч шли в истории рядом. Примеров тому предостаточно. Да и сами англичане понесли серьезный урон от «свободной конкуренции и свободной торговли» Соединенных Штатов. О какой свободе, «свободном потоке информации» может идти речь в обществе, где за миллионами американцев Федеральное бюро расследований установило слежку. По мнению американского публициста Фрэнка Доннера, антисоветизм, антикоммунизм стали питательной средой запугивания и травли²⁵. Любой критике изъянов во внутренней и внешней политике Соединенных Штатов навешивается ярлык «заговора против государства», а авторы критики причисляются к «агентам иностранного государства». Вытравливая из обихода слова «капитализм», «рабочий класс», «классовая борьба», пропагандисты внедряют стандарты, прославляющие насилие, садизм, непристойности, а потом обвиняют во всех грехах самих читателей и слушателей.

На основе материалов о нарушениях гражданских прав в США за последние 30 лет Ф. Доннер рассказал, как с помощью ФБР были организованы нападения на левые, прогрессивные организации, на срыв их собраний. Были случаи, когда представители властей вступали в сговор с мафией для организации нападений на коммунистов. В печати распространялись фальшивки, приписывающие левым и коммунистам, антирасистским и негритянским организациям «планы свержения существующего строя».

Извращенная аналогия между «свободной торговлей» и «свободным обменом информацией» дала не ме-

нее извращенные тезисы о том, что американские средства информации апеллируют только к личности, а не к партиям; что коммерческие условия обеспечивают «свободный поток информации» и «что люди сами выбирают американский путь»²⁶.

Ссылка на то, что коммерческий подход к информации и ее распространению обеспечивает «свободный поток», опровергается мнением таких авторитетов, как страны Африки, Азии и Латинской Америки, вставшие на путь национального освобождения. Они называют подобную практику «информационным империализмом». В конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран (Коломбо, 1976 г.) отмечала, что установление нового порядка в области информации не менее актуальная задача, чем нового экономического порядка. Из собственной практики народы стран, входящих в движение неприсоединения, знали, что «коммерческие принципы», навязываемые Западом, ограничивают потенциальные возможности обмена информацией и приводят к одностороннему и неравномерному характеру отношений, препятствуют борьбе народов за подлинное национальное освобождение и самостоятельное развитие.

Примеров, подтверждающих эти утверждения, множество. Но в данном случае интересно привести мнение другого, уже американского автора. Профессор политических наук университета Теннесси Д. Ниммо выпустил в 1978 году библиографическую работу «Политические коммуникации и общественное мнение». Обратимся к некоторым его выводам.

Вначале о пропаганде в целом. Это — «техника социального контроля», в которой необходимо обладать «коммуникационным правдоподобием и коммуникационной привлекательностью». Далее шло пояснение о социальном порядке. Оно предполагает «общие верования, совместные ценности» и необходимость повысить отождествление человека с нацией, государством, корпорациями, ассоциациями социальных интересов. Какая же здесь свобода? Перед американской пропагандой поставлена четкая задача — удержание людей в системе капиталистической эксплуатации.

Теперь о новостях. Они интерпретируют события, поэтому допустимы наряду с правдой и слухи. Объективность — это всего лишь ритуал, процедура заведенного порядка. Они говорят человеку, о чем ему следует ду-

мать. И различными приемами с помощью психологических манипуляций объединяют людей в «единую организацию»²⁷.

Таких откровений можно привести из книги Ниммо немало. И все они подтверждают, что рассуждения о «свободном потоке информации» — всего лишь прикрытие для усиления духовной обработки внутри страны и наращивания идеологической экспансии Соединенных Штатов. Она неминуемо связана с дезинформацией людей зарубежных стран, чтобы оторвать их от своих национальных ценностей, навязать им стандарты «американского образа жизни». И рассуждения о «свободном потоке информации», об «уважении личности» использовались для создания образа некоего среднего человека, нуждающегося якобы в продукции американских средств информации, американской культуры. А чтобы сбить его с толку, все, что касается Соединенных Штатов, представляется как пример подлинной свободы, прогресса, надежды на лучшее будущее.

Зарубежной аудитории под видом «широкого спектра информации» подсовывали сенсации, светскую хронику, рекламные аспекты жизни президентов, политических деятелей Запада, создавая видимость приобщенности получателя таких «новостей» к миру элиты, отвлекая его от социально-политических и экономических проблем. И при этом представляли все так, что дело человека в лучшем случае сводится к тому, чтобы оценивать, но не принимать активного участия в формировании политики. Такова цена «свободы печати», «свободного потока информации».

В ОДНОЙ УПРЯЖКЕ

Средства информации США, несмотря на многочисленные уверения в их независимом и самостоятельном статусе, всегда шли вслед за политическим курсом Вашингтона, хотя такая связь бывает и завуалированной: когда под покровом «игры в самостоятельность» разворачивается внедрение идеологических мифов в защиту политических установок правящих кругов. В раздувании ложного тезиса о «советской военной угрозе» можно проследить, как официальные лица и средства информации тесно взаимодействовали друг с другом, оправдывая ломку прежних договоренностей.

Здесь мы можем обнаружить целый ряд приемов, когда так называемые лидеры мнений выступают инициаторами искусственного раздувания страхов, чтобы люди рассматривали события сквозь призму страстей и инстинктов, когда истерия опасности «национальным целям США» маскирует истинных инициаторов гонки вооружений, скрывает от общественности ответ на главный вопрос — кому выгоден рост военного бюджета, когда, наконец, средства информации под видом так называемой объективности встают на путь грубых фальсификаций, распространяют низкопробные фальшивки.

Неотъемлемая черта «американского патриотизма» при всех его противоречивых сторонах проявляется в верности системе, власти президента. Верят ему, его призывам, особенно, когда формируется, пусть даже с помощью мифов, состояние «национальной тревоги». Создается, пусть временное, но «единство нации». Не раз эта особенность использовалась для манипулирования. Напомним некоторые факты, относящиеся к 1980—1981 годам.

23 января 1980 г. тогдашний президент Картер выступил в американском конгрессе с «Обращением к нации». В небольшой речи, уместившейся на трех журнальных страницах²⁸, он 13 раз в различных вариантах использовал слово «угроза», применительно к «безопасности США», «национальным интересам», «нашим интересам», «жизненным интересам». Наиболее часто фигурировало также слово «вызов»: «вызов Соединенным Штатам», «вызов безопасности». Американцы в устах руководителя Белого дома получили полный набор устрашающих предостережений, полный набор угроз, призванных не просто напугать, а страшно запугать страну.

За год до этого президент США высказывал иные оценки. 18 июня 1979 г., выступая при подписании советско-американских документов об ОСВ-2, он говорил: «Сегодня здесь, когда мы устанавливаем ограничения на нашу мощь, мы ограничиваем и наши страхи по отношению друг к другу. По мере того как мы начнем контролировать наши страхи, мы сможем более надежно застраховать наше будущее»²⁹.

23 января 1979 г. в речи перед конгрессом тот же Картер отмечал: «Имеются все признаки того, что положение нашей страны надежное». Теперь он выступал с диаметрально противоположной характеристикой состояния дел в мире. Направление в Афганистан совет-

ского ограниченного военного контингента по просьбе правительства ДРА и в полном соответствии с международными правилами подавалось им как «угроза национальной безопасности США». В порыве «гнева» президент требовал наказать Советский Союз: отказаться от заключения американо-советских торгово-экономических соглашений, бойкотировать Олимпийские игры в Москве и т. п.

Где-где, а в Белом доме не могли не знать и о фактах необъявленной агрессии США, Китая и Пакистана против Демократической Республики Афганистан, не могли не знать о тайных операциях ЦРУ в этой стране. В 1981 году не кто другой, как новый президент Р. Рейган признает факт поставок из США оружия афганским бандитам.

В выступлении Картера ложно созданная «угроза национальной безопасности США» соединялась с призывами к патриотизму, призвана была потрясти американцев, чтобы вынудить их под влиянием искусственных стимулов соглашаться на увеличение военных расходов, закрывая глаза, хотя бы временно, на обострение внутренних экономических проблем.

«Американский патриотизм» в отношении президентской власти проявился и по другому, не менее лживому тезису о «советской военной угрозе». Накануне выборов 1980 года кандидат от республиканской партии Рейган выступал с призывами начать «крестовый поход» за восстановление сильной Америки, поскольку, дескать, военное равновесие в мире опасно нарушается в пользу Советского Союза. После прихода в Белый дом эта тема обрела конкретные действия под лозунгом: «наращивать военный потенциал США, чтобы противостоять русским»³⁰.

Позднее государственный секретарь А. Хейг (в интервью участникам национальной конференции по внешней политике для американских газет, радио и телевидения 6 июня 1981 г.) говорил: «Иногда проявляется склонность чрезмерно преувеличивать советский военный потенциал. И я бы хотел подчеркнуть, что в области стратегических ядерных сил по-прежнему сохраняется приблизительный паритет между нашими двумя странами».

На первый взгляд может показаться, что между двумя приведенными высказываниями существует резкое противоречие: Рейган говорил о нарушении военного па-

ритета в пользу СССР, а Хейг — подтверждал существование «приблизительного паритета». Дело в другом. На первом этапе «нарушение военного паритета в пользу Советов» использовалось в качестве побудительного толчка в обработке американцев в сторону обоснования роста военного бюджета США, а затем, когда была создана «иллюзия советской военной угрозы», ее переключили в целом на тезис о необходимости «восстановления военной мощи Соединенных Штатов». Именно последнее было главным в процессе манипулирования. В том же своем интервью Хейг сказал: «Если нынешние тенденции (речь шла о паритете между США и СССР. — А. В.) сохранятся даже при наличии ОСВ-2, то в 1985 или в 1986 году в американском потенциале обнаружатся довольно значительные дефекты». Конечно, между двумя послылками нет никакой логики. «Приблизительный паритет существует», но он приведет к отставанию Соединенных Штатов.

Да это и понятно, потому что «лидеры мнения» хотели отбросить всякие размышления о паритете. Министр обороны К. Уайнбергер в выступлении по телевизионной сети Си-Би-Эс (8 марта 1981 г.) откровенно заявил: «Бытуют всяческие выражения, вроде равенства и паритета, превосходства и паритета. Мы хотим вновь обеспечить обретение нами мощи — я особо подчеркиваю это, мощи, позволяющей сдерживать любые нападения на нас».

Во имя обоснования данного положения преднамеренно фальсифицировалась не только политика Советского Союза, но и действия предшествующих администраций США. Они якобы пошли на «уступки Советам», ослабили военную мощь США, привели страну чуть ли не на грань капитуляции перед «советским вызовом», а ракетные силы США были заморожены на уровне 1967 года. И здесь допускались передержки, чтобы придать мерам администрации Рейгана элемент «новизны» и «срочности». Между тем после 1967 года Соединенные Штаты провели наращивание своей военной мощи. Количество боеголовок удвоилось. Были развернуты ракетные системы «Трайидент», «Посейдон». Оснащены новыми системами наведения и крылатыми ракетами стратегические бомбардировщики «В-52».

Так, официальные лица США выступали в качестве создателей основных, идеологических мифов, дающих общую настройку американской пропаганды. От них не

отставали и те, кто выполнял своеобразные функции громоздителей. Речь идет о помощниках президента, занимающихся вопросами национальной безопасности. В ряде случаев они берут на себя выдвигание различных антисоветских, антикоммунистических положений, дополняющих пресловутый тезис о «советской военной угрозе», освобождая, если требуется обстановка, президента от прямой критики за одиозные тезисы во внешней политике. Примеров тому немало.

Во время картеровской администрации американские средства информации потратили немало сил, чтобы представить помощника президента по вопросам национальной безопасности З. Бжезинского как одного из инициаторов жесткого антисоветского курса. Отмечалось, в частности, что Бжезинский вычеркнул из речи Картера, с которой он выступил в Аннаполисе в Военно-Морской академии США (июнь 1978 г.), некоторые смягчающие формулировки в отношении Москвы³¹.

Включение бывшего директора научно-исследовательского института по вопросам коммунизма Колумбийского университета Збигнева Бжезинского в состав сотрудников Белого дома безусловно давало себя знать. Судьба еще раньше связала его с работой в совете по планированию политики госдепартамента при администрации Л. Джонсона, с участием в разработке различных рекомендаций по ведению антисоветской, антисоциалистической пропаганды. В течение многих лет Бжезинский выступал в качестве постоянного автора антисоветских статей в журнале «Ньюсуик», редакция которого рекламировала его как «оригинального мыслителя», способного «играть важную роль в формировании внешней политики США»³².

В пропагандистском отношении Бжезинский потратил немало усилий на гальванизацию тезисов антикоммунизма. Первоначально он выступал за усиление «идеологического влияния» Америки, сводившееся к проведению подрывных действий против социалистических стран. Затем он присоединился к «теории сходства капитализма и социализма», потом — к «технотронным преимуществам Америки», ориентируясь «на возможный военный конфликт между Советским Союзом и Китаем». Но каждый переход от «теоретических посылок» к практике включал один постоянный элемент — стремление разложить социалистическую систему изнутри или воздействовать на СССР извне.

В своих доводах Бжезинский, как правило, опирался на выводы «советологов» или ведущих буржуазных идеологов, выбирал из них наиболее модные и на их канву нанизывал свои тезисы. Об этом, в частности, говорит и его книга «Между двух эпох: роль Америки в технотронную эру».

В старые посылки об «угрозе коммунизма» были введены некоторые новые повороты. Коренные изменения в мире заставляли даже ярых антикоммунистов менять аргументацию, признавать успехи коммунизма. Бжезинский констатировал, что «война между двумя супердержавами (речь идет о Советском Союзе и США. — А. В.) будет означать взаимоуничтожение» и что Советский Союз достиг «значительных успехов в космосе и в технологии оружия»³³.

Особую тревогу Бжезинского вызывал рост антиамериканизма за рубежом, а также рост антивоенных настроений и бунт молодежи, которые непосредственно захватили Америку. За основу «аргументации» было взято положение Д. Белла о «социальной трансформации постиндустриального общества», которое, так же как и предыдущие теории «индустриального общества», «конвергенции», исходило из утверждения, что сама по себе научно-техническая революция изменит облик современного капитализма и устранил внутренние конфликты Америки, создаст «новые экономические зависимости и новые социальные воздействия».

Односторонне рассматривая общественный процесс, Бжезинский умышленно отрывал развитие производительных сил от системы производственных отношений, от характера собственности на средства производства. Развитие в индустриальном отношении страны в его представлении «вступили в эпоху, когда технология и особенно электроника становятся определяющими факторами социальных изменений, меняющими мораль, социальную структуру, ценность, глобальный взгляд общества», то есть общество «формируется в культурном, психологическом, социальном и экономическом отношениях под влиянием технологии и электроники...»³⁴.

Политические и пропагандистские цели такой схемы ясно проявлялись при ее применении к проблемам современности. Раз отсчет общественного прогресса велся по количеству компьютеров и средств коммуникаций, то Америка объявлялась «глобальной державой», «глобальным распространителем технотронной революции».

Чтобы убедить читателя, вводилась историческая аналогия: «Рим — дал право, Англия — парламент, Франция — культуру и республиканский национализм, современные Соединенные Штаты — научно-технические нововведения и массовую культуру»³⁵. Выбор параметров «нововведений» — дело автора, но взгляд на историю общества раскрывал его политические цели.

С позиций «технотронной революции» рассматривалась и противоположная капитализму социальная система. Если для Америки эта революция выступала в качестве доказательства «высшего стандарта», то для коммунизма она означала «влияние на существование идеологии». Практически для Бжезинского коммунизм мог бы иметь место, но только без социалистической идеологии, без коммунистической партии, при существовании «плюралистического» марксизма. Обвинения в адрес коммунизма следовали одно за другим. Коммунизм использует якобы «суровый интеллектуальный метод», «преувеличивает динамику социального развития» и т. д. В подтверждение своих выводов Бжезинский ссылался на «план индустриализации Бухарина», на «радикальные взгляды Троцкого в отношении кулака», на оценки коммунизма Джиласом, У. Ростом, Р. Гароди и другими «советологами», политическими перебежчиками и ренегатами, на материалы журнала ЮСИА «Проблемы коммунизма» по поводу так называемой «русификации нерусских национальностей» и т. п.

Когда-то Липпман полагал, что человек получает данные о внешних событиях исключительно с помощью информации. Бжезинский утверждал, что новое поколение «не определяет мир на основе чтения или идеологического структурного анализа, или интенсивного описания. Оно получает опыт и чувства через визуальную коммуникацию». Последняя призвана была создать «глобальную близость», разрушить «психологический и моральный иммунитет» к событиям из-за рубежа, «принести в дом глобальные события»³⁶. Ставка делалась на то, чтобы использовать спутники связи для передачи телепрограмм на местных языках других государств в целях пропаганды «американского образа жизни» и размывания идеологических ценностей народов зарубежных стран.

В свое время американские журналисты не очень жаловали Бжезинского. Они представляли его как человека, для которого «период холодной войны» — своего

рода «золотой век» американской политики, который ратует за активное применение таких средств идеологических диверсий, как радиостанции «черной пропаганды» — «Свободная Европа» и «Свобода»³⁷.

Стоило Бжезинскому оказаться в Белом доме, как «ветер перемен» охватил и пропагандистов. Появились иные характеристики. Выражалась надежда, что новый советник будет в Белом доме «не акробатом, а архитектором», что он «расставит новые межевые знаки». Заодно высказывались взгляды на обязанности советника президента по вопросам национальной безопасности. Он должен выступать «переводчиком слов президента на рабочий язык дипломатии»³⁸. Создавалась очередная иллюзия: помощник президента или другой высокопоставленный сотрудник Белого дома может коренным образом изменить существующую в США практику определения и выработки политической линии и пропагандистских установок.

Положительно воспринимался и тезис Бжезинского о «дуге нестабильности» (от Читтагонга в Бангладеш через Исламабад и до Адена), основанной на утверждении о «росте советской мощи» и необходимости создания «зонты обороны» над Западной Европой, «поддержки безопасности Персидского залива», обеспечения возможности Китаю «играть важную роль», опираясь на помощь США³⁹.

В 80-х годах тон ведущих американских газет в отношении Бжезинского изменился. В условиях кризиса внешней политики США, когда администрация Картера, отказавшись от своих предвыборных обещаний, взяла курс на свертывание американо-советских отношений, ведущие американские газеты стали критиковать Бжезинского за поспешные выводы и опрометчивые рекомендации.

В многочисленных статьях, посвященных роли советника по вопросам национальной безопасности, отмечалось, что Картер пришел в Белый дом, имея за плечами опыт губернатора штата Джорджия, не обладая навыками в делах внешнеполитических. Бжезинский с 1976 года стал наставником Картера по вопросам внешней политики. Однако в целом, хотели того американские обозреватели или нет, они выгораживали президента, сводя дело к тому, что только Бжезинский замедлил темпы согласования Договора ОСВ-2, выступал с провокационными заявлениями во время поездки в Китай в

1978 году и в Пакистан в 1980 году, посетил пакистано-афганскую границу на Хайберском перевале, где с автоматом, направленным в сторону Афганистана, позировал перед американскими фотокорреспондентами, выступил в апреле 1980 года инициатором проведения диверсионной операции против Ирана.

Действительно, Бжезинский отстаивал интересы грубого антисоветского, антикоммунистического курса США в области внешней политики. Но правда состоит и в том, что на Бжезинского переключалась часть критики, которая предназначалась непосредственным творцам политики Соединенных Штатов.

После выборов 1980 года Бжезинский покинул Белый дом, получил пост сотрудника Центра стратегических и международных исследований, однако практика выдвижения тех или иных одиозных тезисов осталась. Так, из арсенала «пещерного антикоммунизма» была вытащена ложная аналогия между национально-освободительным движением и международным терроризмом, «причастности» к этому Советского Союза. Американская печать нарекла его автором профессора Гарвардского университета Ричарда Пайпса, известного антисоветчика, автора различных фальсификаций советской истории, в свое время выступившего с тезисами о «росте национализма в Советском Союзе», «русификации нерусских национальностей». После прихода республиканцев к власти Пайпс оказался в составе сотрудников совета национальной безопасности. Американские газеты, как это было при появлении в Белом доме Бжезинского, спешили представить Пайпса как человека, который дал Рейгану «научные обоснования» насчет международного терроризма и «стремления Москвы к мировому господству». Газета «Вашингтон пост» от 13 февраля 1981 г. охотно цитировала Пайпса относительно его фальсификаций русской и советской истории, предсказывая, что в «арсенале советолога» есть и другие тезисы и что Рейган в любой момент, когда он будет «искать философские или исторические подкрепления своих теорий», найдет их на столе у Пайпса.

В отличие от Бжезинского, Пайпс не стал произносить «свои теоретические находки». Это сделали Рейган и Хейг. Но некоторая перестановка в последовательности провозглашения очередной нелепицы не сделала ее более аргументированной, но зато раскрыла зловещие планы США в отношении миллионов людей в странах

Азии, Африки и Латинской Америки, те планы, которые имеют целью насаждение в районах, охваченных национально-освободительным движением, военного колониализма США.

После развала колониальных империй Соединенные Штаты, опираясь на военную силу, пытаются захватить утраченные империалистическими государствами позиции, чтобы распоряжаться, в частности, природными богатствами стран Ближнего и Среднего Востока, выкачивать бесконтрольно их нефтяные ресурсы, диктовать им свою волю, превратить их, если не формально, то по существу в очередной американский штат.

Под покровом борьбы с международным терроризмом США наращивали свое военное присутствие в зоне Персидского залива и Индийского океана, продвигали базы «сил быстрого реагирования» к районам, где непосредственно расположены государства, ставшие на путь самостоятельного развития.

Авторы фальшивого тождества национально-освободительного движения с терроризмом по злому умыслу становились в позу лиц, которые не желали видеть необратимости социально-политических изменений в мире. Именно в силу объективных законов за последние 20 лет более 70 стран обрели национальное освобождение. Рухнула зловещая система колониализма, капиталистической эксплуатации и наживы, унесшая миллионы человеческих жизней. Страдания, голод, болезни, неграмотность, бедность угнетенных народов оборачивались для колонизаторов поистине золотым дождем прибылей. А в Вашингтоне страны, покончившие с гнетом и грабежом, заявившие о своем стремлении самостоятельно строить новую жизнь, фальшиво обвинялись в международном терроризме.

Борьба народов за национальное освобождение получила признание со стороны такого авторитетного международного форума, как Организация Объединенных Наций. 14 декабря 1960 г. была принята Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам, в которой торжественно провозглашалась необходимость незамедлительно и безоговорочно положить конец колониализму во всех его формах и проявлениях. Любая попытка, говорилось в декларации, направленная на то, чтобы частично или полностью подорвать национальное единство и территориальную це-

лостность стран, несовместима с целями и принципами Устава ООН.

К «террористическим организациям» США стали причислять Организацию освобождения Палестины, Народную организацию Юго-Западной Африки (СВАПО), Фронт национального освобождения Сальвадора, всех, кто выступает против национального и социального гнета. В одно соединялись национально-демократические силы, ведущие справедливую борьбу за освобождение от колониальных и расистских режимов, от власти реакционных военных хунт, и находящиеся на содержании у реакции и империалистических разведок террористические организации, вроде итальянских «красных бригад», японской организации «красное знамя», арабских «братьев-мусульман».

К «террористическим правительствам» относили законные правительства Анголы, Мозамбика, Эфиопии, Афганистана, народной Кампучии, всех государств, которые отвергли имперскую политику США, притязания Вашингтонских руководителей на гегемонистскую, «лидирующую роль США в мире».

Опыт международной освободительной борьбы убедительно показал, что ни репрессии, ни миллионы долларов на военную помощь, ни клевета не могут остановить поступательного движения народов к свободе и независимости. Их борьба — закономерный процесс, не имеющий никакого отношения к международному терроризму. Источник преступной террористической деятельности — сам империализм, с его тенденцией к милитаризму, захватам, военным средствам удержания своего господства, с его антигуманной системой эксплуатации и насильственного подавления личности.

Если следовать логике Вашингтонских политиков и идеологов, то рождение самих Соединенных Штатов тоже надо было бы объяснить терроризмом. Ведь США как самостоятельное государство появились в результате антиколониальной революции. А тогда получается, что и основателей США, таких выдающихся исторических личностей, как Джордж Вашингтон, Томас Джефферсон, следовало бы отнести к разряду террористов.

Не исключено, что к концу пребывания Рейгана у власти американские журналисты вспомнят недобрым словом рекомендации Пайпса, которые обострили и без того напряженные отношения США с независимыми странами Азии, Африки и Латинской Америки, а прези-

денту напомнят, как это было с Картером, что он привлек в «свою команду» людей, приведших страну к тяжелым испытаниям.

Чтобы завершить рассмотрение вопроса о роли «лидеров мнения» в создании идеологических мифов, правомерно рассмотреть некоторые дополнительные факты периода 70—80-х годов о связях бизнеса с правительственными кругами и средствами информации.

...Ноябрь 1980 года. Закончились очередные выборы президента. Победители вошли в Белый дом, побежденные покидали правительственные посты. Одни вернулись к своим частным делам, другие ушли на пенсию, третьи обратились к юридической или преподавательской деятельности. Словом, обычная процедура в американской практике. И тоже, как всегда, победители расставили свои кадры в правительственном аппарате, многие из которых прямо или косвенно связаны с крупным бизнесом, убеждая избирателей, что мир частного предпринимательства дает деловых людей, могущих справиться со сложными экономическими и внешнеполитическими проблемами.

Министром транспорта назначен Эндрю Льюис, бизнесмен из штата Пенсильвания и эксперт по финансовым и административным вопросам, консультирующий многие корпорации. Он, совладелец юридической фирмы «Льюис энд ассоушиэйтс», одновременно занимал директорские посты компаний «Хенкелс энд Маккой», «Тамака уайр энд кэйбл инкорпорейтед», «Провидент нэшнл корпорейшн», «Провидент нэшнл бэнк», «Коулмэн компани» и фирмы коммунальных услуг в Филадельфии.

Строительный подрядчик Реймонд Доновен назначен на пост министра труда. Он был вице-президентом, исполнительным вице-президентом крупной строительной компании «Шиавон констракшн компани».

При утверждении кандидатуры Доновена в сенатской комиссии возникли некоторые шероховатости в связи с подозрением на связи компании «Шиавон констракшн компани» с американской мафией. Призвано было на помощь ФБР, которое не подтвердило подозрений.

Министерство торговли возглавил Малькольм Болдридж, председатель совета директоров и исполнительный директор «Сковилл мэню-фэкчэринг компани» из штата Коннектикут. Он был директором «Сковилл инкорпорейтед», «АМФ инкорпорейтед», «Бендикс корпорейшн», «Коннектикут мьючуэл лайф иншуэрэнс компани», «Ис-

терн компани» и «Юниройал инкорпорейтед», состоял членом национального совета предпринимателей и торговой палаты.

Кресло министра финансов занял известный нью-йоркский банкир и глава крупнейшей в Соединенных Штатах брокерской фирмы «Меррил, Линч, Пирс, Феннер энд Смит инкорпорейтед» Дональд Риган из штата Нью-Джерси.

Уильям Смит, личный юрисконсульт и один из ближайших друзей Рейгана из штата Калифорния, возглавил министерство юстиции. До этого он был старшим партнером в юридической фирме «Гибсон Дани энд Кратчер» в Лос-Анджелесе, а также директором «Пэсифик лайтинг корпорейшн», «Джоргенсен стил компани», корпорации «Пуллмэн компани», базирующихся в Чикаго; входит в совет директоров банка «Крокер нэшнл бэнк».

Некоторые крупные предприниматели, банкиры и корпоративные юристы, вошедшие в кабинет Рейгана, работали в администрации Никсона. В американской печати их окрестили «запасниками».

Каспар Уайнбергер при Никсоне занимал пост директора административно-бюджетного управления и подвергался критике за урезывание социальных программ. После ухода в отставку работал главным юрисконсультом, вице-президентом и директором «Бечтел пауэр корпорейшн». В администрации Рейгана занял пост министра обороны.

Уильям Кейси при Никсоне был председателем комиссии по контролю над операциями с ценными бумагами. Потом — юрист-консультант фирмы «Роджерс энд Уэллс», член совета директоров «Кэпитал Ситиз комьюникейшнз», «Лонг-айленд Лайтинг компани», «Лонг-айленд траст компани». В кабинете Рейгана занял пост директора Центрального разведывательного управления.

Государственным секретарем стал Александр Хейг, бывший в 1974—1979 годах верховным главнокомандующим объединенными вооруженными силами НАТО в Европе, а потом — президентом и административным директором крупнейшей военно-промышленной компании «Юнайтед технолоджиз корпорейшн».

К этой, в общем-то обычной практике в политической жизни США следует добавить активное участие крупных американских монополий в получении военных контрактов Пентагона. Стоимость каждой единицы новых

вооружений оценивается внушительными цифрами. Ядерный авианосец стоит 2 млрд. долл., подводная лодка с ракетами «Трайидент» — 1,8 млрд., танк «М-1» — 1,5 млрд., ракета «МХ» — 300 млн., бомбардировщик «В-1» — 100 млн. долл.

Программа «МХ» — мобильных ракет с десятью боеголовками каждая, которые будут размещены в специально укрепленных шахтах, даст многомиллиардные заказы 15 американским компаниям. Среди них — «Дженерал электрик», «Боинг», «АВКО» и др. Транснациональная корпорация «Дженерал дайнэмикс» выполняет подряд на строительство подводной лодки «Огайо», компания «Крайслер корпорейшн» — работает над производством нового танка «М-1». Гигантские американские банки, в их числе и «Дж. П. Морган энд компани», финансируют военные заказы Пентагона, рассчитывая получить огромную прибыль благодаря высоким процентным ставкам, обусловленным резким повышением военного бюджета (со 180 млрд. в 1981 г. до 226 млрд. долл. — в 1982 фин. году).

Не забывали представители монополий о вложении капиталов в средства информации. Тенденция к большим прибылям в области газетного, журнального и телевизионного дела оставалась и в 80-х годах. На долю монополий в 1980 году приходилось 62% ежедневных и еженедельных газет США.

Политическая линия правящих кругов США, направленная на срыв принципа разрядки, наращивание гонки вооружений, не имела никаких оправданий. Раздувая военный психоз, антисоветизм, империалистические круги строили расчеты на то, что в ответ на враждебный курс, взятый США и блоком НАТО, Советский Союз ответит такими же методами, и тем самым мир будет отброшен назад, к временам «холодной войны», будет оправдана односторонняя ломка Соединенными Штатами позитивных результатов советско-американских отношений, достигнутых в 70-х годах. Но этим планам не суждено было сбыться.

XXVI съезд КПСС принял конкретную внешнеполитическую программу, направленную на укрепление мира, углубление разрядки, обуздание гонки вооружений. В ответ на происки противников мира были выдвинуты предложения, реализация которых снижала бы остроту напряженности, открывала путь к переговорам по кардинальным международным проблемам.

Внешнеполитическая программа XXVI съезда органически связана с Программой мира, провозглашенной XXIV и XXV съездами КПСС. Она не ставила никаких предварительных условий. Ее главная цель — кардинально оздоровить международную обстановку.

Преимственность решений XXVI съезда и Программы мира выражалась в единстве главных целей советской внешней политики, в укреплении мира, углублении разрядки, обуздании гонки вооружений. Достаточно привести такой факт: за период между XXIV и XXVI съездами (за десять лет) Советский Союз внес 49 предложений, направленных на достижение разоружения, предотвращение угрозы новой войны. И в том, что в современных условиях, несмотря на происки империалистических кругов, народы мира не были ввергнуты в пучину войны, огромная заслуга принадлежит Программе мира и тем, кто воплощал ее в жизнь. «Советский Союз и его союзники, — подчеркнуто в Отчете ЦК КПСС XXVI съезду партии, — являются теперь более, чем когда-либо, главной опорой мира на земле»⁴⁰.

Неразделенность в советской внешней политике понятий созидания и мира проявилась и в том, что предложения, одобренные XXVI съездом, основаны на глубоком и всестороннем анализе международного положения и во многих своих пунктах учитывали интересы народов различных стран. При этом каждый из пунктов имеет самостоятельное значение и вместе с тем все они связаны общей идеей укрепления международной безопасности, ограничения гонки вооружений, упрочения мира.

Советский Союз подтвердил свои прежние предложения по Договору с США об ограничении стратегических вооружений, о полном запрещении испытаний ядерного оружия и всех других видов оружия массового уничтожения. Они дополнялись советской инициативой укрепить меры доверия в военной области, расширить их на всю европейскую часть СССР, при условии соответствующего расширения зоны мер доверия и со стороны западных государств. Это отвечало «духу Хельсинки» — Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Данное положение с учетом его специфики могло бы быть полезным и для Дальнего Востока, где существуют сложные очаги напряженности, растет угроза проявления милитаристских тенденций, подогреваемая подстрекательской империалистической политикой. Народы мно-

гих стран района Дальнего Востока требовали и требуют остановить эти опасные тенденции. Советский Союз предложил провести со всеми заинтересованными странами конкретные переговоры по мерам доверия на Дальнем Востоке.

В случае начала переговоров по данным вопросам хельсинкские соглашения получили бы новый импульс, с тем чтобы подкрепить разрядку политическую разрядкой военной.

«Духу Хельсинки» отвечало и другое, исключительно актуальное предложение о моратории на размещение в Европе новых ракетно-ядерных средств средней дальности стран НАТО и СССР, то есть о том, чтобы заморозить в количественном и качественном отношении существующий уровень таких средств, включая ядерные средства передового базирования США в Западной Европе.

В подходе к таким проблемам, как ограничение и запрещение ядерного оружия — Советский Союз исходил из того, что в современных условиях средства ведения войны приобрели такой размах, что их применение поставило бы под вопрос существование всей современной цивилизации. В Западной Европе, где довольно плотно расположены десятки государств, накопление смертоносного оружия и передовых сил базирования США представляет особую опасность для европейских народов. И естественно, мораторий пролагал бы путь к ограничению и сокращению в дальнейшем ядерных средств в Европе.

Инициаторы гонки вооружения через свои средства информации напичкали общественность различными иллюзиями о возможности ядерной войны, убеждая в возможности создания комфортабельных убежищ и «чистого ядерного оружия», которое поражало бы только военные объекты, оставив в безопасности мирное население.

Советский Союз откровенно и честно говорит народам правду о том, к каким губительным последствиям привела бы ядерная война. Поэтому на XXVI съезде было предложено создать авторитетный международный комитет из виднейших ученых, который показал бы жизненную необходимость предотвращения ядерной катастрофы.

В Отчете ЦК КПСС XXVI съезду партии раскрыты истинные причины серьезных международных конфлик-

тов и выдвинуты меры, могущие привести к их мирному решению.

Развитие событий на Ближнем Востоке показало, что кэмп-дэвидская сделка (сентябрь 1978 г.) привела к одностороннему подходу в ближневосточном урегулировании в военно-политических интересах США и Израиля. Так называемый «мирный договор» между Египтом и Израилем (март 1979 г.), как и кэмп-дэвидское соглашение, исключал вопрос о признании права арабского народа Палестины на самоопределение и создание собственного государства, об освобождении всех оккупированных Израилем арабских территорий. Не была решена ни одна из главных проблем ближневосточного кризиса, и в результате его корни остались нетронутыми.

Советский Союз всегда считал, что без всеобъемлющего мирного и справедливого урегулирования трудно рассчитывать на мирное развитие событий на Ближнем Востоке. Урегулирование могло бы продвинуться вперед в результате диалога в виде специально созванной международной конференции с участием всех заинтересованных сторон, в первую очередь арабских стран и Организации освобождения Палестины — единственного законного представителя палестинского народа.

Советский Союз решительно выступил за политическое урегулирование и другого конфликта — войны между Ираном и Ираком, войны бессмысленной с точки зрения интересов этих государств и их народов. Данный конфликт, равно как и опасная ситуация на Ближнем Востоке, использовался империалистическими кругами для усиления их военного присутствия в данном районе, в расчете на то, чтобы проникнуть к богатым природным богатствам Ближнего и Среднего Востока, расшатать единство народов этого района, насадить там военный колониализм.

По официальным данным, США сохраняют и расширяют свое «активное военное присутствие» в 30 странах, имеют свыше 300 крупных военных баз и 2500 военных объектов на чужой территории. Численность военнослужащих США на территориях иностранных государств в 1980 году увеличилась на 22 100 человек и составляла 502 600 человек.

Остров Диего-Гарсия превращен в опорный пункт вооруженных сил США в Индийском океане. Модернизируются базы на территории Австралии. США получили военные базы в Омане, Сомали, Кении, используются в

военных целях территории Египта и Израиля для переброски «сил быстрого реагирования» в районы Персидского залива и Индийского океана.

В противовес доктринам военного проникновения Соединенных Штатов Советский Союз предлагал доктрину демилитаризации Персидского залива. Во время визита в Индию в декабре 1980 года Л. И. Брежнев выступил за разрядку напряженности в районе Персидского залива. Речь шла о том, чтобы освободить Персидский залив от военной угрозы. Отказ от создания там иностранных военных баз, от размещения ядерного оружия или какого-либо оружия массового уничтожения безусловно благоприятно сказался бы на положении в первую очередь самих арабских стран, нуждающихся в обстановке, благоприятной для их независимого развития.

Страны Персидского залива сталкиваются с постоянными угрозами империалистического вмешательства. Были попытки спровоцировать конфликты между Северным и Южным Йеменом, между Саудовской Аравией и НДРЙ. Советский Союз, решительно выступая против политики «с позиции силы», считал, что обязательства заинтересованных стран не применять и не угрожать применением силы против стран района Персидского залива, не вмешиваться в их внутренние дела, уважать их статус неприсоединения, не вовлекать их в военные группировки с участием ядерных держав снимали бы военную угрозу, создавали бы обстановку стабильности и спокойствия.

Соединенные Штаты оправдывают свое военное присутствие в зоне залива «жизненными интересами Америки», а фактически рассматривают недра стран залива как свою «нефтяную кладовую», несмотря на то что в получении ближневосточной нефти заинтересованы не только США, и даже не столько они, сколько западноевропейские, азиатские и африканские страны. Советские предложения уважения суверенного права государств района Персидского залива на их природные ресурсы, отказ от создания каких-либо препятствий или угроз нормальному торговому обмену и использованию морских коммуникаций, связывающих государства этого района с другими странами мира, отвечают интересам как арабских народов, так и народов других государств.

Предложения Л. И. Брежнева получили поддержку многих стран и народов Персидского залива. И в своих

откликах они высказывали пожелание не отрывать демилитаризацию Персидского залива от вопроса урегулирования положения вокруг Афганистана. В Отчете ЦК КПСС XXVI съезду партии было заявлено, что Советский Союз не возражает против того, чтобы вопросы, связанные с Афганистаном, были обсуждены в увязке с вопросами безопасности Персидского залива. «Естественно, при этом могут обсуждаться лишь международные аспекты афганской проблемы, а не внутриафганские дела. Суверенитет Афганистана должен быть полностью огражден, как и его статус неприсоединившегося государства»⁴¹.

Внешнеполитическая программа XXVI съезда создавала прочную основу для конструктивных переговоров по широкому кругу вопросов. Было заявлено о готовности Советского Союза к диалогу с США, в том числе и к встрече на высшем уровне, выдвинуто предложение о созыве специального заседания Совета Безопасности с участием высших руководителей государств — членов Совета и других заинтересованных государств, чтобы **«поискать ключи к оздоровлению международной обстановки, недопущению войны»**⁴².

Выдвигая внешнеполитическую программу, Советский Союз призывал администрацию США трезво и реально оценивать обстановку, а для этого «давно пора выставить за дверь серьезной политики обветшалое пугало „советской угрозы“»⁴³. Попытки же Соединенных Штатов сломать сложившееся военно-стратегическое равновесие между СССР и США, Варшавским Договором и НАТО обречены на провал. Советский Союз не добивался и не добивается военного превосходства. Но он не позволит создавать над ним военно-стратегическое превосходство США. Попытки говорить с Советским Союзом «с позиции силы» абсолютно бесперспективны.

Идеи и выводы XXVI съезда получили широкую международную поддержку. Уже сам факт, что изложение Отчетного доклада Л. И. Брежнева в дни съезда было распространено в зарубежных изданиях, выходящих разовым тиражом 54 млн. экз., а телевизионные материалы о съезде КПСС просмотрели 2 млрд. человек, говорит о том, что съезд стал важным событием международной жизни.

Многие политические обозреватели и общественные деятели США признавали, что администрация Рейгана просто не готова к «такой неожиданной дипломатии» Со-

ветского Союза. «Л. Брежнев, — писала газета «Нью-Йорк таймс», — сделал упор на мир, а не на конфронтацию»⁴⁴. Администрация Рейгана оказалась не готова к такому подходу. Мир еще раз убедился, что, в отличие от США, Советский Союз имеет четкую и гибкую программу, уверенно идет на переговоры и диалог по узловым вопросам международной политики.

Провалились попытки империалистических кругов и западных средств информации принизить масштабность XXVI съезда, достижения КПСС и советского народа во внутренней и внешней политике. О слабости и неуверенности Запада говорила и тактика их политических манипуляций. Накануне съезда средства информации Запада отвергали с порога созидательный и мирный характер политики СССР. Затем они стали замалчивать основные показатели экономического и социального развития советского общества. Потом давались взаимоисключающие оценки, чтобы запутать общественность Запада. Открытое и честное обсуждение советских предложений, судя по всему, не входило в расчеты правящих кругов США. Они брались не за сопоставление идей и взглядов, а за усиление «психологической войны», обращаясь к грубой клевете, ложному тезису о «советской военной угрозе».

Антисоветские, антикоммунистические высказывания официальных лиц США сопрягались с усилением аппарата дезинформации. По признанию газеты «Вашингтон пост» (8 июня 1981 г.), новая администрация рассматривала распространение информации о своей политике как одну из первоочередных задач, с тем чтобы информация имела «координированный характер» и «создавала впечатление единодушия» американцев. Что же касается Советского Союза, то, судя по всему, ставка делалась на искаженные характеристики в духе «холодной войны», на ложные утверждения, что «русские имеют военно-стратегическое превосходство над США»⁴⁵.

В Управлении международных связей, на радиостанции «Голос Америки» были проведены кадровые изменения. Директором УМС стал Ч. Уик, директором «Голоса Америки» — Дж. Конклинг, — люди из «команды Рейгана». Под видом «ослабления внешнеполитического аппарата в прошлом» администрация добилась увеличения ассигнований: УМС получило 500 млн. долл. на 1981 год (рост на 87 млн.), «Голос Америки» — 188 млн. долл. (рост на 76 млн.). Подрывным радиостанциям «Свобода» и «Свободная Европа» дополнительно выделено

7 млн. долл. Такая финансовая «забота» объяснялась намерением расширить «подрывные передачи» на Советский Союз и другие социалистические страны. Планируется создание радиостанции «Свободная Куба», постройка передатчиков «Голоса Америки» в Китае, Шри Ланке (для вещания на Советский Союз), увеличение мощностей радиопередатчиков на Филиппинах, в Либерии, Египте.

Сотрудники внешнеполитического аппарата США не брезгают никакими средствами. Они повторяют небылицы официальных лиц США о «советской военной угрозе», о «причастности национально-освободительных движений к международному терроризму», повторяют низкопробные фальшивки о событиях в Афганистане.

Откровенная «психологическая война» ведется против социалистической Польши. Все пускается в ход — «лживая пропаганда, лесть и демагогия, поддержка и поощрение контрреволюционных сил»⁴⁶. В письме Центрального Комитета КПСС Центральному Комитету ПОРП приведены убедительные факты о наглых попытках империалистических сил вмешиваться в польские дела⁴⁷. Многие методы деятельности контрреволюционных сил в Польше, направленные на раздувание национализма, антисоветских, антикоммунистических настроений в различных слоях польского общества, перекликаются с рекомендациями, которые даются официальными лицами США своему аппарату внешнеполитической пропаганды и имеют целью вызвать брожение и недовольство в социалистических странах.

Планы империалистических кругов добиться каких-либо преимуществ с помощью «психологической войны» против Советского Союза и других социалистических стран не давали и не дадут тех результатов, на которые рассчитывают в штаб-квартирах УМС, «Голоса Америки» и других организациях. «...Коммунисты, — отмечал на XXVI съезде Л. И. Брежнев, — всегда смело встречали атаки противника и побеждали... И пусть никто не сомневается в нашей общей решимости обеспечить свои интересы, защитить социалистические завоевания народов!»⁴⁸.

Нарастанию происков империализма против разрядки, оголтелой «психологической войны» против социализма Советский Союз противопоставил спокойный и твердый курс, определенный XXVI съездом. Последующие после съезда действия Советского Союза пронизаны

ны убедительным разоблачением действий врагов разрядки, пополнением внешнеполитической программы новыми конкретными шагами. Выступления Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева в первые же месяцы после XXVI съезда КПСС содержали важные положения, свидетельствующие об оптимизме и настойчивости Советского Союза в борьбе за торжество мира. Ярким свидетельством мирного наступления КПСС и Советского государства стали первые же послесъездовские месяцы. Рассмотрим период март — июнь 1981 года.

— 7 апреля 1981 г. Выступление Л. И. Брежнева на XVI съезде Коммунистической партии Чехословакии. Безудержная гонка вооружений в Европе — смертельная опасность для всех европейских народов. В ответ на заявления канцлера ФРГ Шмидта и государственного секретаря США Хейга о том, что Советский Союз имеет военно-стратегическое преимущество над США, официально подтверждается (уже не в первый раз), что в Европе налицо примерное равновесие сил обеих стран. Отказ от моратория на размещение в Европе новых ракетно-ядерных средств средней дальности стран НАТО и СССР свидетельствует о попытках изменить военно-стратегическое равновесие в пользу Запада. «Но такие попытки — это надо ясно понимать — лишь вынудят другую сторону к принятию ответных мер. И снова порочный круг — только положение в Европе станет еще более опасным для всех»⁴⁹.

Убедительная отповедь была дана стремлению США навязать Советскому Союзу американский «кодекс поведения» в международных делах. Ставить вопрос об «увязке», о предварительных условиях, требовать, чтобы Советский Союз отказался от учета интересов собственной безопасности и помощи своим друзьям — дело бесперспективное. Единственный путь — это отбросить в сторону диктат, проявить действительную волю к переговорам.

— 27 апреля 1981 г. Речь Л. И. Брежнева в честь лидера ливийской революции, главы Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии М. Каддафи. Советский Союз призвал США, других постоянных членов Совета Безопасности ООН, все государства следовать «кодексу поведения» в отношениях со всеми развивающимися странами. Каждому народу должно

быть предоставлено право самому, без вмешательства извне, решать свои внутренние дела, отказаться от попыток устанавливать над ними какие-либо формы господства или гегемонии или включать их в «сферу интересов» какой-либо державы; строго уважать территориальную целостность этих стран, неприкосновенность их границ. Никакой поддержки извне не оказывать каким-либо сепаратистским движениям, направленным на расчленение этих стран. Безоговорочное признание права каждого государства Африки, Азии и Латинской Америки на равноправное участие в международной жизни, на развитие отношений с любыми странами мира. Полное и безоговорочное признание суверенитета этих государств над своими природными ресурсами, а также признание на деле их полного равноправия в международных экономических отношениях; поддержка их усилий, направленных на ликвидацию колониализма, искоренение расизма и апартеида в соответствии с известными решениями ООН. Уважение статуса неприсоединения, избранного большинством государств Африки, Азии и Латинской Америки, отказ от попыток вовлечения их в военно-политические блоки держав.

— 9 мая 1981 г. Речь Л. И. Брежнева на торжественном открытии мемориального комплекса в городе-герое Киеве.

В условиях, когда средства ведения войны, средства массового уничтожения приобрели такой размах, что их применение поставило бы под вопрос существование всей современной цивилизации, призывы к гонке вооружений свидетельствуют о чудовищной позиции, о циничном, презрительном отношении к судьбам мира.

Пропаганде империализма, построенной на страхе и предубеждении, лжи и ненависти, Советский Союз противопоставляет «осмотрительность и взвешенность и вместе с тем честные, смелые усилия во имя согласия, во имя международного доверия»⁵⁰.

Советский Союз не претендует на монополию в деле укрепления мира. Он за развернутый диалог, и любая конструктивная идея всегда встретит понимание с советской стороны.

— 12 мая 1981 г. Речь Л. И. Брежнева в честь Председателя ЦК Конголезской партии труда, президента Народной Республики Конго Дени Сассу-Нгессо. Советский Союз выступает против империалистического вмешательства в дела африканских народов, за полное

очищение Африки от остатков колониализма, расизма и апартеида, против незаконной оккупации Намибии. «Пусть Африка будет континентом мира, свободным от иностранных военных баз и от ядерного оружия»⁵¹.

— 22 мая 1981 г. Речь Л. И. Брежнева на торжественном заседании в Тбилиси, посвященном 60-летию Грузинской ССР и Коммунистической партии Грузии. После XXVI съезда прошло три месяца, но его внешнеполитические идеи не стали менее значительными. Напротив, обстановка в различных районах мира подтверждает их возрастающую актуальность.

Руководители НАТО должны знать, что Советский Союз не может оставить без последствий размещение в Европе нового ракетно-ядерного оружия США, нацеленного на Советский Союз и его союзников. Если потребуется, то будут найдены внушительные средства, чтобы оградить свои жизненные интересы.

Но мир, основанный на у страшении, не привлекает Советский Союз. Он отдает предпочтение миру, разоружению, укреплению процесса разрядки. Спорные, острые вопросы можно и нужно решать путем переговоров, отбросив упование США и их союзников на военную силу.

— 26 мая 1981 г. Речь Л. И. Брежнева в честь короля Иорданского Хашимитского Королевства Хусейна Бен Талала. Советский Союз не претендует на природные богатства Ближнего Востока. Обострение событий в Ливане еще раз свидетельствует о крахе кэмп-дэвидской сделки. Единственный путь нормализации обстановки — это созыв новой международной конференции для выработки всеобъемлющего ближневосточного урегулирования с участием всех заинтересованных стран, включая Организацию освобождения Палестины — единственного представителя палестинского народа.

— 9 июня 1981 г. Речь Л. И. Брежнева в честь Президента Алжирской Народной Демократической Республики, Генерального секретаря партии Фронта национального освобождения Бенджедиды Шадли. Советский Союз считает, что район Средиземного моря из района военно-политических конфронтаций нужно и можно превратить в зону устойчивого мира и сотрудничества. В этих целях на Средиземное море предлагалось распространить оправдавшие себя в международной практике меры доверия в военной области, сократить вооруженные силы, вывести корабли-носители ядерного ору-

жия, отказаться от размещения ядерного оружия на территории средиземноморских неядерных держав, ядерным державам принять обязательства не применять ядерного оружия против любой средиземноморской страны, не допускающей размещения у себя такого оружия.

— 12 июня 1981 г. Беседа Л. И. Брежнева с У. Пальме — Председателем Социал-демократической партии Швеции, Председателем неправительственной международной организации «Независимая комиссия по вопросам разоружения и безопасности». Соединенные Штаты прервали процесс ОСВ, концентрируя усилия на том, чтобы реализовать новые программы стратегических вооружений. В Европе они оставляют за скобками американские силы передового базирования и пытаются добиться ограничения только на советские ракеты средней дальности. Это вопиющее противопоставление принципам равенства и одинаковой безопасности. Советский Союз никому не позволит ущемить законные интересы безопасности СССР, нарушить сложившийся в мире военно-стратегический баланс сил.

— 22 июня 1981 г. Выступление Л. И. Брежнева на сессии Верховного Совета СССР с предложением принять Обращение Верховного Совета СССР к парламентам и народам мира. Единогласно депутаты принимают обращение. Верховный Совет обращался по вопросам борьбы за мир в два адреса — к парламентам, от которых зависит принятие решений, и к народам, которые жаждут мира и которые в состоянии побудить свои парламенты идти в направлении обеспечения безопасности и сохранения мира.

Народы мира сталкиваются с опасной обстановкой, империалистические круги развертывают небывалую по своим масштабам гонку вооружений, уклоняются от переговоров о сдерживании процесса вооружения, от устранения очагов конфликтов и мирного решения спорных международных проблем, беззастенчиво поощряют акты открытой агрессии и международного бандитизма своих ставленников.

Верховный Совет СССР призвал парламенты и народы мира к активным действиям во имя мира и международной безопасности, используя высокий авторитет и возможности парламентов. Нет иного разумного способа решать спорные проблемы кроме переговоров.

— 27 июня 1981 г. Ответы Л. И. Брежнева на воп-

росы корреспондента финской газеты «Суомен Сосиал-демокраатти». Советский Союз готов взять на себя обязательство о неприменении ядерного оружия против стран Северной Европы, которые станут участниками безъядерной зоны, то есть откажутся от производства, приобретения и размещения на их территории ядерного оружия.

Процесс улучшения сложной и трудной международной обстановки будет нелегким. Внешнеполитическая программа XXVI съезда и последующие действия Советского Союза — свидетельство политического оптимизма, опирающегося на глубокую уверенность, что есть объективная возможность достижения мира.

Руководители Соединенных Штатов оказались в тяжелом положении. Они не имели никаких аргументов против советских предложений. Американские политики и пропагандисты вступали на зыбкий путь манипулирования, используя самые худшие средства из арсенала своих предшественников, раздували оголтелый антисоветизм, чтобы исказить политику Советского Союза, представить его сверхвооруженным, угрожающим Соединенным Штатам, таким, с которым нельзя вести переговоры.

Ложный тезис о «советской военной угрозе» повторяет старую тему: «русские идут», чтобы запугать американцев нелепой угрозой, попытаться внедрить ее, как это делалось и прежде, в каждый дом, в каждую семью.

В 1979 году ложный сигнал «русские идут» строился на «сообщении о размещении советских войск на Кубе» (на основе лживой информации, сфабрикованной ЦРУ), чтобы бросить американцев в объятия страха: «советские солдаты всего в 90 милях от США», сорвать обсуждение в сенате Договора ОСВ-2.

В том же, 1979 году события вокруг Афганистана были настроены на ту же волну: «русские выходят на путь транспортировки нефти в Персидском заливе», «русские идут к Персидскому заливу и Индийскому океану». Официальные лица выступали распространителями искажений об обстановке в Афганистане. Газеты, телевидение давали сенсационные фальшивки о применении Советским Союзом в Афганистане отравляющих химических веществ и т. п. и на этом основании утверждали, что действия русских в Афганистане «сорвали ратификацию Договора ОСВ-2». Позднее, в 1981 году, государственный секретарь Хейг скажет: «многие говорят,

что ОСВ-2 подорвался на Афганистане. Это абсолютно не соответствует действительности». У Хейга, видимо, были основания так говорить, дабы придать отказу США от прежних договоренностей другую окраску — «дефектны сами эти соглашения», и потому требуется свести дело только к одному — несоответствию Договора ОСВ-2 той политике гонки вооружений, которая включает намерение США сломать сложившееся военно-стратегическое равновесие между Соединенными Штатами и Советским Союзом.

Не раз использовался прием преднамеренной передачи секретной информации наиболее доверенным органам печати для упреждающей обработки общественного мнения. В августе 1980 года была провозглашена «новая ядерная доктрина» в качестве одного из этапов реализации плана усиления военных приготовлений. Пальма первенства в оглашении ее элементов была предоставлена двум газетам — «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост».

6 августа «Нью-Йорк таймс» поместила статью Р. Бэрта, а «Вашингтон пост» — М. Гетлера о том, что президент США «одобрил новую ядерную стратегию и подписал директиву № 59». Корреспонденты, специализирующиеся на военных вопросах, сообщали, что доктрина выработывалась в течение четырех последних лет.

По данным газеты «Вашингтон стар» (15 авг. 1980 г.), Бэрт и Гетлер были «вызваны на самый верх и кто-то рассказал им о существовании дела. Подозрение в первую очередь падало на тогдашнего министра обороны Брауна и советника президента Бжезинского». Сам факт передачи представителям газет секретной информации говорил о многом. Ведущие органы печати незадолго до этого выступали с разоблачением политических махинаций в Белом доме. Теперь же они брали на себя функции зачинателей пропаганды доктрины «ограниченной ядерной войны», пытались сделать идею ядерной войны приемлемой для американской общественности, уверяя, что без такой доктрины «невозможно достижение мира».

В таком отношении правящих кругов к ведущим органам печати США нет ничего удивительного. «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост» (после публикаций «документов Пентагона» и участия в расследовании «Уотергейта») получили репутацию газет, «проводящих независимую политику». И почему же не использовать

эту их популярность, хотя бы и подмоченную, для пропаганды гойки вооружений?

Накануне выборов 1980 года газета «Нью-Йорк таймс» поместила серию из семи статей, пытаясь доказать, что Советский Союз добивается преимущества в области вооружения над Соединенными Штатами. Каждая статья начиналась с драматического вступления (уязвимости межконтинентальных и крылатых ракет. Ставились вопросы о способности американской военной промышленности в чрезвычайной ситуации удовлетворить нужды Пентагона, способности «сил быстрого реагирования» к немедленному развертыванию и т. п.). Затем излагались взгляды члена Объединенного комитета начальников штабов, помощника министра обороны, генерала и адмирала, которые уверяли, что США сильны, но они отстают от русских.

Газета ссылалась в своих материалах на официальных лиц министерства обороны, разыгрывала прием объективности. «Факты», приводимые военными и специалистами в области вооружения, создавали реальный фон, который устраивал тех, кто заинтересован в создании новых видов оружия, получении новых военных контрактов. Рядовому читателю оставалось на веру принимать «угрозу военного отставания США», так как ему не раскрывали подлинную картину положения дел в системе американской обороны.

Журнал «Нейшн» (15 нояб. 1980 г.), анализируя серию статей «Нью-Йорк таймс», отнес их к примеру «утонченного манипулирования». В третьей статье отмечалось в журнале «Нейшн», речь шла о «прискорбном состоянии военно-воздушных сил. Все в ней — от заголовка до горьких высказываний офицеров, которым якобы не на что кормить своих летей, кричало о том, что самолеты не могут летать, а ВВС не в состоянии защитить Соединенные Штаты. Но если разобраться, это всего лишь смещение акцентов, которые понадобились газете. В действительности ничего подобного не происходит». Командующий 57-м авиационным соединением говорил: «Я не сомневаюсь в том, что, если сейчас прозвучит сигнал тревоги, наши «В-52» поднимутся в воздух и поразят цели».

Позвольте, ставил вопрос журнал, зачем же тогда паниковать?

Оказывается, ВВС не подготовились к длительной войне. Но и это не новость! Армии мирного времени ни-

когда не бывают готовы к длительной войне. Задача ВВС в начале войны — быстро доставить к цели ядерные бомбы. Может она это сделать? Все говорят: да, может. О чем тут писать? Вот и пошли в ход акценты, создающие настроение тревоги. Заголовок «ВВС готовы к любым кризисам» был бы в той статье куда более на месте, чем выбранный газетой: «Уход квалифицированного персонала из ВВС заставляет опасаться за их боеготовность».

Официальные лица США своими выступлениями, интервью давали соответствующий настрой средствам информации. Напомним лишь некоторые события января 1981 года, спустя неделю после официального вступления Рейгана в должность президента США.

28 января 1981 г. состоялась пресс-конференция государственного секретаря Хейга. Глава госдепартамента обвиняет Советский Союз в «причастности к международному терроризму».

В этот же день министр обороны США Уайнбергер, выступая в сенатской комиссии по делам вооруженных сил, потребовал увеличения военного бюджета на 1981 и 1982 фин. годы, дабы «восстановить стратегическое равновесие».

29 января была проведена первая пресс-конференция Рейгана. Мотивы те же. Договор ОСВ-2, дескать, не сокращает, а разрешает наращивание стратегических вооружений. Разрядка — это улица с односторонним движением, которой Советский Союз пользовался для достижения собственных целей — «содействия мировой революции и создания всемирного социалистического или коммунистического государства».

30 января агентство Ассошиэйтед Пресс распространило заявление председателя Объединенного комитета начальников штабов США генерала Д. Джоунса. В его уста вкладывались рассуждения о «росте советской угрозы» и «военном превосходстве русских». Он призывал США, их европейских и азиатских союзников присоединиться к стратегии США, направленной на увеличение военной мощи Америки.

Ведущие средства информации США спешили выполнить политический заказ и подтвердить тезисы, содержащиеся в выступлениях официальных лиц, попадая в не менее нелепое положение. Не обладая убедительными аргументами, они просто обманывали людей, вводили их в заблуждение.

Обратимся к двум материалам — телефильмам «Нападение на обе Америки» (1980 г.) и «Оборона Соединенных Штатов» (1981 г.). На титрах стояли разные заказчики. В первом — милитаристская организация «американский совет безопасности», во втором — телевизионная компания Си-Би-Эс. Но по методам они были весьма схожи.

«Нападение на обе Америки» — фильм начинался эпизодами, снятыми в Никарагуа до падения диктатора Самоса.

Люди, объятые ужасом, ищут укрытия от пуль. Взрываются бутылки с горючей жидкостью.

Голос за кадром: «Устроители этой бойни — партизаны-сандинисты и кубинские солдаты... Америка подвергается нападению. В ход пущены терроризм, саботаж и убийства. Стратегия исходит из Москвы... Они наносят нам удар на нашем заднем дворе».

Крупным планом трупы на месте расправы.

Дикторский текст: «Такова цена революции».

Далее — Советская Армия в действии: взлетающие МИГи, эскадрильи бомбардировщиков «ТУ-95». «Над Восточным побережьем Соединенных Штатов (?) стартуют ракеты класса «земля — воздух».

Затем президент Р. Рейган и постоянный представитель США при ООН Дж. Киркпатрик заявляют, что волнения в Латинской Америке вызваны «стремлением Советов к мировому господству... Коммунисты планируют расчленение Северной и Южной Америки и окружение Соединенных Штатов». Рейган предупреждает: «русские идут»⁵².

Фильм «Оборона Соединенных Штатов». Взлетают стратегические бомбардировщики с ядерными бомбами на борту. В глубины океана уходят атомные ракетноносцы, рвутся в космос ракеты, готовые в любую минуту обрушить смертоносный груз на города и селения. «Американские вооруженные силы быстро реагируют на советскую угрозу».

...Группа американских офицеров склонилась над макетом участка европейской территории, усыпанной моделями серебряных ракет и самолетов, танков и бронетранспортеров.

Голос диктора: «В одном из штабов на территории ФРГ офицеры расквартированных в этой стране американских войск изучают тактику ведения ограниченной ядерной войны...»

Цели этой войны — советские города и населенные пункты Западной Германии⁵³.

Что это?

Повторение радиообмана о «Войне миров» или болезненная выдумка ядерных маньяков?

Как уже знает читатель, радиообман в 1938 году вызвал панику, которой оказались охваченными около 9 млн. человек. Тогда пришлось давать специальное опровержение.

В 1981 году никаких опровержений не последовало. Средства информации, следуя в фарватере официальной политики, нагнетали обстановку страха, организовывали фактически идеологический террор против населения, вынуждая его одобрить опасные планы гонки вооружений.

Ложь ставила в нелепое положение средства информации, берущие на себя незавидную роль распространителей ненависти и подозрения, основанных на грубой дезинформации. Да и сами политики, защищая свой курс, противоречащий интересам мира и безопасности, чувствовали себя неуверенно. Политические руководители, берущие за основу своего внешнеполитического курса ложные послышки, всегда обрекали себя на искажения, утаивание правды, на абстрактную риторику, а также на заявления, лишённые логики и внутренней убедительности. И судя по всему, многие из этих элементов коснулись и администрации Рейгана. К такому выводу подводят сами заявления официальных лиц и комментарии некоторых западных органов информации.

Президент Рейган 16 июня 1981 г. выступил с третьей по счёту после прихода в Белый дом пресс-конференцией. Западные журналисты обратили внимание на некоторые неточности, оговорки, уходы от ответов в разделах, касающихся международных вопросов.

Американское агентство АП (21 июня 1981 г.) распространило комментарий, в котором отмечалось, что президент «несколько раз запнулся», «допустил одну неточность».

Вот некоторые выдержки:

— Носил ли налет Израиля на иракский ядерный реактор оборонительный характер?

— Я не могу ответить на это, потому что, как я сказал, изучение этого вопроса еще не завершено...

— А как насчет отказа Израиля подписать Договор о нераспространении ядерного оружия?

— Видите ли, я не очень задумывался над этим конкретным вопросом... Мне надо будет поразмыслить над ним.

— Представлял бы собой израильский удар по сирийским ракетам нарушение условий, на которых Израиль получил свои вооружения?

— Ну, это такой вопрос, на который, боюсь, я не смогу ответить сейчас...

— Дал ли Пакистан заверения насчет того, что он не попытается создать атомную бомбу?

— Я не буду отвечать на последующую часть этого вопроса.

К комментарию агентства АП можно добавить, что 18 июня 1981 г. первый помощник пресс-секретаря Л. Спикс заявил: «Президент сделал неправильное заявление, назвав сирийские ракеты в Ливане „наступательным оружием“».

Лондонская газета «Гардиан» (18 июня 1981 г.), комментируя пресс-конференцию Рейгана, указывала, что выступление американского президента «оставляло впечатление неосведомленности и уклончивости» и было «полно уверток».

В комментариях западных газет отсутствовала одна из главных причин таких уверток — это полное отсутствие здравого смысла в самом курсе США, нацеленном на гонку вооружений и обострение обстановки.

Можно ли без манипулирования соединить столь противоречивые тенденции, как обещание процветания американской экономики и резкого увеличения военного бюджета?

Можно ли без уверток, оговорок и дезинформации американской общественности обосновывать возможность обычной и ядерной войн, опровергать данные специалистов, в том числе и американских, о том, что между СССР и США существует примерное военно-стратегическое равенство, и внедрять ложный тезис о том, что Советский Союз нарушил якобы прежние договоренности по этому вопросу?

Можно ли обойтись без уверток, выступая с заявлениями о заинтересованности США в политическом урегулировании событий вокруг Афганистана и одновременно вести необъявленную войну против Демократической Республики Афганистан, официально провозглашая о поставках американского оружия афганским бандитам?

Можно ли принять за правду уверения США в том,

что они стремятся к мирному решению ближневосточного вопроса, если они считают возможным поощрять Израиль на провокации против Ливана, признают нормальным делом использование Израилем американских самолетов при налете на исследовательский ядерный центр в Ираке?

Можно ли принимать на веру заявления Вашингтона о мирных намерениях США в Азии, если США навязали Пакистану военную помощь в размере 2,5 млрд. долл. и договорились с Китаем о поставках ему наступательного американского оружия?

Ясно, что внешняя политика, избранная администрацией Рейгана, предопределила формы и методы ее пропаганды.

Итак, правящие круги и средства информации США находились в одной упряжке. Политическое манипулирование, построенное на ложном тезисе о «советской военной угрозе», на лжепатриотизме, уводило средства информации на зыбкий путь, где преобладало примитивное мышление о том, что в современном мире можно решить спорные вопросы «с позиции силы», что выборочные ядерные удары могут якобы ограничить ядерный конфликт. Политиков и пропагандистов несколько не смущал и тот факт, что многие из них совсем недавно говорили о другом — о том, что в современный век опора на гонку вооружений, на нарушение военно-стратегического равновесия, на запугивание военной мощью США не принесет положительных результатов. Разрядке, мирному сосуществованию государств с различными социальными системами нет никаких других разумных альтернатив. Практика мирового развития показывает, что гонка вооружений, силовое давление на Советский Союз — дело бесперспективное. История советско-американских отношений знает немало примеров того, что только на основе переговоров, на принципах равенства и равной безопасности, взаимного уважения удавалось решить важные международные вопросы.

В практике средств информации Соединенных Штатов манипулирование, построенное на откровенном обмане, на дезинформации, стало нормой. Серии разоблачений махинаций власть имущих не освободили газеты, радио, телевидение, принадлежащие различным монополистическим объединениям, от их обязанности верно служить интересам капитала, не сделали их свободными и демократическими. В каждом конкретном случае газеты и журналы разоблачали тех, кого им указывали свергать с политической арены, и оставляли в неприкосновенности тех, кто совершал не менее опасные для Америки поступки.

Вчера средства информации разгребали грязь политических боссов и недобросовестных администраторов, прославляли новых лидеров, заверявших избирателей в верности идеалам «демократии» и «свободы». Сегодня те же органы печати защищают опасные планы, направленные на расширение гонки вооружений, на то, чтобы сделать идею ядерной войны приемлемой для США и его населения.

Политическое манипулирование пронизано лозунгами «особого предназначения Америки», имперскими устремлениями американского империализма. Претензии к «освобождению» других народов, навязыванию им американских стандартов сопрягаются с утверждением и насаждением шовинистических настроений, препятствующих поиску мирных решений, и пропагандой опасных элементов внешней политики, построенной на силе оружия и психологическом давлении.

Антикоммунизм, антисоветизм были и остаются основной идеологической обработкой общественного мнения США. Отсутствие надежд, динамических идей восполняется ложными установками и фальшивыми угрозами, которые постоянно привносятся в «американскую мечту».

Распространяя в различных вариантах ложно сфабрикованную «советскую военную угрозу», правящие круги США и американские средства информации са-

ми создают обстановку, усложняющую их отношения с общественным мнением Соединенных Штатов, так как «угроза» подстегивает «кризис доверия» внутри американского общества, подрывает сотрудничество США не только с Советским Союзом, но и другими странами, поскольку исключает из внешней политики Соединенных Штатов возможность и необходимость мирного политического урегулирования спорных международных вопросов.

Политические действия, построенные на лживых «угрозах коммунизма», ведут к чрезвычайно опасным последствиям в политике и идеологической жизни США. Людей приучают жить и действовать в условиях всепоглощающей опасности, отвлекают их от внутренних проблем, создают обстановку ненависти и подозрения. А такая идеологическая обстановка постоянно усиливает существующую тенденцию к обману и фальсификации. Возникает цепная реакция грубого манипулирования.

Различными приемами — стандартизацией информации, разжиганием страхов и подозрений — культивируется неосведомленность, невежество и незнание, уводящие в сторону от существа событий. Эти приемы приобретают уродливые формы, приучают читателей, зрителей, слушателей относиться к событиям внутри страны и за рубежом сквозь призму страстей и инстинктов, что, в свою очередь, накладывает новые и новые пути на проявление подлинно человеческих свойств поведения.

Сообщения газет, радио, телевидения подаются как развлечение, что, в свою очередь, придает им вид своеобразного наркотического средства, уводящего людей в мир несбыточных иллюзий. В конечном счете дело сводится к тому, чтобы ограничить участие народных масс в решении политических вопросов, оставляя их на рассмотрение ограниченной элиты.

Отсутствие надежд в арсенале буржуазии постоянно порождает мифотворчество, где практика капитализма предстает в искривленном виде, а внедрение мифов неминуемо сопрягается с техникой обмана, что противоречит истинным интересам людей. Защита капиталистической частной собственности неотделима от воспитания замкнутости, что ведет к формированию чувства одиночества и подавленности, вызывало и будет вызывать все новые антигуманные, античеловеческие явления, углуб-

ляя и без того острый духовный кризис буржуазного общества.

Практика также показывает, что различные способы обработки не могли и не сняли напряжения в «горячих точках» буржуазного общества. Факты его политической и идеологической неоднородности сохраняются, так как постоянно действуют противоположные экономические и политические интересы.

Несмотря на применение различных защитных фильтров, с помощью «угроз» буржуазии никогда не удавалось отгородить народы от обсуждения коренных вопросов современности. Так было в 1917, 1945 и в 1981 годах. Жизненные интересы широких народных масс требуют продолжения процесса разрядки напряженности. И уйти от этого нельзя, потому что нет реальной альтернативы разрядке. Сейчас, когда идеи разрядки международной напряженности, мирного сосуществования государств с различными социально-политическими системами овладели умами сотен миллионов людей, манипулирование не остановит этого объективного процесса. Разрядка, пути ослабления напряженности были и остаются в центре внимания общественно-политической жизни народов мира.

ПРИМЕЧАНИЕ

Введение

- ¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2. М., 1970, с. 400—401.
- ² О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы. Постановление ЦК КПСС от 26 апреля 1979 года. М., 1979, с. 6.
- ³ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 9.

Глава I

- ¹ Цит. по Bartow E. News and These United States. N. Y., 1952, p. 20.
- ² См. Ефимов А. В. Очерки истории США. М., 1958, с. 32, 33.
- ³ См. Парринтон В. А. Основные течения американской мысли. М., 1962, т. 1, с. 140—148.
- ⁴ Weiss R. The American Myth of Success. N. Y., 1969, p. 4.
- ⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 778.
- ⁶ Франклин Б. Избранные произведения. М., 1956, с. 97—103.
- ⁷ Freeman H. Worth and Wealth: A Collection of Maxims, Morals and Miscellanies for Merchants and Men of Business. N. Y., 1856, p. VII; Weiss R. The American Myth of Success. N. Y., 1969, p. 4, 28.
- ⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 769.
- ⁹ Цит. по Аптекер Г. История американского народа. Колониальная эра. М., 1961, с. 154.
- ¹⁰ См. Jones R. Journalism in the United States. N. Y., 1947, p. 139.
- ¹¹ Becker C. The Declaration of Independence. A Study in the History of Political Ideas. N. Y., 1922, p. 27; Free L. and Cantril H. The Political Beliefs of Americans. A Study of Public Opinion. N. Y., 1968, p. 174.
- ¹² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 419.
- ¹³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 273.
- ¹⁴ Цит. по Becker C. Op. cit., p. 240.
- ¹⁵ Литературная история Соединенных Штатов Америки, т. I. М., 1977, с. 166.
- ¹⁶ Ефимов А. В. Указ. соч., с. 166—167.
- ¹⁷ Davis D. The Fear of Conspiracy. Images of Un-American Subversion From the Revolution to the Present. Cornell University Press. 1971, p. 35—39.
- ¹⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 208.
- ¹⁹ Пейн Т. Избранные сочинения. М., 1959, с. 97—98.
- ²⁰ Vrinins T. Alexix de Tocqueville. Uppsala, 1960, p. 14.
- ²¹ Герцен А. И. Соч., М., 1956, т. 5, с. 284.
- ²² Токвиль Ал. Демократия в Америке. Киев, 1860, т. I, с. 18.
- ²³ Там же, с. 60, 67.
- ²⁴ International Herald Tribune, 1980, March 15—16.
- ²⁵ Токвиль Ал., Указ. соч., т. IV, с. 147, 150, 151.
- ²⁶ Токвиль Ал. Указ. соч., т. I, с. 59.
- ²⁷ Токвиль Ал. Указ. соч., т. II, с. 28.
- ²⁸ Там же, с. 145.
- ²⁹ См. Lederer I. J. Russian Foreign Policy. Essays in Historical Perspective. New Haven, 1962, p. 578.

- ³⁰ См. **De Tocqueville A.** Democracy in America. N. Y., 1899, vol. I. p. 441—442.
- ³¹ Воспоминания Алексея Токвиля. М., 1893, с. 284.
- ³² См. США: Политическая мысль и история. М., 1976, с. 53.
- ³³ **Bailey Th.** The Man in the Street. The Impact of American Public Opinion on Foreign Policy. N. Y., 1948, p. 272.
- ³⁴ Цит. по **Аптекер Г.** История американского народа. Колониальная эра, с. 69.
- ³⁵ Цит. по **Aronson J.** Packaging the News. A Critical Survey of Press, Radio, TV. N. Y., 1971, p. 10.
- ³⁶ **Диккенс Чарльз.** Соч., М., 1958, т. 9, с. 299—300.
- ³⁷ **Goodwill W.** Slavery and Anti-Slavery: A History of Great Struggle in Both Hemispheres. N. Y., 1852, p. 336.
- ³⁸ **Сэндберг К.** Линкольн. М., 1961, с. 128—129
- ³⁹ См. **Маркс К. и Энгельс Ф.** Соч., т. 15, с. 317, 319, 345.
- ⁴⁰ **Маркс К. и Энгельс Ф.** Соч., т. 15, с. 354.
- ⁴¹ **Маркс К. и Энгельс Ф.** Соч., т. 23, с. 783.
- ⁴² **Swanberg W. A.** Pulitzer. N. Y., 1967, p. 49.
- ⁴³ Цит. по **Jones R.** Op. cit., p. 423.
- ⁴⁴ См. **Swanberg W. A.** Pulitzer. N. Y. 1967, p. 206; **Th. Bailey.** The Man in the Street. The Impact of American Public Opinion on Foreign Policy. N. Y., 1948, p. 308.
- ⁴⁵ **Селигмен Б.** Сильные мира сего: бизнес и бизнесмены в американской истории. М., 1976, с. 216.
- ⁴⁶ **Зубок Л. И.** Очерки истории США (1877—1918). М., 1950, с. 147, 151.
- ⁴⁷ **Сеченов И. М.** Избранные произведения. М., 1953, с. 104.
- ⁴⁸ **Брайс Джемс.** Американская республика. М., 1889, часть III, с. 105, 107, 59, 324.
- ⁴⁹ Там же, с. 3—5.
- ⁵⁰ **Дрэпер Дж.** Гражданское развитие Америки. Петербург, 1886, с. 251.
- ⁵¹ Канасский кодекс и инструкция Херста опубликованы в приложении книги: **Brown L.** The Reluctant Reformation. On Criticizing the Press in America. N. Y., 1974, p. 107—117.

Глава II

- ¹ **Lippmann W. and Merz C.** A Test of the News. N. Y., 1920.
- ² **Bailey Th.** The Man in the Street, p. 133.
- ³ **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 37, с. 69.
- ⁴ Там же, с. 496.
- ⁵ **Allen F.** Only Yesterday. An Informal History of the Nineteen-twenties. N. Y., 1931, p. 84—86.
- ⁶ **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 40, с. 151.
- ⁷ **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 39, с. 81—84, 392.
- ⁸ См. **Henderson J.** The United States Information Agency. N. Y., 1969, p. 25—26; **Sorensen Th.** The Word War. The Story of American Propaganda. N. Y., 1968, p. 6.
- ⁹ Каноны журналистики. Цит. по: **Brown L.** The Reluctant Reformation, p. 102—105.
- ¹⁰ **Harwood D.** Getting and Writing. News. N. Y., 1927, p. 18, 27, 28.
- ¹¹ **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 37, с. 48—64.
- ¹² Документы внешней политики СССР. М., 1957, т. I, с. 17.
- ¹³ Там же, с. 212.
- ¹⁴ **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 34, с. 214.

- 15 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 513, 461.
- 16 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 205.
- 17 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 86.
- 18 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 205.
- 19 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 209, т. 40, с. 152.
- 20 Документы внешней политики СССР. М., 1962, т. VI, с. 114—115.
- 21 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 403.
- 22 Документы внешней политики СССР. М., 1958, т. II, с. 298.
- 23 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 193.
- 24 См. Martin A. *Psychic Tendency of Today*. N. Y., 1918, p. 1—33.
- 25 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 451.
- 26 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 363.
- 27 Lippmann W. *Public Opinion*. N. Y., 1965.
- 28 Lippmann W. *Op. cit.*, p. 119.
- 29 *The New York Magazine*. 1969, Sept. 14.
- 30 Lippmann W. *Op. cit.*, p. 3—4.
- 31 *Ibid.*, p. 16, 69.
- 32 *Ibid.*, p. 60, 64, 69.
- 33 *Ibid.*, p. 3—4, 41.
- 34 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 120
- 35 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 128, 129.
- 36 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 485.
- 37 См. Богомолов А. С. *Англо-американская буржуазная философия эпохи империализма*, с. 143.
- 38 Lippmann W. *Op. cit.*, p. 73, 76.
- 39 Lippmann W. *Essays in the Public Philosophy*. N. Y., 1956, p. 11, 13, 17, 19, 22.
- 40 *Ibid.*, p. 33, 35.
- 41 *Ibid.*, p. 54.
- 42 *Ibid.*, p. 67.
- 43 *Ibid.*, p. 124—125, 131, 134.
- 44 Lippmann W. *Public Opinion*, p. 118—119, 138.
- 45 Lippmann W., Nevins A. *A Modern Reader. Essays on Present-day Life and Culture*. N. Y., 1936, p. 49.
- 46 *The New York Post*, 1969, Febr. 3.
- 47 *The New York Post*, 1968, March 23.
- 48 *The New York Times*, 1968, May 18.
- 49 См. Kallen H. *Culture and Democracy in the United States. Studies in the Group Psychology of the American People*. N. Y., 1924, p. 47, 13, 62.
- 50 См. Ярошевский М. Г. *Психология в XX столетии*. М., 1971, с. 183—208; *Проблемы человека в современной философии*. М., 1969, с. 277—283.
- 51 Fromm E. *The Crisis of Psychoanalysis*. Grunwich, 1970, p. 13.
- 52 Harwood D. *Getting and Writting News*. N. Y., 1927, p. 15, 29, 50—51.
- 53 Cornell R. *Reclaiming the American Dream*. N. Y., 1965, p. 24—25; Allen F. *Only Yesterday*, p. 355.
- 54 Lamley F. *The Propaganda Menace*. N. Y., 1933, p. 389.
- 55 Wilson J. *Ideology and Economics. U. S. Relations With the Soviet Union. 1918—1933*. University of Missouri Press—Columbia. 1974, p. 151, 132.
- 56 Jones R. *Op. cit.*, p. 566.
- 57 Barnett R. *Roots of War. The Men and Institutions Behind U. S. Foreign Policy*. N. Y., 1972, p. 263.
- 58 Документы внешней политики СССР. М., 1970, т. XVI, с. 642—644.

- ⁵⁹ Документы внешней политики СССР. М., 1973, т. XVIII, с. 476.
⁶⁰ См. Документы внешней политики СССР. М., 1974, т. XIX, с. 110.
⁶¹ Lee A. M. and Lee E. B. (eds). *The Fine Art of Propoganda*. N. Y., 1939.
⁶² VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. Сборник документов. М., 1975, с. 156.
⁶³ Dies M. *The Trojan Horse in America*. N. Y., 1940, p. 294—295, 303.
⁶⁴ Seldes G. *You Can't Do That: A Survey of the Forces Attempting, in the Name of Patriotism, to Make a Desert of the Bill of Rights*. N. Y., 1938, p. 212—215.

Глава III

- ¹ См. Bailey Th. *The Man in the Street*, p. 133, 220.
² Данные о деятельности Управления информации (ОВА) см. Sorensen Th. *The Word War*, p. 10; Henderson J. *The United States Information Agency*. N. Y., 1969, p. 33, 35; Dyer M. *The Weapon on the Wall. Rethinking of Psychological Warfare*. Baltimore, 1959, p. 112.
³ Childs H. *An Introduction to Public Opinion*. N. Y., 1940, p. 31.
⁴ См. Sorensen Th. *Op. cit.*, p. 17.
⁵ См. Dyer M. *Op. cit.*, p. 121.
⁶ Цит. по Schiller H. *Mass Communications and American Empire*. N. Y., 1970, p. 6—7.
⁷ Kennan G. *Memoirs 1925—1950*. Boston, Toronto, 1967, p. 239.
⁸ См. Kennan G. *Op. cit.*, p. 303, 306, 311.
⁹ *Ibid.*, p. 340, 341.
¹⁰ *Ibid.*, p. 354—355, 356.
¹¹ Kennan G. *Memoirs*, p. 500; *The Washington Post*, 1965, Dec. 12.
¹² Perry R. *Characteristically American*, N. Y., 1949, p. 37, 128.
¹³ *Ibid.*, p. 143.
¹⁴ *Ibid.*, p. 145.
¹⁵ *Ibid.*, p. 15, 26—27.
¹⁶ *Ibid.*, p. 89.
¹⁷ Doob L. *Public Opinion and Propaganda*. N. Y., 1948, p. 240.
¹⁸ Bailey Th. *The Man in the Street*, p. 295.
¹⁹ Smith B., Lasswell H., Casey R. *Propaganda, Communication and Public Opinion. A Comprehensive Reference Guide*. Princeton, 1946, p. 81—82.
²⁰ *Ibid.*, p. 121;
²¹ См. Lasswell H. Nathan Leites and Associates. *The Language of Politics*. N. Y., 1949, p. 9, 3.
²² *Dictionary of United States Army Terms*. Department of the Army. Wash., March 1969, p. 351; Daugherty W., Janowitz M. *Psychological Warfare Casebook*. N. Y., 1968, p. 13.
²³ Webster. *Dictionary*, 1977, p. 1454.
²⁴ См. VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны, с. 123—126.
²⁵ См. Davison W. *International Political Communication*. N. Y., 1965, p. 183.
²⁶ Лайнбарджер П. *Психологическая война*. М., 1962, с. 48.
²⁷ См. Berelson B. and Janowitz M. *Reader in Public Opinion and Communication*. Glencoe. 1948, p. 466.
²⁸ См. Katz D. (ed.). *Public Opinion and Propaganda*. N. Y., 1954, p. 510—511.

- ²⁹ **Markel L.** (ed.). *Public Opinion and Foreign Policy*. N. Y., 1949, p. 5, 16, 18.
- ³⁰ **Dyer M.** *The Weapon on the Wall*, p. 135.
- ³¹ **Meyerhoff A.** *The Strategy of Persuasion. The use of Advertising Skill in fighting the Cold War.*, N. Y., 1965, p. 88—89.
- ³² См. *The New York Times*, 1972, Apr. 1.
- ³³ **Nevins A.** and **Commager H.** *History of the USA*. N. Y., 1961, p. 563.
- ³⁴ *Anatomy of Anti-Communism*. N. Y., 1969, p. XII.
- ³⁵ **Rossiter C.** *Conservatism in America*. Melbourne, London, Toronto, 1955, p. 5.
- ³⁶ *Ibid.*, p. 251.
- ³⁷ *Ibid.*, p. 226—227, 245.
- ³⁸ **См. Lazarsfeld P., Berelson B., Gandet H.** *The People's Choice*. N. Y., 1948; **Bryson L.** *The Communication of Ideas*. N. Y., 1948; **Berelson B., Lazarsfeld P.** and **McPhee.** *Voting: A Study of Opinion Formation in a Residential Campaign*. Chicago, 1945; **Schramm W.** *The Nature of Communication between humans. In: The Process and Effects of Mass Communication*. Chicago, 1954; **Klapper J.** *The Effects of Mass Communication*. N. Y., 1960.
- ³⁹ **Lazarsfeld P., Berelson B., Gandet H.** *The People's Choice*, p. 151, 49.
- ⁴⁰ **Klapper J.** *The Effects of Mass Communication*, p. 253.
- ⁴¹ **Klapper J.** *Op. cit.*, p. 105, 42.
- ⁴² См. **Hovland C., Janis J.** and **Kelley H.** *Communication and Persuasion*. New Haven, 1953, p. 27.
- ⁴³ **Dyer M.** *The Weapon on the Wall*, p. 2. 3; **Joyce W.** *The Propaganda Gap*. N. Y., 1963, p. 1, 3.
- ⁴⁴ См. **Sorenson Th.** *The Word War*, p. 102, 104.
- ⁴⁵ **Dyer M.** *Op. cit.*, p. 9, 7.
- ⁴⁶ **Kahn H.** *On Escalation. Metaphor and Scenarios*. N. Y., 1965, p. IX.
- ⁴⁷ См. *Congressional Record*. February 26. 1971, p. 2110—2114.
- ⁴⁸ См. *Facts on Communism Wash.*, 1960, vol. II, p. 5, 159, 247; *What in Communism*. N. Y., 1963, p. 172—186.
- ⁴⁹ **Free L.** and **Cantril H.** *The Political Beliefs of Americans. A Study of Public Opinion*. New Jersey. 1967, p. 119—120.
- ⁵⁰ **Saull Jr.** *The American Ultras. The Extreme Right and Military—Industrial Complex*. N. Y., 1962, p. 29—30.

Глава IV

- ¹ См. **Mcluhan M.** *Understanding Media: Extensions of Man*. N. Y., 1965; *Sight, Sound and Fury*. Boston, 1965; *Hot and Cool*. N. Y., 1968; *Culture is our Business*. N. Y., Toronto, 1970.
- ² **Mcluhan M.** *Understanding Media*, p. VI.
- ³ *Ibid.*, p. 14, 15.
- ⁴ *Ibid.*, p. 82—83, 93, 103, 159, 117.
- ⁵ **Маркс К.** и **Энгельс Ф.** *Соч.*, т. 3, с. 176.
- ⁶ **Маркс К.** и **Энгельс Ф.** *Соч.*, т. 46, часть II, с. 33; т. 47, с. 418.
- ⁷ **Маркс К.** и **Энгельс Ф.** *Соч.*, т. 7, с. 351.
- ⁸ **Маркс К.** и **Энгельс Ф.** *Соч.*, т. 27, с. 405.
- ⁹ **Маркс К.** и **Энгельс Ф.** *Соч.*, т. 20, с. 303—304.
- ¹⁰ **Маркс К.** и **Энгельс Ф.** *Соч.*, т. 3, с. 60.
- ¹¹ **Mcluhan M.** *Op. cit.*, p. 104.
- ¹² **Ленин В. И.** *Полн. собр., соч.*, т. 18, с. 343.

- ¹³ **Mcluhan M.** Op. cit., p. VIII, 22, 212.
- ¹⁴ См. **Mcluhan M.** Op. cit., p. 208, 211.
- ¹⁵ **Mcluhan M.** Culture is our business, p. 16; Hot and Cool, p. 182, 56, 64.
- ¹⁶ **Brown R.** Social Psychology. N. Y., 1966, p. 188, 175.
- ¹⁷ ЮНЕСКО. Курьер, 1969, авг. — сент.
- ¹⁸ **Klapper J.** The Effect of Mass Communication. Clencoe, 1960; **Childs H.** Public Opinion: Nature, Formation and Role. Princeton, 1965; **Berelson B., Steiner S.** Human Behavior. N. Y., 1964.
- ¹⁹ См. **Chaney D.** Processes of Mass Communication. University of Durban. The Macmillan Press, 1972, p. 44.
- ²⁰ **Dexter L., White D.** (eds) People, Society and Mass Communication. L., 1964 p. 56.
- ²¹ **Free L. and Cantril H.** The Political Beliefs of Americans, p. 3, 178, 175.
- ²² Ibid., p. 179.
- ²³ Ibid., p. 98.
- ²⁴ Ibid., p. 131—132.
- ²⁵ Ibid., p. 85, 83, 84, 119, 120.
- ²⁶ **Adrian Ch., Press Ch.** American Political Process. N. Y., 1969, p. 21, 168.
- ²⁷ **Маркс К. и Энгельс Ф.** Соч., т. 37, с. 394.
- ²⁸ **Маркс К. и Энгельс Ф.** Соч., т. 4, с. 125.
- ²⁹ **Adrian Ch., Press Ch.** Op. cit., p. 168, 169.
- ³⁰ **Henderson J.** The United States Information Agency, p. VIII, 5, 20.
- ³¹ **Apter D.** The Politics of Modernization. Chicago, 1965, p. 320—321.
- ³² **Rapoport A.** Strategy and Conscience. N. Y., 1964, p. 139—140; **Masters R.** The Nation in Burdened. American Foreign Policy in a Changing World. N. Y., 1967, p. 11—12.
- ³³ **Rapoport A.** Op. cit., p. 201—202.
- ³⁴ В передачах приняли участие: Б. Берелсон — директор исследовательских программ в области коммуникаций, Р. Тайлер — директор Центра повышения квалификации в области науки о поведении (Калифорния), Ю. Хилгард — профессор психологии Стэнфордского университета, Г. Альперг — бывший президент Американской ассоциации исследования общественного мнения, С. Стауффер — профессор психологии Гарвардского университета, К. Ховланд — профессор психологии Йельского университета, К. Прайбрен — профессор психологии Стэнфордского университета, Х. Харлоу — профессор психологии Висконсинского университета, Г. Миллер — профессор психологии Гарвардского университета, Р. Кнапп — профессор психологии Уэльсского университета, П. Лазерсфельд — заведующий кафедрой социологии Колумбийского университета, С. Липсет — профессор социологии, директор института международных исследований Калифорнийского университета, Р. Мертон — профессор социологии Колумбийского университета и др.
- ³⁵ **Berelson B.** (ed). The Behavioral Science Today. N. Y., 1963, p. 50, 163.
- ³⁶ Ibid., p. 250, 145, 150.
- ³⁷ Ibid., p. 189, 178, 154, 201, 199.
- ³⁸ Ibid., p. 245, 231.
- ³⁹ **Davison W.** International Political Communication, p. 3; **Whitton J.** (ed). Propaganda and The Cold War. Wash., 1963, p. 111.
- ⁴⁰ **Whitton J.** (ed). Op. cit., p. 65—66, 3, 38.
- ⁴¹ См. **Rostow W.** The United States in the World Arena. N. Y., 1960, p. 453.

- ⁴² **Ellul J.** Propaganda. The Formation of Men's Attitudes. N. Y., 1965, p. 67—68.
- ⁴³ *Ibid.*, p. 64, 65.
- ⁴⁴ **Choukas M.** Propaganda Comes of Age. Wash., 1965, p. 59.
- ⁴⁵ *Ibid.*, p. 111—112, 75.
- ⁴⁶ **Sorensen Th.** The Word War, p. 303.
- ⁴⁷ **Lacy D.** Freedom and Communications. University of Illinois Press. Urbana, 1961, p. 78—79.
- ⁴⁸ Цит. по: **Schiller H.** Mass Communications and American Empire, p. 39.
- ⁴⁹ What is Communism, p. 9.
- ⁵⁰ **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 19, с. 314.
- ⁵¹ **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 26, с. 227.
- ⁵² **Elder R.** *Op. cit.*, p. VII.
- ⁵³ **Davison W.** *Op. cit.*, p. 278.
- ⁵⁴ The Washington Post, 1970, Jan. 12.
- ⁵⁵ См. **Sorensen Th.** *Op. cit.*, p. 187—188.
- ⁵⁶ Time, 1969, Dec. 5; The New York Times, 1970, May 25.
- ⁵⁷ The New York Times, 1972, Dec. 16.

Глава V

- ¹ **Schiller H.** The Mind Managers. Boston, 1973; **Hoch P.** The Newspaper Game. The Political Sociology of the Press. L., 1974; **Aronson J.** Packaging the News. A Critical Survey of Press, Radio, TV. N. Y., 1971; **Glessing R.** The Underground Press in America. Indiana University Press, 1971; **Bagdikian B.** The Information Machines. Their Impact on Men and the Media. N. Y., 1971; **Brown L.** The Reluctant Reformation. On Criticizing the Press in America, N. Y., 1974; **Barnet R.** Roots of War. N. Y., 1972; **Griffith T.** How True. A Sceptic's Guide to Believing the News. Boston — Toronto, 1974.
- ² **Schiller H.** The Mind Managers, p. I.
- ³ **Aronson J.** Packaging the News, p. 73, 75, 207.
- ⁴ См. Newsweek, 1962, Oct. 6; Fortune, 1969, Dec.
- ⁵ Akron Beacon Journal, 1967, March 27.
- ⁶ The New York Times, 1970, Apr. 22, May 5, May 16.
- ⁷ The New York Times, 1972, Apr. 15.
- ⁸ **Aronson J.** *Op. cit.*, p. 216.
- ⁹ Данные о деятельности ЮСИА в Южном Вьетнаме см. **Sorensen Th.** *Op. cit.*, p. 65—66; **Elder R.** *Op. cit.*, p. 20; **Henderson J.** *Op. cit.*, p. 243; Congressional Record, 1971. March 20, S — 3975 — S. 3988.
- ¹⁰ См. The Washington Post, 1972, Jan. 25.
- ¹¹ **Barnet R.** Roots of War, p. 254.
- ¹² Newsweek, 1970, July 6.
- ¹³ Цит. по **Talese G.** The Kingdom and the Power. World Publishing, 1969.
- ¹⁴ См. По ступеням войны и обмана. М., 1971, с. 10—13.
- ¹⁵ **Moody's Industrial Manual.** Vol. 2. 1974, p. 2879—2880; **Moody's Bank and Finance Manual.** Vol. I, 1978, p. 332—335.
- ¹⁶ Данные об американской печати см. U. S. News and World Report, 1974, Apr. 29; **Bagdikian B.** Information Machines, p. 129, 167, 134, 251; **Мицк М., Коэн Д.** Америка, инкорпорейтед. Кто владеет и управляет Соединенными Штатами. М., 1973, с. 49, 56.
- ¹⁷ **Mass Media and Violence.** A Staff Report of the National Commission on the Causes and Prevention of Violence, prepared by Robert K. Baker and dr. Sandra J. Ball. Wash., Nov., 1969, p. 1.

- ¹⁸ *Ibid.*, p. 68, 159.
- ¹⁹ **Aronson J.** *Packaging the News*, p. 7, 14.
- ²⁰ **Bagdikian B.** *Information Machines*, p. XIII.
- ²¹ *Ibid.*, p. XII.
- ²² *Ibid.*, p. 115.
- ²³ *Ibid.*, p. 86—87.
- ²⁴ **Hoch P.** *The Newspaper Game*, p. 175.
- ²⁵ **Aronson J.** *Packaging the News*, p. 15.
- ²⁶ **Bagdikian B.** *Op. cit.*, p. 258, 64, 298.
- ²⁷ *Ibid.*, p. 184.
- ²⁸ **Bagdikian B.** *Op. cit.*, p. 190, 189.
- ²⁹ **Schiller H.** *The Mind Managers*, p. 1, 3.
- ³⁰ *Ibid.*, p. 8.
- ³¹ *Ibid.*, p. 11.
- ³² *Ibid.*, p. 14, 16.
- ³³ *Ibid.*, p. 17, 20, 21.
- ³⁴ *Ibid.*, p. 28.
- ³⁵ *Ibid.*, p. 30.
- ³⁵ **Hoch P.** *Op. cit.*, p. 127, 138—139.
- ³⁷ *Ibid.*, p. 149.
- ³⁸ *The New York Times*, 1971, Apr. 21.
- ³⁹ **См. Brown L.** *The Reluctant Reformation*, p. 11, 99.
- ⁴⁰ **См. Nimmo D.** *Political Communication and Public Opinion*. Santa Monica, California. 1978, p. 11, 12, 128.
- ⁴¹ **Nimmo D.** *Op. cit.*, p. 187.
- ⁴² **Bernstein C., Woodward B.** *All the President's Men*. N. Y., 1976, p. 73, 137.
- ⁴³ *Ibid.*, p. 137.
- ⁴⁴ *Ibid.*, p. 93, 119.
- ⁴⁵ *Ibid.*, p. 225.
- ⁴⁶ **Woodward Bob, Bernstein Carl.** *The Final Days*. N. Y., 1976, p. VIII.
- ⁴⁷ **Bernstein C., Woodward B.** *All the President's Men*, p. 62.
- ⁴⁸ *U. S. News and World Report*, 1976, Apr. 12.
- ⁴⁹ **См. Bernstein C., Woodward B.** *All The President's Men*, p. 33—34, 205.
- ⁵⁰ **Ландберг Ф.** *Богачи и сверхбогачи*. М., 1975, с. 435.
- ⁵¹ *Time*, 1977, Dec. 12.
- ⁵² **Mankiewicz F.** *U. S. v. Richard M. Nixon. The Final Crisis*. N. Y. 1975, p. 84, 86, 88.
- ⁵³ *International Herald Tribune*, 1977, May 26; *Newsweek*, 1977, May 16.
- ⁵⁴ **Селигман Б.** *Сильные мира сего*, с. 373.
- ⁵⁵ **White T.** *The Making of the President*. 1960, p. 89.
- ⁵⁶ *International Herald Tribune*, 1977, Oct. 3.
- ⁵⁷ **См. Safire W.** *Before the Fall. On Inside view of the Pre—Watergate White House*. N. Y., 1975, p. 315, 312.

Глава VI

- ¹ *The New York Times*, 1976, June 4.
- ² **Schlesinger Arthur M., Jr.** *The Imperial Presidency*. Boston. 1973, p. 128.
- ³ *Ibid.*, p. 178, 168.
- ⁴ *Fortune*, 1975, Apr.
- ⁵ *The New York Times*, 1975, March 10.
- ⁶ *Congressional Record*, 1974, March 19, C — 3823.

- ⁷ The Department of State Bulletin, 1977, June 13.
- ⁸ U. S. News and World Report, 1976, March 8; Time, 1976, Apr. 12.
- ⁹ International Herald Tribune, 1977, Oct. 10.
- ¹⁰ U. S. News and World Report, 1976, March 8.
- ¹¹ См. **Stavins B.** (ed.) Television Today. Wash., 1969, p. 75.
- ¹² Defending America. Towards a New Role in the Post—Detente World. N. Y., 1977.
- ¹³ См. The U. S. Role in East—West Trade. Problems and Prospects. 1975, Aug., p. 27.
- ¹⁴ См. **Брежнев Л. И.** Ленинским курсом. Речи, приветствия, статьи, воспоминания, т. 7, с. 590—591.
- ¹⁵ The New York Times, 1974, March 17.
- ¹⁶ Foreign Affairs, 1975, March.
- ¹⁷ The New York Times, 1976, Jan. 19.
- ¹⁸ Congressional Record, 1976, Febr. 17, S — 1679.
- ¹⁹ Congressional Record, 1976, Febr. 19, S — 741.
- ²⁰ Очерки новой и новейшей истории США. М., 1960, т. I, с. 139.
- ²¹ Congressional Record, 1976, March 2, S — 2626.
- ²² См. Saturday Review, 1976, March 6.
- ²³ См. Newsday, 1976, May 27.
- ²⁴ **Tunstall J.** The Media are American. Anglo-American Media in the World. N. Y., 1977, p. 44, 45.
- ²⁵ **Donner F.** The Age of Surveillance. N. Y., 1980.
- ²⁶ **Tunstall J.** Op. cit., p. 264, 138.
- ²⁷ **Nimmo D.** Op. cit., p. 103, 110, 188, 245.
- ²⁸ U. S. News and World Report, 1980, Febr. 4.
- ²⁹ Ради мира на земле. Советско-американская встреча на высшем уровне в Вене. 15—18 июня 1979 года. М., 1979, с. 35.
- ³⁰ The New York Times, 1981, Febr. 8.
- ³¹ См. Time, 1978, June 19; Newsweek, 1978, June 19.
- ³² Newsweek, 1971, May 24.
- ³³ **Brzezinski Z.** Between Two Ages: America's Role in the Technotronic Era. N. Y., 1970, p. 286, 156.
- ³⁴ Ibid., p. 204, 13, 9.
- ³⁵ Ibid., p. 24, 25.
- ³⁶ Ibid., p. 18, 19—20.
- ³⁷ Newsweek, 1970, July 27; Foreign Affairs, 1970, Oct. — Dec.
- ³⁸ Time, 1977, May 30; Newsweek, 1978, Jan. 30.
- ³⁹ The New York Times Magazine, 1978, Dec. 31.
- ⁴⁰ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 4.
- ⁴¹ Там же, с. 29.
- ⁴² Там же, с. 30.
- ⁴³ Там же, с. 23.
- ⁴⁴ The New York Times, 1981, Febr. 24.
- ⁴⁵ The Washington Post, 1981, June 8.
- ⁴⁶ Правда, 1981, 8 апр.
- ⁴⁷ См. Правда, 1981, 12 июня.
- ⁴⁸ Материалы XXVI съезда, с. 10.
- ⁴⁹ Правда, 1981, 8 апреля.
- ⁵⁰ Правда, 1981, 10 мая.
- ⁵¹ Правда, 1981, 13 мая.
- ⁵² Nation, 1981, March 28.
- ⁵³ См. Правда, 1981, 21 июня.

Альберт Иванович
ВЛАСОВ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МАНИПУЛЯЦИИ

(ИСТОРИЯ И ПРАКТИКА
СРЕДСТВ МАССОВОЙ
ИНФОРМАЦИИ США)

Редактор
Н. И. САКОНТИКОВ

Оформление художника
А. В. КУЗНЕЦОВА

Художественный редактор
В. В. СУРЦОВ

Технический редактор
И. Г. МАКАРОВА

Корректор
Н. А. БОРИСОВА

ИБ № 755

Сдано в набор 21.08.81. Подписано в печать 17.02.82. А 01423. Формат 84×108¹/₂. Бумага типогр. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,96. Усл. кр.-отт. 15,96. Уч.-изд. л. 17,44. Тираж 8000 экз. Заказ № 553. Цена 1 р. 80 к. Изд. № 191И/80.

Издательство «Международные отношения»
107053, Москва, Б-53, Садовая-Спаская, 20.

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

А. И. ВЛАСОВ • ПОЛИТИЧЕСКИЕ МАНИПУЛЯЦИИ